ВИКЕНТІЙ ЖУРАВСКІЙ.

1043847р
94
Ж091

ПОЛЬША, СИБИРЬ И АМЕРИКА.

САМОВОЛЬНЫЕ ПЕРЕПЕЧАТКИ И ПЕРЕВОДЫ БУДУТЪ ПРЕСЛѢДОРАТЬСЯ СУДОМЪ.

ЛОНДОНЪ
ПЕЧАТАНО НА СЧЕТЪ АВТОРА ВЪ ТИПОГРАФІИ
ГИЛЬБЕРТА и РИВИНГТОНА (Limited),
СТ. ДЖОНСЪ СКВЕРЪ, КЛЕРКЕНВЕЛЛЪ.

1891.

ЦѢНА :—4 ШИЛИНГА.

The right of Translation is reserved.

п05

9И (Польша)
Ж91

ВИКЕНТІЙ ЖУРАВСКІЙ.

ПОЛЬША, СИБИРЬ

И

АМЕРИКА.

1043387 р

САМОВОЛЬНЫЕ ПЕРЕПЕЧАТКИ И ПЕРЕВОДЫ БУДУТЪ ПРЕСЛѢДОВАТЬСЯ СУДОМЪ.

ЛОНДОНЪ
ПЕЧАТАНО НА СЧЕТЪ АВТОРА ВЪ ТИПОГРАФІИ
ГИЛЬБЕРТА и РИВИНГТОНА (Limited),
СТ. ДЖОНСЪ СКВЕРЪ, КЛЕРКЕНВЕЛЪ.

1891.

ЦѢНА: 4 ШИЛИНГА.

ТЮМЕ...
областна...
Сектор ...

А. Таўгар

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВЕЛИКОЙ И СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ КАЗНЕННЫХЪ ВЪ ИРКУТСКѢ, ЗА БАЙКАЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ 1886 ГОДА, ПОЛЯКОВЪ.

Rzuciliśmy ojców, domy, by Krajowi służyć swemu.
Był nam piekłem wróg łakomy: teraz piekło niesiem jemu.
Hasłem naszem—trupia głowa! Widzisz, wrogu: pójdź się bić!
Nas lub ciebie grób pochowa, ale POLSKA MUSI ŻYĆ!

(Изъ пѣсни 3-го польскаго полка — „тржецяковъ" — 1831 г.)

I.

Двадцать четыре вѣка тому назадъ, 2322 года, Ѳукидидъ, описывая пелопонезскую войну впервые заявилъ, что многое „по ходу дѣлъ человѣческихъ можетъ повториться снова" (1, 22). Эта величайшая аксіома исторіи, которую поэтому Цицеронъ назвалъ наставницей жизни—magistra vitæ (Cicero, de Orat., 11, 9), восполнилась, въ новѣйшее время, другой, гласящей, что чѣмъ старѣе дѣлается человѣчество, тѣмъ грандіознѣе, ожесточеннѣе и быстрѣе мѣняются и переплетаются два вѣчные полюсы человѣческаго бытья: движеніе и захватъ, сохраненіе и остановки. Продолжавшееся не одно столѣтіе, такъ называемое въ исторіи великое переселеніе народовъ, истребленіе въ древности цѣлыхъ царствъ и націй на войнѣ, самыя громадныя, наконецъ, народныя движенія Аѳинъ и Рима — просто забавныя миніатюры въ сравненіи съ однородными фактами нашего времени: съ заселеніемъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки въ послѣднее полвѣка, съ такими побоищами, какъ франко-германская война 1870 года, или послѣдняя русско-турецкая, и съ такимъ внутреннимъ движеніемъ, какъ великая, но несчастная парижская коммуна 1870 года, для борьбы съ врагами справедливости и права, хоть тѣ и были, увы, родными братьями, выставившая подъ начальствомъ одного изъ доблестныхъ сыновъ Польши, Домбровскаго нѣсколькосоттысячную армію.

Нынѣшнее время и то, въ которое безвинно распятъ былъ на-Голгофѣ сынъ бѣдной дѣвы Маріи, поразительно и безусловно сходны между собою. Какъ тогда, такъ и теперь, нѣтъ истиннаго Бога, правды и любви, нѣтъ женщины, нѣтъ свободнаго человѣка, свободнаго знанія, независимой мысли, вольнаго труда. Ваалъ и чувственность заполонили сердце: ложь и гниль — мозги. Подтверждая ту святую истину, что духъ и тѣло человѣка едины и нераздѣльны, но не тѣло руководитъ духомъ, а духъ — тѣломъ, въ то время, какъ упала въ современномъ обществѣ душа человѣческая, когда духъ нашъ потерялъ свой вышній полетъ, люди и тѣломъ стали нынѣ дряблы, неказисты и хилы. Посмотрите, на милость, какъ быстро падаютъ теперь — ростъ человѣка, его красота и сила! Вчера еще были исполинами, красавцами, силачами; сегодня уже — пигмеи, безобразники лицомъ, разслабленные отъ рожденія до могилы. Въ современныхъ арміяхъ не знаютъ, что сдѣлать съ нормой роста: такъ онъ падаетъ. Красивый мужчина, даже красивая женщина — рѣдкость; сильныхъ людей, недавно еще такъ обыкновенныхъ, теперь показываютъ за деньги. Продолжительность жизни нынѣшняго средняго человѣка сокращается не по днямъ, а по часамъ.

Глухо, страшно, отчаянно стонетъ, страдаетъ и въ дни наши вселенная, какъ стонала и страдала она въ то время, когда въ убогомъ Виѳлеемѣ, въ грязныхъ ясляхъ, среди скота, родился, въ глухую, холодную полночь, Искупитель міра. Теперь всѣ тѣ изъ насъ, кто смотрятъ прямѣе и судятъ глубже, видятъ все это; другіе — лишь часть; но всѣ рѣшительно, какъ и во время появленія Христа, согласны въ томъ, что паденіе человѣчества дошло нынѣ до своего апогея, что, поэтому, такъ дальше быть не можетъ, и что, въ силу того несмѣннаго закона человѣческой исторіи и логики, по которому, на рубежѣ самаго худшаго зла, начинается всегда лучшее добро, мы всѣ чувствуемъ то, всѣ сознаемъ то, что находимся наканунѣ новаго строя человѣчества, на зарѣ такого свѣтлаго дня, какого еще, до сихъ поръ, не видѣлъ божій міръ! И когда этотъ, всѣми жданный день новаго, дѣйствительнаго и всеобщаго воскресенія настанетъ, то всѣ тогда

воочію увидятъ, что началомъ его разсвѣта, послѣдними минутами восемнадцати вѣковой страшной ночи человѣчества были: воистину великая французская революція 1789 года и освобожденіе отъ британскаго гнета, при помощи поляковъ и французовъ, тѣхъ отдѣленныхъ океаномъ отъ старой, полусгнившей Европы земель, которыя теперь составляютъ знаменитую и могущественную республику Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Тогда то впервые послѣ Виѳлеема и крестнаго пути, правда, мутно, сквозь сумракъ отходящей ночи, и втеченіе всего одного мгновенья, но взглянулъ все таки кругомъ, въ лицѣ французскаго народа, родъ людской. Тогда же онъ впервые, на необъятномъ просторѣ, сталъ, въ лицѣ американскихъ переселенцвъ, устраиваться такъ, какъ самъ того хотѣлъ и считалъ за лучшее.

Нужно ли еще говорить, что какъ великая революція, такъ и образованіе свободной американской республики одинаково были дѣломъ науки и мысли, которыя однѣ только дѣлаютъ все лучшее на землѣ. Онѣ родили открытіе Америки, реформацію книгопечатаніе, паръ, электричество: въ нихъ только крѣпость и жизнь. Папство всегда было лучшей и величайшей цивилизаціонной силой человѣчества, когда оно опиралось на знаніи. Видятъ мощь папства въ Гильдебрандтѣ, Григоріѣ VII, сдѣлавшемъ папъ самодержцами, создавшемъ, посредствомъ безбрачія духовенства, страшную армію духовныхъ янычаръ, и доведшемъ императора Генриха IV до Каноссы. Указываютъ на Иннокентія III, при которомъ весь міръ слушался папства. Да, это была мощь папства несомнѣнная, но мощь чисто государственная, внѣшняя, поэтому скоропреходящая, безслѣдная. Но для вселенской кафедры Св. Петра, которая есть не мѣсто, не институтъ, а догматъ, доктрина, безъ всякаго сомнѣнія, несравненно больше этихъ обоихъ могущественныхъ папъ сдѣлалъ Сильвестръ II, родомъ французъ, Гербертъ, знаменитый ученый, сплетшій крестъ со знаніемъ, вслѣдствіе чего христіанство ширилось: такъ вся Венгрія, съ королемъ Стефаномъ, при этомъ папѣ сдѣлалась христіанской. Все это понимали и понимаютъ послѣдователи Игнатія Лойола, и для соб-

ственной крѣпости, опираются на науку, хоть и извращаютъ ее на самомъ дѣдѣ.

Но, если образованіе свободной Америки, можетъ быть потому, что необозримыя воды океана отдѣляли ее отъ старой Европы, въ послѣдней, хотя и враждебно, но довольно спокойно, встрѣчено было, то за то великая французская революція, потрясшая и озарившая все и всѣхъ, рѣшительно весь старый историческій міръ рѣзко раздѣлила на два враждебные лагера. По одной сторонѣ стали лучшія части народовъ—говорю „лучшія части", а не полные народы, какъ, для краснаго словца, обыкновенно это говорятъ, потому что, еслибъ тогда всѣ народы поняли и усвоили себѣ начала великой революціи, то не только мы, но и наши отцы, давно были бы уже счастливы. Другую сторону заняли невѣжественныя массы и ихъ властные руководители: попъ, помѣщикъ и чиновникъ, которыхъ революція 1789 года всѣхъ одинаково косила словомъ энциклопедистовъ и ножемъ гильотины, и которые, поэтому, естественно, въ виду одинаковой всѣмъ имъ гибели, подали другъ другу руку. Попъ, какъ душа всего, какъ центръ, сталъ въ серединѣ: по бокамъ его помѣстились—помѣщикъ и чиновникъ, всѣмъ имъ необходимъ былъ свободный центръ, вооруженный, такъ сказать, лагерь, въ которомъ бы всѣ свои силы они могли сосредоточить, требевалось мѣсто, откуда бы можно было всего удобнѣе дѣйствовать. Два, до тѣхъ поръ, всемірные центра для нихъ были потеряны въ то время: Парижъ посвоему преобразила революція, Римъ, какъ твердыню папства, посолдатски разметалъ Бонапартъ, который никогда не былъ сыномъ революціи, но пасынкомъ ея все-таки нельзя его не признать. Гдѣ же было обосноваться? Враги великой французской революціи, они же и враги всего человѣчества, избрали на свою стоянку Россію и Петербургъ. Нужно отдать справедливость, что этотъ выборъ былъ не только весьма удачный, но и вполнѣ раціональный.

Когда лучшіе умы и сердца всего міра называютъ Францію носительницей новѣйшей цивилизаціи, а поляковъ зовутъ французами сѣвера и Польшу—сестрой Франціи, то во всемъ

этомъ они безусловно правы. Но глубоко ошибаются даже такіе замѣчательные люди, какъ Мишле, Кине и другіе, когда они голословно говорятъ, что Польша приходится младшей сестрой Франціи, и что Франція—Голгофа новаго человѣчества. Нѣтъ, милліарды разъ нѣтъ! Польша не младшая, а старшая сестра земли Галловъ, и, если одну какую либо страну можно назвать Голгофой человѣчества, то такой Голгофой всего скорѣе была долго и есть Польша. Она старше, заслуженнѣе Франціи рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ: въ наукѣ, вѣрѣ, политикѣ, государственности, даже въ культурѣ. Гдѣ у Франціи геній равный Копернику? Во Франціи никогда не было такого очага просвѣщенія, какими были, для человѣческаго развитія и науки, сначала краковскій, а послѣ виленскій университеты. Можно спорить еще о томъ, особенно въ Германіи и Польшѣ: нѣмецъ ли Гуттенбергъ, или полякъ Твардовскій, что болѣе вѣроятно, изобрѣлъ книгопечатаніе? Но самый завистливый и завзятой нѣмецъ согласится съ тѣмъ, что въ Краковѣ всего больше развилось, сейчасъ послѣ его изобрѣтенія, книгопечатаніе, и что это было то именно время, когда во Франціи не знали еще что такое печать.

Мы, поляки, остались далеко всторонѣ отъ крестовыхъ походовъ. У насъ не было ни Петра Аміенскаго, ни Готфрида Бульонскаго, ни Людовика IX Святаго. Но можно ли сравнивать крестовые походы съ той многовѣковой, постоянной защитой, которую оказывала Польша Европѣ, христіанству и всей цивилизаціи, сдерживая на своихъ плечахъ сначала весь исламъ, а послѣ исламъ и Русь, столь же гибельную для всего какъ и исламъ? Я не говорю уже о защитѣ поляками отъ нѣмцевъ славянства, хоть и это безспорно всемірно-цивилизаціонная заслуга Польши. Крестовые походы вызваны вѣдь были не вѣрой Европы, которая послѣ, когда турки взяли Константинополь, что грозило гибелью христіанству, не пошевелилась. Движеніе, протекшее подъ трескучимъ, торжественнымъ и страстнымъ предлогомъ, освобожденія святой земли отъ невѣрныхъ, было дѣломъ папства и того историческаго броженія, которое досталось началу среднихъ вѣковъ. Влады-

чество магометанъ въ Палестинѣ не грозило никому въ Европѣ, тогда какъ, еслибъ Польша вѣками не сдерживала турокъ и, татаръ, то надъ Notre Dame de Paris и надъ куполомъ Св. Петра въ Римѣ, давно бы красовалась луна, какъ красуется она шесть вѣковъ уже надъ храмомъ Св. Софіи въ Царьградѣ. Это безспорно. Недаромъ же побѣды поляковъ надъ турками въ Хоцимѣ, въ 1621 и 1673 годахъ, все христіанство ежегодно поминаетъ въ церковныхъ службахъ 10 октября; недаромъ тоже, когда Вѣна была осаждена турками, и австрійскій посолъ въ Польшѣ, графъ Вильчекъ, павъ на колѣни предъ Яномъ Собѣсскимъ, молилъ этого монарха словами: „спаси Вѣну“, тутъ же находящійся и также колѣнопреклоненный, папскій нунцій Палавичини прибавилъ: „Спаси Христіанство!“ И Янъ Собѣсскій спасъ, въ 1683 году, Вѣну и христіанство, и за то, въ наши дни, Вѣна поблагодарила поляковъ, кромѣ всѣхъ иныхъ постоянныхъ мерзостей, раздѣломъ Польши, галиційской рѣзнеи 1846 года, а папы благодарятъ постоянно, то какъ Григорій XVI, проклиная за дарохранительницу (монстранцію) въ милліонъ рублей, отъ царя Николая, польское возстаніе 1831 года, то, какъ Пій IX, дозволяя тому же царю Николаю, за его вмѣшательство въ 1850 году въ Гаэтѣ, основать цѣлый духовный орденъ русскихъ шпіоновъ назвавшихся „змартвыхвстанцами“ (воскресенцами), то какъ нынѣшній ставленникъ Бисмарка, Леонъ XIII, даря Диндера Познани, вездѣ возбуждая противъ свободы Польши ксендзовъ и магнатовъ.

Мы не имѣли, какъ французы, такого Пьера Абеляра, открыто и могущественно нападавшаго на папу. Нашъ католицизмъ, это правда, никогда не достигалъ той независимости, какую представляла Галликанская церковь, дѣйствительно идеальная и желанная въ католическомъ мірѣ. Но никогда Франція не можетъ искупить своимъ галликанизмомъ того историческаго злодѣянія, которое называется свѣтской властью папы, начало которой далъ Пипинъ Короткій, и которую, въ наши дни, въ 1849 году, французы защищали штыками. У насъ никогда, затѣмъ, не было инквизиціи, которая долго и сильно свирѣп-

ствовала во Франціи. Какъ во Франціи, такъ и въ Польшѣ появилась было и водворилась реформація; но нашъ католицизмъ на столько былъ человѣчнѣе, свѣтлѣе галликанской церкви, что въ Польшѣ не могло быть и не было варѳоломеевской ночи. Мы поляки не создали у себя гугенотовъ и, несравненно раньше появленія протестантства, приняли еще къ себѣ жидовъ, въ то время когда ихъ жгли вездѣ, отовсюду гнали, травили собаками. Жидовка Эстерка была моргопатической, любимой королемъ и вліятельной въ Польшѣ, супругой такого, могущественнаго польскаго монарха, какимъ, въ тогдашней Европѣ былъ Казиміръ Великій, давшій свободу крестьянству находящемуся, во всемъ остальномъ мірѣ въ рабствѣ, издавшій, равный для всѣхъ въ Польшѣ, лучшій тогда во вселенной, знаменитый Вислицкій Статутъ (1347 г.), и, въ томъ же году основавшій краковскій университетъ, на два вѣка возникшій позже болонскаго, цѣлымъ вѣкомъ моложе университетовъ въ Парижѣ и Оксфордѣ, но все-таки явившійся раньше такихъ древнихъ и знаменитыхъ университетовъ, какъ въ Прагѣ (съ 1348 г.) и въ Вѣнѣ (съ 1365 г.). Мы принимали рѣшительно всѣхъ, откуда бы на гонимыхъ иновѣрцевъ: древлеправославныхъ, иначе старовѣровъ съ Руси, и за то они, въ возстаніяхъ 1830 и 1863 годовъ, неистовствовали съ поляками, мы приняли къ себѣ съ востока-армянъ и, даже проклятыхъ вселенскими соборами, аріанъ. Іоанна д'Аркъ изгнала англичанъ изъ Франція, а ксендзъ Августинъ Кордецкій изгналъ шведовъ изъ Польши. Но Кордецкій умеръ на родинѣ, чтимый и любимый всѣми соотечественниками, а спасительницу Франціи, Богомъ вдохновенную, Іоанну д'Аркъ, французы бросили, и ее, какъ вѣдьму, англичане сожгли на кострѣ. Безспорно, что Масильонъ, Босюэтъ, Фенелонъ и нѣкоторые еще другіе— великіе проповѣдники слова Божья на всей землѣ. Но всѣ они положительно меркнутъ передъ польскимъ духовнымъ витіей Петромъ Скаргой въ глаза всѣмъ — народу, сейму, королю, указывающимъ на ъ грѣхи. Въ этомъ отношеніи даже самъ Саванарола ниже Петра Скарги.

Сравнивать Францію Польшей въ политико-государ-

ственномъ отношеніи также невозможно, какъ невозможно нынѣшнюю Россію уподоблять Англіи, хоть у первой есть Польша и Сибирь, а у второй — Ирландія и Индія. Скажу только для паралели, что въ то самое время, когда, при Людовикѣ XI, во Франціи установилось самодержавіе, не вырванное съ корнемъ даже великой революціей 1789 года и продолжавшееся, затѣмъ, до 1830 года, въ Польшѣ, при Казимірѣ IV, окончательно утвердилось народное представительство, прекратившееся лишь съ раздѣломъ польскаго государства! Польскій тронъ такъ манилъ къ себѣ всѣхъ, что, когда поляки избирали было себѣ короля, то всѣ самые могущественные монархи и принцы Европы предлагали себя въ кандидаты на польскій престолъ. Такъ, между прочимъ, предложилъ себя и былъ избранъ въ польскіе короли, въ 1574 году, братъ виновника дикой варѳоломеевской ночи, французскаго короля Карла IX, послѣдній изъ рода Валуа, принцъ Генрихъ, впослѣдствіи король французскій Генрихъ III. Пробывъ всего четыре мѣсяца въ санѣ польскаго короля, онъ вдругъ тайно бѣжалъ изъ Польши, которая стала ему нелюба за свои народныя общественныя учрежденія и за свободу. Лучшаго историческаго доказательства превосходства въ свободолюбіи Польши надъ Франціей, кажется, быть уже не можетъ.... Но что я говорю! Даже и теперь, послѣ четырехъ кровавыхъ революцій 1789, 1830, 1848 и 1870 годовъ, нынѣшняя французская конституція несравненно ниже во многихъ, самыхъ существенныхъ дѣлахъ той народной Хартіи, которою цѣлые вѣка пользовались поляки начиная съ послѣднихъ Пястовъ, при всѣхъ Ягеллонахъ и избирательныхъ корояхъ. Французы не добились еще того, и Богъ знаетъ когда добьются, чтобъ сами себѣ выбирали полицію и чтобы объявленіе войны зависѣло отъ представителей народа, какъ это было цѣлые вѣка въ Польшѣ. Я могъ бы подобную паралель продолжать еще весьма долго; но я прекращаю ее, и спрашиваю всѣхъ: Польша старшая, или младшая сестра Франціи?

Въ ту минуту, когда французскій народъ кровью собственныхъ дѣтей, расчищалъ, засоренную извергами, дорогу человѣчеству,

Польша—эта Франція сѣверовостока Европы, была въ страшной внутренней борьбѣ, но наканунѣ побѣды. Еще минута — и всѣ внутреннія затрудненія—диссиденты, постоянная армія, liberum veto, избраніе королей, затрудненія, добавимъ, вызванныя и поддерживамыя не столько польской жизнью, сколько интригой папъ и подкупомъ нѣмцевъ и русскихъ, были бы улажены. Тогда Русь должна была бы преобразоваться въ свободное государство, и, въ виду свободныхъ и могущественныхъ Польши и Россіи, не могли бы, въ прежнемъ своемъ видѣ, удержаться всѣ нѣмецкіе края, въ томъ числѣ и Австрія. Но главное было бы то, что во Франціи никогда, въ такомъ случаѣ, нельзя было бы уничтожить дѣла великой революціи, потому что оно опиралось бы тогда не только на Францію, но и на Польшѣ. Вся Европа была бы, такимъ образомъ, потеряна для регресса, потому что свѣтъ полился бы въ то время цѣлой лавиной не только на западъ, но и на сѣверъ. Слѣдовало, поэтому, убить Польшу, какъ государство, убить ее какъ можно скорѣе и во что бы ни стало.

По кому было это сдѣлать? Одной Австріи это было не по силамъ, да и не особенно по сердцу: она, какъ и Польша, была католическая, у ней была Венгрія, давно и горячо симпатизирующая Польшѣ, были славяне, легко могущіе стать на сторону поляковъ. Одной Пруссіи? Но она была тогда слишкомъ слаба и ничтожна для такой громадной роли. Всего естественнѣе было, поэтому, забрать Руси наслѣдіе Пяста. Это было бы всего пагубнѣе для Польши, потому что бороться съ родней всегда труднѣе, чѣмъ съ чужими. Но какъ ни разстраивали, въ послѣднее столѣтіе, польское королевство, какъ ни быстро шло милитарное развитіе Россіи, но Польша была еще настолько сильна, что одна Россія могла побѣдить Польшу, взять съ нея какую угодно дань — пограничными землями, деньгами, обязательствами, но захватить всю, лишить громадную, богатѣйшую страну, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, и отъ Днѣпра до Карпатовъ, независимости — это рѣшительно было не въ силахъ одной Россіи. Все это представили въ Петербургѣ доказали Фридриху, якобы, великому, что смерть Польши можетъ возро-

дить Пруссію, знали, что жадная Австрія не въ силахъ будетъ не полакомиться на кусокъ польской земли, и раздѣлъ Польши между тремя сосѣдними государствами былъ рѣшенъ. Но и тремъ палачамъ-государствамъ понадобилось наносить три удара — раздѣла, чтобъ Польша, какъ государство, испустила свой великій духъ. Такъ сильна еще была, эта монархія-республика даже при ея удушеніи!

Съ легкой руки тѣхъ, которые хотятъ скрыть главную причину, принято обыкновенно говорить, что раздѣлъ Польши былъ вызванъ не тѣми всемірными элементами, которые были разбиты, хоть и на время только, великой французской революціей, но что это было дѣло мѣстное, чисто государственнаго характера, дѣло трехъ государей, причемъ, по увѣренію однихъ, инициатива раздѣла принадлежала Екатеринѣ II, по другимъ же источникамъ, Фридриху, якобы, великому. Это величайшее заблужденіе, въ которое, повторяю, умышленно ввели злые люди затѣмъ, чтобъ міръ не зналъ дѣйствительныхъ убійцъ Польши, заблужденіе принятое большинствомъ, потому что исторія лишь теперь только хочетъ стать на раціональную почву, что между инициаторами или руководителями и исполнителями мы съ трудомъ находимъ различіе, что въ историческихъ фактахъ мы не привыкли видѣть постоянную цѣпь, связь, преемственность, и что мы не проникнись еще тѣмъ, что исторію дѣлаютъ не правители, не правительства, не арміи, а совсѣмъ иные элементы—наука, народъ и земля, на которой онъ живетъ. Опубликованіе духовнаго завѣщанія царя Петра I доказало всѣмъ, что этотъ монархъ мечталъ уже о поглощеніи Россіей европейской Турціи. Но онъ несомнѣнно думалъ и желалъ поглотить и Польшу можетъ быть даже раньше Турціи. Не говоря уже о загадочной дружбѣ съ польскимъ королемъ Августомъ II, это стремленіе фактически доказывается, собственноручно сдѣланной Петромъ I, картой, на которой западная граница Россіи проведена не только чертой, но и краской по всему лѣвому берегу Вислы вплоть до Балтійскаго моря. Эту карту я самъ видѣлъ въ Петербургѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, въ екатерингофскомъ дворцѣ Петра I.

Незачѣмъ, поэтому, особенно сильно проклинать Екатерину II за раздѣлъ Польши. Это была мысль не ея, идея, не могущая даже ей особенно нравиться, потому что заборъ Польши долженъ былъ внести въ Россію множество самостоятельныхъ, добрыхъ элементовъ, которыхъ не могла никоимъ образомъ выносить эта царица, убившая своего собственнаго добраго мужа, императора Петра III, отравившая свою государыню и благодѣтельницу, императрицу Елизавету, дочь Петра I, утопившая княжну Тараканову изъ рода Рюрика, закрѣостившая донельзя крестьянство, истязавшая, черезъ знаменитаго Шешковскаго всѣхъ неаболѣпныхъ передъ ней, даже святителей, какъ напримѣръ ростовскаго митрополита. Екатерина II была, хоть и нелегально, какъ монархиня, но далеко не тайно, и вполнѣ законно по уставамъ церкви, повѣнчана съ послѣднимъ королемъ польскимъ Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ. Одно время они были сильно влюблены другъ въ друга, и всю жизнь остались вѣрными друзьями. Отъ брака этого произошли Бобринскіе. При Понятовскомъ, какъ королѣ Польши, съ послѣдней Екатерина могла дѣлать все, что угодно, и при этомъ не рисковать послѣдствіями раздѣла. Не стало бы, почему бы то ни было, Понятовскаго, на тронъ Польши можно было посалить Щенскаго Потоцкаго, которому Екатерина предлагала, до послѣдняго раздѣла, когда Понятовскій сталъ было колебаться, польскую корону, и это предложеніе склонило именно Потоцкаго стать во главѣ проклятой тарговицкой конфедераціи. При Потоцкомъ же Екатерина была бы также всесильна въ Польшѣ, какъ и при Понятовскомъ. Затѣмъ можно было короной Шястовъ и Ягеллоновъ украсить смоленскаго бурсака Григорія Потемкина, одного изъ постоянныхъ полюбовниковъ Екатерины II, благо, что тогдашній гетманъ польскій Браницкій былъ женатъ на родной племянницѣ Потемкина, которому страстно желалось стать польскимъ королемъ и который, разумѣется, никогда бы не измѣнилъ Екатеринѣ.

Итакъ несомнѣнно, что раздѣлъ Польши былъ попросту навязанъ Екатеринѣ II. Но кто именно навязалъ его? Францу-

зскіе ли роялисты, массами двинувшіеся, отъ парижской гильотины, на берега Невы, или іезуиты, тогда уже занимающіе въ Россіи то положеніе, которое послѣ дозволило имъ сына Екатерины II, добраго, но несчастнаго императора Павла I, сдѣлать католикомъ и гроссмейстеромъ мальтійскаго ордена, а себя, черезъ него, руководителемъ судебъ Россіи? И роялисты и іезуиты дѣйствовали тогда сообща; но кто именно изъ нихъ настоялъ, при Екатеринѣ II, на государственномъ убійствѣ Польши, какъ и когда именно это случилось, какъ звали этихъ изверговъ? Вотъ тѣ вопросы, на которые нынѣ нѣтъ еще точнаго отвѣта, но его, повѣрьте, найдетъ скоро, проникающая, какъ воздухъ, повсюду, любознательность нашего вѣка, его найдутъ можетъ быть скорѣе, чѣмъ можно это даже предполагать, напримѣръ въ томъ, весьма возможномъ во всякую минуту случаѣ, когда русскій народъ, для науки и для снятія повязки съ собственныхъ же глазъ, откроетъ настежь петербургскіе и московскіе архивы.

Я еще разъ повторяю, что раздѣлъ Польши былъ навязанъ Екатеринѣ II. Еслибъ это дѣло было ея только одной, а не роялистско-іезуитской коалиціи, то допустивъ даже, что самъ раздѣлъ удался бы вполнѣ, противъ него не могли бы не только протестовать, но и возстать всѣми силами наполеоновская Франція и особенно папство, такъ какъ съ поглощеніемъ Польши Россія милитарно усиливалась на бѣду Бонапарта, и политическая сила католицизма значительно уменьшалась. Но ни Бонапартъ, ни тогдашнее папство полуслова даже не сказали противъ разчлененія Польши. Я не говорю уже о томъ, что, начавъ раздѣлъ Польши, нужно было, уже само собою, и продолжать его какъ можно скорѣе, до полнаго исчезновенія этого славнаго государства. Но время для перваго раздѣла, то время именно, когда полымался противъ всего и всѣхъ французскій народъ, не могла избрать сама добровольно Екатерина II, вся политическая жизнь которой безусловно свидѣтельствуетъ, что эта царица отличалась столько же осторожностью, сколько и стремительностью въ исполненіи задуманнаго. Въ этомъ именно заключался весь секретъ значительныхъ успѣховъ ея царствованія. Но было весьма неосторожно, могло быть даже

гибельно начинать раздѣлъ Польши, не зная чѣмъ кончится великая революція. Она могла побѣдить вполнѣ, начало громко говорило въ пользу этого, и тогда Россія погибла бы за Польшу. Екатеринѣ II, особенно себялюбивой и лично трусливой, пришлось бы тогда, подобно Людовику XVI, познакомиться съ плахой, Другое дѣло роялисты и іезуиты. Тѣмъ было паруку, тѣмъ было даже необходимо убивъ, какъ можно скорѣе, Польшу отрѣзать этимъ революціи отступленіе, т. е. убѣжище въ случаѣ погибели и расширеніе въ случаѣ побѣды.

Итакъ, великая французская революція косвенно вызвала паденіе Польши, и для этого паденія враги прогресса избрали Россію своей ареной. Другая причина перекочевки всемірной реакціи на берега Невы была не менѣе важна. Это былъ характеръ русскаго народа, его исторія, и какъ послѣдствіе обоихъ этихъ факторовъ, государственно-общественное устройство Руси.

Исторія, которая лишь теперь стремится перестать быть гадательной, не открыла еще того, почему одинъ народъ желаетъ быть мирнымъ и развивающимся, а другой завоевательнымъ и отсталымъ. Разбирая, въ своей, начатой только, „Исторіи цивилизаціи Англіи," причины величія и упадка, развитія и косности Испаніи, великій Томасъ Бокль проводитъ, въ качествѣ историческаго закона, ту мысль, что чѣмъ гдѣ сильнѣе клиръ и богаче своими дарами природа. тѣмъ отсталѣе тамъ народъ и слабѣе государство. Не отрицая того, что обѣ эти причины—гегемонія духовенства и естественное богатство страны, первая положительно всегда и второе нерѣдко — губятъ народы и государства, я укажу на Литву, примѣръ которой противорѣчитъ закону Бокля. Въ литовскомъ государствѣ, о которомъ, подобно другимъ европейскимъ знаменитымъ историкамъ, врядь ли Бокль слышалъ что либо, хотя это государство одно, немалое время, было сильнѣйшей монархіей на всемъ сѣверозападѣ Европы, въ этой Литвѣ, говорю, при весьма скудной землѣ и при громадной силѣ духовенства, государство достигло, однако, значительнаго могущества, а народъ — развитія. Отчасти то же самое, что въ

Литвѣ, было и въ сосѣдней Пруссіи. Затѣмъ, въ Сибири и въ Скандинавіи, въ двухъ странахъ, въ естественномъ отношеніи, весьма похожихъ другъ на друга и одинаково скудныхъ, національно-государственное развитіе было далеко не одинаковое: Скандинавія долгое время была могущественна, ея населеніе принадлежитъ къ самымъ развитымъ, тогда какъ аборигены Сибири — полудики и страну эту, какъ государство, покорилъ, при царѣ Кучумѣ, простой волжскій разбойникъ, бродячій казакъ съ Дона, Ермакъ Тимофѣевичъ, которому много помогли, почти все сдѣлали для покоренія сибирскаго народа, сольвычегодскіе Строгоновы, выдавшіе за Ермака свою родственницу.

Причина и поводъ—не всегда одно и тоже. Причина—это сила владѣющая, главная и первая; поводъ—послѣднее давленіе всего только. Причину можно сравнить съ зарядомъ орудія, поводъ — съ приложеніемъ фитиля. Но, если неизвѣстны, повторяю, еще наукѣ исторіи причины, по которымъ данный народъ желаетъ быть такимъ, а не инымъ, то поводы, по которымъ та, или другая страна двинулась въ извѣстномъ направленіи, изслѣдованы исторіей уже вполнѣ. Главнѣйшимъ изъ такихъ поводовъ нужно считать климатъ страны Климатъ той земли, на которой жили ильменскіе, составившіе ядро позднѣйшей Руси, славяне былъ главнѣйшимъ поводомъ того, что Русь сдѣлалась не мирной и развивающейся, а завоевательной, вѣрнѣе разбойничьи-грабительской и косной. Такъ популярная на западѣ теорія Духинскаго, по которой Русь стала завоевательно деспотической потому, что она, якобы, сропилась, слилась съ сосѣдними туранскими племенами, вполнѣ несостоятельна. Русь была уже завоевательно-деспотической до встрѣчи съ туранцами, съ которыми русскія массы никогда не роднились.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, до призыва Рюрика съ братьями, жили ильменскіе славяне, климатъ былъ такой, что нужно было въ теплую четверть года взять съ земли столько, чтобъ этимъ весь годъ прокормиться можно было. Это требовало страшнѣйшаго труда и напряженія въ страдное время, но давало за то абсо-

1043387

лютный почти покой впродолженіе большей половины года. Отсюда развились въ русскомъ народѣ—способность къ изумительному на время напряженію и труду при вѣчной склонности къ лѣни, и, порожденныя этими двумя крайностями, непостоянство и страстность. Но, если земля не родила, или случилось что нибудь необычайное — наводненіе, пожаръ и т. д., то приходилось бѣдствовать тогда. Вотъ гдѣ начало склонности русскихъ къ мистицизму, къ стихійному отчаянію, къ потерѣ вѣры въ себя, а затѣмъ и къ внутреннему неуваженію себя и другихъ, ибо кто не вѣритъ въ себя, тому не за что себя уважать, а когда не уважаешь себя, то противно, почти невозможно уважать другихъ.

Нужно полагать, что невзгодъ у ильменскихъ славянъ было несравненно больше, чѣмъ благополучія, и потому представлялась такая дилемма: или вступить въ самую отчаянную борьбу съ природой и съ собою, и, такимъ путемъ, избѣгнуть погибели, или разбойничая жить на счетъ другихъ. Неизвѣстно почему, это еще разъ говорю, но ильменскіе славяне избрали второе ..... Для разбоя нуженъ атаманъ, которому необходимо слѣпо повиноваться. Слушаться своего не хотѣлось, и вотъ призвали чужихъ—варяговъ ли, какъ говорятъ одни, литвиновъ, какъ твердятъ другіе—это безразлично, но главное и несомнѣнное, что призвали чужихъ въ главари себѣ. Теперь понятно, что въ знаменитой призывной рѣчи: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ"—обиліе земли было рекомендаціонной ложью, фразой, безъ которой люди рѣдко когда обходятся, а въ отсутствіи порядка видѣли отсутствіе руки, способной повести цѣлое племя на разбой, и потому призывная рѣчь весьма естественно заканчивалась мольбой: „придите княжить нами," т. е. ведите насъ, куда хотите, на добычу!

И повели! Русь стала разбойничать на славу; нападали, грабили не только ближайшія, но чужія племена, но и своихъ. Братъ ослѣплялъ брата, отецъ убивалъ сына, сынъ—отца. Диво ли послѣ этого, что характеръ народный пропитался жестокостью, жадностью, удальство во всемъ зломъ, отвращеніемъ

ТЮМЕНСКАЯ
областная
Сектор
в

ко всему доброму, открытому, неподражаемымъ доселѣ искусствомъ душить въ своихъ лапахъ все загребленное, и, что всего этого хуже, горячей любовью, безпредѣльной преданностью и уваженіемъ къ деспотамъ и деспотизму, коль скоро тѣ дають сытое и непрудовое существованіе. Сильнѣе же всѣхъ этихъ качествъ развилось тогда же въ русскомъ характерѣ то, преобладающее въ немъ и до сихъ поръ, свойство, которое всего лучше характеризуется извѣстнымъ выраженіемъ: у него мѣдный лобъ. Сколько мнѣ извѣстно качество это всего вѣрнѣе опредѣляется попольски словомъ: „bezczelność" Французское „impudence" не такъ уже хорошо выражаетъ, и еще менѣе опредѣлительны русскія, ближайшія по смыслу слова: безстыдство, наглость. Это какъ нельзя болѣе понятно: когда нѣтъ въ духѣ народномъ какого либо понятія, то и выраженіе для этого понятія не можетъ быть точно въ томъ языкѣ. Такъ блестящая, отстаиваемая въ печати Писаревымъ, сакраментальная фраза нынѣшнихъ русскихъ либераловъ: „я жрать хочу" ведетъ свое начало именно съ этого періода, когда пльменскую Русь чужіе, призванные атаманы на разбой повели. Эта фраза—мать деспотизма; горе тому, кто не понялъ ея содержанія и основанія, и смерть тому—кто ихъ понялъ и такъ живетъ.

Русскій разбой шелъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, длился уже цѣлыми вѣками. Площадь награбленнаго сильно расширилась. Если бы добыча, особенно земельная дѣлилась между дружинами, какъ это и было въ началѣ русской исторіи, то изъ этого впослѣдствіи могли бы возникнуть: сначала равноправная община, а послѣ федерація, въ томъ же и другомъ случаѣ — свобода. Но, на горе, всю землю атаманы — князья оставляли за собой, и, послѣ своей смерти, завѣщали, какъ личную собственность, кому хотѣли. Дѣлежъ неправой добычи и переходъ ея отъ одного къ другому никогда не обходятся безъ борьбы, и то еще, по большей части, самой ожесточенной. Первымъ послѣдствіемъ такой борьбы является обыкновенно то, что добыча сначала дробится сильно, а послѣ ростетъ, увеличивается, потому что, въ концѣ всякой борьбы, всегда бываетъ меньше

побѣдителей и больше побѣжденныхъ. Съ другой стороны, порабощенные ильменской Русью племена и народы, ближе присмотрѣвшись къ своимъ поработителямъ и оправившись отъ погрома, стали неподатливѣе, смѣлѣе, нерѣдко сами себѣ брали владыкъ. Вотъ почему и какъ возникли удѣлы, и ихъ борьба между собою, составившая въ русской исторіи особый періодъ такъ называемой междоусобицы. Одни изъ удѣловъ шли за княземъ, гнули въ сторону монархизма, выражаясь по нынѣшнему; другіе, какъ Псковъ и Новгородъ, на первомъ планѣ ставили себя, почему и создали нѣчто въ родѣ республикъ. Но духъ грабежа, эта основа русскаго характера, въ обѣихъ этихъ группахъ, увы! былъ одинаковъ, и Повгородъ съ Псковомъ, не хуже Москвы, Рязани, порабощали другихъ. Новгородъ, напримѣръ, забралъ себѣ было всю громаднѣйшую двинскую землю, Псковъ — окрестныя финскія племена и территоріи.

Къ началу XVI вѣка все рѣшительно, что только можно было забрать и поработить, Русью было уже забрано и порабощено. Идти дальше — значило натолкнуться на Швецію, Турцію, или Польшу; но эти три державы процвѣтали тогда, и Русь не могла помышлять, въ то время, о борьбѣ съ ними. Не имѣя, такимъ образомъ, впѣшняго исхода для своей энергіи, удѣлы, которые представляли уже, въ то время, крупныя государственныя единицы, должны были поневолѣ эксплоатировать собственную энергію внутри у себя, что, по всей вѣроятности, повлекло бы за собою развитіе и свободду. Тѣмъ больше слѣдовало ждать такого исхода, что въ сосѣдней со многими и то самыми лучшими русскими удѣлами Польшѣ процвѣтали свободныя учрежденія и вольный гражданскій духъ. Они могли перейти къ русскимъ, и дѣйствительно начали уже было къ нимъ переходить. Въ тоже самое время многіе русскіе князья и простолюдины, прельщенные свободой, перебирались въ Польшу, охотно сдавались ей цѣлыми областями. Сталь, поэтому, грознымъ. роковымъ такой вопросъ: атаманамъ ли князьямъ, или ихъ дружинамъ, т. е населеніямъ удѣловъ должно прпнадлежать все забранное и порабощенное? Москва отвѣтила на это:— „Да"

князьямъ-атаманамъ, но не всѣмъ, а мнѣ одной!" Рожденная и вѣка жившая въ грабежѣ Русь, хотя и не охотно, но согласилась на это. Такъ явились: московскій, собирательный, якобы, періодъ русской исторіи, смерть удѣламъ и московское самодержавіе. Мы очутились теперь передъ царствованіями Іоанна III и его внука Іоанна IV, котораго россійскіе казенные историки низываютъ Грознымъ, покойный Костомаровъ предлагалъ назвать жестокимъ, но который, будучи дѣйствительно и грознымъ и жестокимъ, на самомъ дѣлѣ, былъ всего только раціональнымъ, роковымъ, и такимъ онъ долженъ, по моему мнѣнію, называться въ исторіи.

Всѣ писавшіе въ Руси и внѣ ея о Іоаннѣ IV, по нашему Роковомъ, сами сознаются въ томъ, что не понимаютъ ни его личности, ни его царствованія, потому, что и этотъ царь, и его полувѣковое правленіе были одними до покоренія казанскаго царства, и стали совершенно другими послѣ этого покоренія. А между тѣмъ это различіе было не только, въ высшей степени, естественно и понятно, но и вполнѣ необходимо. Іоаннъ IV Роковой не могъ быть инымъ, какъ онъ былъ. Уничтоженіе дѣдомъ его удѣловъ не уничтожило удѣльный духъ, который жестоко давалъ себя знать скѣжему московскому самодержавію всея Руси. Не сломитъ Казань окончательно Іоанну IV Роковому никакъ нельзя было, потому что, начатая Русью гораздо раньше, борьба съ этимъ татарскимъ царствомъ, требовала — или уступокъ этимъ ненавистнымъ наслѣдникамъ золотой орды, что было нежелательно, пожалуй даже невозможно, или окончательной побѣды. Іоаннъ Роковой побѣдилъ.

Но этотъ поклонъ Москвѣ новымъ царствомъ былъ тяжестью для самодержавной Руси, для которой было болѣе, чѣмъ довольно, борьбы съ удѣльнымъ духомъ, который нечего уже было теперь щадить, потому что такихъ завоеваній, какъ прежде бывали и для которыхъ понадобилось бы содѣйствіе удѣловъ, Руси впредь не предвидѣлося, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Царю, поэтому, приходилось; или истребить до тла удѣльный духъ, что по тогдашнему и порусски значило перерѣзать всѣхъ выдающихся людей, или уступить,

перестать быть царемъ-атаманомъ. Іоаннъ Роковой не созданъ былъ для уступокъ, для федераціи, для свободы: онъ сталъ убивать всѣхъ, кто ему противорѣчилъ, кто ему могъ противорѣчить хоть когда либо. Тѣхъ и другихъ оказалось очень много, и полились массовыя, безпричинныя, неустанныя казни, которыя пуще всего опьяняютъ людей, и опьянили опѣ наконецъ Іоанна Роковаго. Такъ произошла дикая опричнина во главѣ съ царемъ, который, до времени казни, былъ монархомъ довольно разумнымъ и довольно милостивымъ.

Росту удѣльнаго, свободно-федеративнаго духа много помогало, какъ я уже говорилъ, сосѣдство Польши. И вотъ почему Іоаннъ роковой, съ радостью вошедшій въ сношенія съ Англіей, уговаривающійся, черезъ іезуита Поссевина съ папой о принятіи католицизма, предлагавшій себя два раза въ короли Польши, во все долгое царствованіе свое велъ отчаянную борьбу съ поляками, борьбу, въ которой не только былъ побѣжденъ оружіемъ, но и свободой, потому что въ этой борьбѣ русское боярство, да и всѣ русскіе увидѣли политическое превосходство Польши надъ Русью, благодаря чему воцареніе, вослѣдствіи, подъ прикрытіемъ поляковъ, злополучнаго сына Іоанна Роковаго, царя Димитрія, и избраніе послѣ на московское царство польскихъ королей Сигизмунда и Владислава совершились такъ сравнительно легко.

При Іоаннѣ Роковомъ свобода Руси вторично проиграла дѣло. Въ первый разъ, если не считать призыва чужеземцевъ-атамановъ Рюрика съ братьей, это святое дѣло свободы проиграно было тогда, когда, подъ крылышкомъ татаровъ, Иванъ Калита сталъ подчинять себѣ удѣлы. Но напрасно было бы въ этихъ обоихъ проигрышахъ винить Калиту или Іоанна Роковаго. Всему виной былъ тотъ разбойничій духъ, безъ котораго не могла жить Русь. Еслибъ было иначе, то никакому Калитѣ, никакому Іоанну Роковому не удалось бы сдѣлать того, что они сдѣлали. Благодаря же этому разбойничьему духу Руси, послѣ Іоанна же Роковаго, Іоанна опричника, Борисъ Годуновъ закрѣпостилъ все крестьянство къ землѣ, и никто на всей Руси не воспротивился этому, а все высшее,

образованное видѣло даже въ этомъ новомъ рабствѣ вознагражденіе за удѣльныя обиды, за казни.

Прошло междуцарствіе, такъ называемая смута, вопарились Романовы. Въ это время такъ часто Руси приходилось имѣть дѣло съ свободной Польшей, что это не могло остаться безъ слѣда. Самодержавіе замѣнилось олигархіей. Вознаграждая себя за нее, русскій вѣчно-разбойничій духъ создалъ такъ называемое „православіе," „казенную вѣру" какъ говоритъ народъ. Лучшая частъ народныхъ массъ, около двадцати милліоновъ осталась при старой вѣрѣ, за что эти милліоны людей три вѣка пребываютъ въ адскихъ преслѣдованіяхъ, лишены правъ полнаго гражданства. При восточномъ каѳолицизмѣ, какъ ни былъ извращенъ на Руси, все-таки не было полной свободы разбойничьему духу. Эту полную свободу, всеобщую такъ сказать индульгенцію давало царское казенное православіе, по одному изъ догматовъ котораго, напримѣръ, тайну исповѣди священникъ не только могъ, но и обязанъ былъ, подъ страхомъ смертной казни, передавать непремѣнно полиціи. Петръ I не пожелалъ даже такого ничтожнаго вида свободы, какъ олигархія, и цѣлую четверть вѣка лились, при немъ какъ и при Іоаннѣ Роковомъ, повыя казни для самодержавія. Уже послѣ, въ наше время, наемные бытописцы эту кровавую дѣятельность Петра объяснили тѣмъ, что Москва не хотѣла, будто бы, для человѣческаго развитія, идти въ Европу, а этого-де развитія такъ пламенно желалъ Петръ, что, какъ и Іоаннъ Роковой, убилъ за противорѣчіе своего собственнаго сына, и за то Русь назвала царя-сыноубійцу великимъ. Русь вынесла Петра, какъ вынесла Іоанна Роковаго, назвала его даже, повторяю, великимъ, и все потому, что разбойничій духъ легъ въ основу ея жизни.

По духъ этотъ со времени Іоанна Роковаго, видоизмѣнился: открытые грабежъ, нападеніе и поробащеніе, для которыхъ уже болѣе не было пищи и мѣста, замѣнили мошенничествомъ, нищетой и невѣжествомъ. При Ѳедорѣ Ивановичѣ, Борисъ Годуновъ старался, чтобъ Русь какъ можно больше бѣдствовала, затѣмъ кормилъ ее, и за то сѣлъ на тронъ. Народная нищета

дала ему шапку Мономаха, но она же создала послѣ Стеньку Разина и Емельку Пугачова. Петръ I цѣлыя области раззорилъ, сгоняя всѣхъ отовсюду на постройку Петербурга. Единственно для стратегическихъ цѣлей, главнѣйше же для одолѣнія шведовъ, втолкнутые Петромъ I въ Европу, отъ нея Русь не брала ничего свободнаго, но за то, при Петрѣ I и его преемникахъ, русскіе старались, благодаря своему вѣковому разбойничьему духу, сколько возможно больше, перенести рабство въ Европу. Въ этомъ Польша была помѣхой: отсюда такая ненависть къ ней. Образованіе, которому съ Петра I посвятила себя, якобы, Русь, было показное, внѣшнее, обманное.

На мошенничествѣ построили весь государственный механизмъ, всю общественную жизнь. Совершенно въ томъ же самомъ характерѣ, что и прежнія разбойничьи дружины атамановъ-князей, теперь дѣйствовали уже: внѣ Руси — регулярныя арміи, а внутри — цѣлыя полчища приказныхъ, изъ которыхъ въ недавнее время, Сперанскій, этотъ россійскій Юстиніанъ, сдѣлалъ нѣчто въ родѣ іезуитовъ. На такой трясучей почвѣ русскій тронъ не могъ, понятно, не качаться, и послѣ Петра I ни одинъ изъ русскихъ царей не умеръ собственной смертью.

Теперь, надѣюсь, вполнѣ понятно, почему враги великой революціи 1789 года выбрали Россію для умерщвленія Польши. По этой же самой причинѣ, когда папа Климентъ XIV уничтожилъ было, въ послѣднее время ставящій себя выше папства, орденъ іезуитовъ, то тотъ, не переставая дѣйствовать, перенесъ свое верховное управленіе въ предѣлы схизматической на взглядъ ватикана, россійской имперіи, въ Полоцкъ. Разбойничій духъ ильменскихъ славянъ подкрѣплялъ, живилъ, даже въ самое недавнее время, все злое, гдѣ бы оно только не требовало помощи. Возсталъ Египетъ противъ султана—Россія помогла ему; возстали противъ Австріи венгры—помогли и ихъ поработить. Русскіе рубли и совѣты помогли Наполеону III сдѣлаться сначала президентомъ французской республики, а послѣ и императоромъ французовъ. Недаромъ весь цивилизованный міръ справедливо видѣлъ всегда и видитъ теперь въ Руси отраву вселенной!

II.

Послѣ многихъ вѣковъ рабства явилась, наконецъ, Италія — единая, возсоединенная, независимая, и, главное, самой себѣ только обязанная. Italia fara da se! Помощь третьяго Бонапарта была внѣшняя и вынужденная необходимостью. Въ 1848 году кульминировалось то, начатое около двадцатыхъ лѣтъ этого столѣтія, движеніе, которое, устремившись противъ, созданнаго Наполеономъ I и санкціонированнаго послѣ вѣнскимъ конгресомъ 1815 года, полицейскаго государства, весьма склонно было къ республикѣ, къ федераціи, къ общинѣ. Русскими рублями сѣвъ на президентское кресло Франціи и шашками драгунъ Кавроберта на императорскій престолъ своего дяди, Наполеонъ III весьма ловко выдвинулъ противъ, безусловно опаснаго себѣ и всѣмъ тронамъ и правительствамъ, республикапско-федеративно-общиннаго движенія 1848 года, менѣе опасное существующему порядку, движеніе, замѣтьте, лично ему крайне ненавистныхъ, національностей, тѣмъ болѣе, что во Франціи, къ счастью, одна только и есть національность — французская. Силу только равной силой отвести можно; алмазъ полируется только алмазомъ — справедливо разсуждалъ незаконный сынъ голландской королевы Гортезіи и голландскаго адмирала Рибера, и сталъ удачно играть роль покровителя и воскресителя національностей.

Опубликованіе нѣкоторыхъ тайныхъ документовъ изъ царствованія третьяго Бонапарта доказало, что всѣ, такъ многочисленные, заговоры противъ него устраивались парижской полиціей. Несомнѣнно что тоже самое откроется и въ Россіи, когда свобода тамъ откроетъ свѣту тайные архивы. Одинъ только былъ настоящій заговоръ — это итальянскій графа Орсини, чуть не, уложившаго на мѣстѣ Наполеона III. У итальянцевъ, раньше еще того, составилось политически-кровавое общество карбонаріевъ. Племянникъ перваго императора зналъ, поэтому, что попытки à la Орсини могли часто повторяться, и противъ нихъ было только одно средство, одинъ отводъ—это созданіе

отдѣльной Италіи, тѣмъ болѣе, что, въ дѣлѣ государственнаго развитія національностей, было дѣйствительно легче, и, на взглядъ Наполеона III, гораздо выгоднѣе создать независимую Италію, чѣмъ независимую Польшу.

Если бы спросить всѣхъ поголовно: гдѣ, когда и кѣмъ рождена независимость Италіи, то получился бы всеобщій отвѣтъ, что родилась эта независимость около 1860 года, на апеннинскомъ полуостровѣ, родили ее три великіе мужа Италіи — Мадзини, Гарибальди и Кавуръ. Къ счастью, или къ несчастью, но мнѣніе всеобщее и мнѣніе правое — не всегда одинаковы. Строго, вѣрно и реально говоря, независимость Италіи родилась въ 1854 году, въ ту именно минуту, когда палъ въ Севастополѣ, знаменитый съ того времени, Малаховъ курганъ. Исторія пожелала, чтобы это случилось въ Крыму, въ томъ самомъ Крыму, въ которомъ когда-то, до пятаго вѣка послѣ Христа, властвовали уже италіянцы-генуэзцы. Мадзини, Гарибальди и Кавуръ, каждый въ своей сферѣ, помогли только этому рожденію вольной Италіи; но несомнѣнно, что она не явилась бы такъ скоро, безъ севастопольскаго погрома, который, сокрушивъ николаевское царствованіе, тѣмъ самымъ разрушилъ всю европейскую реакцію, сгруппировавшуюся тогда было въ Россіи. Это понялъ геніальный Кавуръ, и,ославъ сардинскія войска противъ Россіи, онъ впервые заговорилъ, на парижскомъ конгрессѣ 1856 года, среди государственныхъ представителей всей Европы, о независимости Италіи. Послѣдовавшіе затѣмъ, и вслѣдствіе того, священные бои при Маджентѣ и Сольферино были только крещеніемъ родившейся уже въ Крыму, Италіи, кровавымъ крещеніемъ ребенка, которому когда-то, давно-давно, при консулахъ и цезаряхъ, поклонялась вся вселенная, и которому теперь суждено растоптать гнѣздо того, обвившагося вокругъ земнаго шара, змія, котораго зовутъ ультрамонтанствомъ.

За свободой Италіи наступала очередь свободѣ Польши, съ появленіемъ которой всемірная реакція была бы сломлена окончательно. Ясно видя это, реакція, сейчасъ же послѣ погрома, собрала, напрягла всѣ свои силы, и, разбитая подъ

Севастополемъ, вторично устроилась въ Россіи. Тогдашній русскій государственный канцлеръ, князь Александръ Горчаковъ имѣлъ, поэтому, полнѣйшее право гордо кинуть всей Европѣ извѣстную фразу: „la Russie ne boude pas, elle se recueille." Ему только слѣдовало, еслибъ онъ былъ правдивъ, слово „Россія" замѣнить словомъ „реакція." При самомъ же началѣ царствованія Александра II, человѣка, по своей натурѣ, далеко не злаго, но крайне скудно образованнаго и настоящаго прусака въ душѣ, въ Петербургѣ основанъ былъ международный заговоръ, настоящая всемірная крамола, взявшаяся на долго-долго отдалить свободу Польши, возрожденіе самой же Россіи и насаждать и укрѣплять вездѣ мракобѣсіе.

Первыя роли въ этомъ заговорѣ предоставлены были, ради лучшаго воздѣйствія на Польшу, разумѣется, самимъ полякамъ, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ же, начиная съ Екатерины II и постоянно прогрессируя, никогда не прекрашалось особенное обиліе всего реакціоннаго, особенно съ Польши исходящаго, и, съ 1848 года, тамъ образовалась всесильная своимъ составомъ, программой и благоволеніемъ самого царя Николая, трехчленная шайка изъ, давно умершихъ уже — католическаго митрополита въ Россіи, Игнатія Головинскаго, министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго Туркулла и изъ доселѣ живущаго и благополучно засѣдающаго въ русскомъ государственномъ совѣтѣ, Ромуальда Губе, родного брата того Іосифа Губе, который, вмѣстѣ съ Янскимъ, Симоненко и Кайсѣвичемъ, былъ въ числѣ первыхъ главарей проклятаго ордена змартвыхвстанцевъ (воскресенцевъ), основаннаго по мысли царя Николая и на его средства для воспрепятствованія воскресенію Польши.

Всякая нація имѣетъ свои проклятые роды, такіе роды, члены которыхъ, изъ отца въ сына, живутъ только тѣмъ, что, для собственнаго благополучія и силы, губятъ свое родное отечество. Въ Польшѣ, къ несчастью, есть нѣсколько такихъ родовъ, но самыми трсклятыми изъ нихъ нужно считать Чарторискихъ и Лубенскихъ. Одинъ изъ этихъ Лубенскихъ, воспитанный въ Парижѣ и Римѣ, графъ и каноникъ, по имени Константинъ, присланъ былъ іезуитами въ Петербургъ, какъ руководитель

международнаго заговора. Отецъ этого тайнаго іезуита, Генрихъ Лубенскій былъ директоромъ польскаго банка, обокралъ его на нѣсколько милліоновъ рублей, но его за то удалили всего только на почетное жительство въ Пензу потому, что этотъ воръ, въ 1831 году, принадлежалъ къ партіи Крюковецкаго, продавшаго русскимъ Варшаву и Польшу, и, расхищая польскій банкъ, Генрихъ Лубенскій дѣлился паворованнымъ съ тогдашнимъ царскимъ намѣстникомъ Польши, Паскевичемъ, котораго прозвали Паскевичемъ для того, чтобъ скрыть польское происхожденіе этого злѣйшаго изъ палачей Польши.

Въ помощь канонику Лубенскому, который добровольно, ради рекламы себѣ, раздѣлялъ съ отцомъ изгнаніе въ Пензѣ, приданы были: какая-то загадочная женщина, учительница якобы, по профессіи, звали ее Жомъ, родомъ изъ Эльзасъ-Лотарингіи и франпузское семейство Рива, глава котораго, для видимости, занимался банкирскими дѣлами. Тогдашній испанскій посланникъ при русскомъ дворѣ, архибогачъ и пропагаторъ самаго отчаяннаго разврата между русской знатью, герцогъ д'Оссуна былъ офиціознымъ представителемъ папы въ Петербургѣ, въ которомъ любили этого дипломата за роскошь пріемовъ и легкость характера. Лубенскій сдѣлался духовникомъ д'Оссуны, и тотъ, такимъ образомъ, вдвойнѣ, какъ свѣтскій легатъ Ватикана и какъ духовный сынъ Лубенскаго, очутился въ рукахъ заговорщиковъ, которые, черезъ этого гранда, дѣлали многое средь дипломатовъ и иностранцевъ въ Петербургѣ.

Затѣмъ Жомъ купила Парановича. Это былъ профессоръ хирургіи въ медицинской академіи, и въ то же самое время, хирургъ и адвокатъ петербургскихъ скопцовъ, которые владѣли милліонами, и, какъ пропагандисты мерзкой, неестественной секты и какъ сбытчики фальшиваго золота и ассигнацій, могли быть всегда въ рукахъ правительства. Парановичъ скрывалъ всѣ грѣхи скопцовъ, получалъ отъ нихъ за то громадныя суммы, которыми дѣлился съ другомъ царя и министромъ его двора, Адлербергомъ, и съ его сожительницей, извѣстной Миной Ивановной Прихуновой. Адлербергъ за деньги не только что сдѣлалъ Парановича лейбъ-хирургомъ двора, но

и поддерживалъ его вездѣ, гдѣ и какъ могъ, а могъ онъ тогда весьма много и повсемѣстно въ Россіи.

Царь Александръ II былъ въ то время въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ своей матерью, вдовой царя Николая. На то сложилось не мало причинъ. Извѣстно, что Александръ II былъ, до своей женитьбы, сильно влюбленъ въ польку Калиновскую, которую послѣ принужденно повѣнчали въ казематахъ петропавловской крѣпости, съ княземъ Принсемъ Огинскимъ. Огинскаго, за истребленіе оружіемъ цѣлаго русскаго батальона, въ его имѣніи Ретовѣ, на Жмуди, держали было въ подземельѣ петропавловской крѣпости, и, навѣрное, разстрѣляли бы, если бы князь Чернышевъ, тогдашній военный министръ, амурничавшій когда-то съ матерью Огинскаго, не исходатайствовалъ ему у царя прощеніе за законный бракъ съ Калиновской. Съ ней первенецъ царя Николая имѣлъ нѣжно-любимаго имъ всегда сына, на ней онъ хотѣлъ даже жениться, и когда, разумѣется, до этого не допустили, то наслѣдникъ русскаго престола былъ просто въ отчаяніи. Говорятъ, что именно съ того времени, Александръ II началъ попивать, благо, что въ внукѣ Наполеона III, герцогѣ Максимиліанѣ Лейхтенбергскомъ, своемъ зятѣ, онъ нашелъ друга и собутыльника, желавшаго также, какъ и царевичъ, въ винѣ потопить домашнія невзгоды, вызванныя распутствомъ жены своей Маріи, дочери царя Николая.

Женившись далеко не по сердцу, Александръ II не переставалъ кутить, ловеласничать, и, во второй разъ, будучи уже на тропѣ и не въ первой молодости, привязался искренно къ Долгорукой, на которой въ концѣ своей жизни, женился, давъ ей многомилліонное состояніе и титулъ княгини Юрьевской. Видя все это, жена Александра II, бывшая гессенская принцесса, сначала сильно убивалась, потомъ начала пить сама, и, наконецъ, искала чувственнаго развлеченія съ дьяконами и съ прислугой. Въ это время мать царя, всю жизнь свою срывавшая, съ разными Волконскими и другими, цвѣты удовольствія, смотрѣла на сердечное поведеніе своего царственнаго сына съ улыбкой снисхожденія, и это, понятно, очень нравилось царю

Затѣмъ, около вдовы царицы естественно сгруппировалось все, оставшееся отъ царя Николая, близкое ему и весьма сильное еще тогда. Простой разсчетъ заставлялъ, поэтому, добрыми отношеніями съ матерью благопріятно вліять на этихъ людей. На вдову-царицу имѣлъ громаднѣйшее тогда вліяніе ея лейбъ-медикъ Энохъ, жидъ по рожденію и по душѣ. Параповичъ купилъ его, и, будучи, въ свою очередь, купленнымъ Жомъ, открылъ, такимъ образомъ, заговорщикамъ прямѣйшій путь къ царю, черезъ его родную мать.

Для крамолы это уже очень много значило, но требовалось еще больше. Царю Александру II необходимо было скорѣе освободить крестьянъ. Онъ хорошо зналъ, что только этимъ онъ могъ парализировать стремленіе Польши къ своводѣ и независимости, тѣмъ болѣе, что литовское дворянство, сейчасъ же послѣ крымской войны, какъ и гораздо прежде, въ 1817 году еще, само обратилось къ царю съ предложеніемъ освобожденія крестьянства. Въ Россіи тогда еще не забыли того, что пойманный виленскимъ жидами Шеховскимъ и Апатовымъ и казненный въ Вильнѣ, въ 1838 году, извѣстный польскій эмиссаръ Шимонъ Конарскій, котораго нынѣшніе соціалисты, еслибъ они только были неблизоруки и правдивы, должны были бы признавать своимъ мэссіей, своимъ идеаломъ, въ своей революціонной дѣятельности на Литвѣ, имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ главнѣйше благодаря тому, что освобожденіе Польши онъ соединялъ нераздѣльно и неразрывно съ освобожденіемъ крестьянства. Съ другой стороны незабвенно памятенъ сталъ русскому правительству и тотъ фактъ, что другаго польскаго эмисара, графа Потоцкаго выдали русской полиціи природные польскіе же крестьяне.

Затѣмъ, въ интересахъ царской власти, было полезно и необходимо освободить крестьянъ во всей рѣшительно имперіи, не только въ одной Польшѣ, но и въ Россіи. Русской централизаціи, которая создала вмѣсто дворянства, учрежденія, какъ извѣстно, хоть и сословнаго, отдѣльнаго, очень часто отсталаго и вреднаго, но всегда и вездѣ самостоятельнаго, земскаго, и, какъ земское, легально властнаго и вліятельнаго во всемъ

государствѣ, безгласное въ управленіи страной, некоренное въ мѣстѣ жительства, вполнѣ рабское, политически ничтожное и кочующее, служилое сословіе, этой централизаціи нанесенъ былъ въ Крыму такой тяжелый ударъ, что, благодаря ему, русскіе землевладѣльцы очень легко могли изъ служилыхъ людей превратиться въ настоящихъ дворянъ, и, какъ дворяне, потребовать участія въ государственномъ управленіи. Извѣстный тверской адрессъ Унковскаго и другихъ фактически подтверждаетъ такое предположеніе.

Отнявъ у землевкалѣльцевъ крѣпостной трудъ, этимъ на разъ убивали двухъ зайцевъ: землевладѣльцамъ некогда уже было думать тогда о государственномъ управленіи, когда предстояла необходимость скорѣйше спасать собственное состояніе и существованіе; въ то же самое время, начинающемуся, въ то время, развитію свободы и общественности на Руси, бросали этимъ освобожденіемъ отъ барщины небольшую, въ сравненіи хоть бы съ конституціей, подачку, давали извѣстное удовлетвореніе. Для этого, напримѣръ, удовлетворенія извѣстныя либерально-радикальныя статьи: „Вопросы жизни Николая Пирогова, человѣка несомнѣнно желавшаго свободнаго развитія Россіи, нашли пріютъ въ казенномъ изданіи, въ „Морскомъ Сборникѣ", и самъ этотъ Сборникъ отдали въ редакцію Николая Чернышевскаго, радикально ведшаго уже тогда „Современникъ". Для этого же самаго удовлетворенія Пирогова сдѣлали немного позже, попечителемъ кіевскаго учебнаго округа; и было одно такое время, когда этотъ знаменитый профессоръ, публицистъ и, дѣлящій съ Нелатономъ пальму всемірнаго первенства, хирургъ, имѣлъ весьма много шансовъ сдѣлаться русскимъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Освободивъ крестьянъ было, затѣмъ, необходимо, если не перестроить вновь, то хоть видоизмѣнить нѣсколько, гдѣ заштопать, а гдѣ отполировать правительственную машину. Взявъ на себя всѣ текущія дѣла и высшую политику, обѣ эти задачи — крестьянскую и административную, царь отдалъ своему слѣдующему брату, царевичу Константину, сдѣлавъ

его для этого, при сохранеиіи должности ьенералъ-адмирала, еще предсѣдателемъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ главнаго крестьянскаго комитета. Константинъ былъ несравненно даровитѣе и образованнѣе Александра II, но онъ далеко уступалъ своему брату-царю въ честности какъ человѣкъ и государственный дѣятель. Паревичъ былъ созданъ изъ честолюбія и жадности, причемъ оба эти качества связывались, перевиты были неустанной ложью, вѣчной комедіей. Вотъ почему, расположившейся въ Петербургѣ, европейской реакціи необходимо было имѣть на своей сторонѣ Константина, и этого достигли. Къ великому князю приставленъ былъ заговорщиками сначала нѣкій Крживицкій въ качествѣ ментора по польскимъ ѣламъ и учителя польскаго языка, а затѣмъ вызвали изъ Варшавы и сблизили съ царевичемъ Александра Велепольскаго, человѣка, безспорно, архи-подлаго, но весьма даровитаго, опытнаго и знающаго Польшу.

Черезъ Велепольскаго предложенъ былъ Константину и имъ былъ принятъ слѣдующій планъ заговорщиковъ: Въ Россіи нужно прежде всего и всѣми средствами мутить, затѣмъ ничего не давать и ни въ чемъ прямо и рѣшительно не отказывать. Для этого слѣдуетъ завести продажную печать, давъ земство, муниципалитетъ и гласный судъ, все это держать въ рукахъ администраціи, нѣсколько огладивъ ее съ внѣшней стороны. Нужно честность, развитіе, правду, солидарность, окрестивъ ихъ первоначально самыми устрашительными, уголовными именами, признать и карать, какъ самыя разрушительныя и важнѣйшія государственныя преступленія. Чтобы нарождающееся и подростающее поколѣніе менѣе чувствовали общественный гнетъ и позоръ, а главное не могли имъ противодѣйствовать, въ школу слѣдуетъ ввести классицизмъ, но не настоящій, не такой, напримѣръ, какой онъ былъ въ Польшѣ при іезуитахъ, когда фальшиво, въ сторону пістизма и централизаціи направляя польскій въ молодежи духъ, развивали все таки его, и особенно тѣло, а такой настоящій россійскій классицизмъ, чтобъ черезъ него все духовное замѣнилось чувственнымъ, и тѣло учащагося было столь же немощно, какъ и его

душа. Нужно, далѣе, вездѣ сѣять раздоръ, безправственность, вызвать денежную горячку, и для этого, на самыхъ мошенническихъ основаніяхъ, строить желѣзныя дороги, заводить банки и разныя экономическія предпріятія. Въ Польшѣ же вызвать, во что бы ни стало, возстаніе, подавляя его, истребить все хорошее, и тогда уже на польскій престолъ возвести Константина.

Во исполненіе второй, касающейся Польши, части этой адской программы, въ одинъ, поистинѣ роковой, день начала 1861 года, въ Варшавѣ, неожиданно рѣшительно для всѣхъ, явилась, точно изъ земли выросла, или съ облаковъ сорвалась и упала, политическая демонстрація, на которую солдаты какого-то обрусѣвшаго поляка-генерала Заблоцкаго, столь же неожиданно для всѣхъ, отвѣтили залпомъ. Полилась кровь, вся Польша заколыхалась! Чтобы это, столь желанное для крамолы, движеніе не ограничилось одной лишь конгресувкой, а имѣло основаніе разлиться по всѣмъ провинціямъ бывшей Польши, въ Вильнѣ, на предмѣстьѣ Погулянкѣ Галлеръ съ Лосевымъ и Домейкой устроили побоище, а въ Каменцѣ Подольскомъ Садовскій и Роникеръ провокировали адресъ царю отъ имени дворянства всей губерніи съ требованіемъ возсоединенія всѣхъ польскихъ провинцій въ одно, адресъ, за который послѣ судили въ Сенатѣ всѣхъ подписавшихъ его.

Въ намѣстники Царства польскаго, вѣрнѣе Конгресувки, царь Александръ II, нисколько не подозрѣвающій международнаго заговора, послалъ, съ неограниченными уполномочіями, своего вѣроломнаго брата Константина. Само собою разумѣется, что вся эта диктатура передана была Константиномъ Велепольскому. Конгресувкѣ дали новое устройство, въ которомъ нельзя было не видѣть безсмысленнаго подражанія тогдашнему глупому наполеоновскому управленію. По примѣру же Наполеона III, какъ испытаннаго и удачнаго государственнаго негодяя, сейчасъ же устроили покушеніе на жизнь Константина, при самомъ вступленіи его въ Варшаву. Какой-то пятой Хмѣлевскій выстрѣлилъ, разумѣется неудачно, въ Константина. Его отослали въ Краковъ, гдѣ онъ жилъ послѣ стипендіатомъ

русской полиціи, а какого-то несчастнаго писца Ярошинскаго за деньги согласили, чтобъ на публичномъ военномъ судѣ онъ сказалъ, что это онъ стрѣлялъ, что его не казнятъ за то, а засыплютъ золотомъ. Ярошинскій сознался; изверги его повѣсили!

Въ помощь Велепольскому крамола дала Щепскаго Фелинскаго, необразованнаго, неспособнаго человѣка, котораго произвели вдругъ изъ простаго, ничтожнаго и неизвѣстнаго ксендза въ митрополиты Царства Польскаго единственно потому, что Лубенскій, первый машинистъ крамолы въ Россіи, былъ онозоренъ доносомъ на огрызковское „Слово," а Фелинскій обладалъ единственной только способностью—это быть слѣпымъ безотвѣтнымъ орудіемъ реакціи, и въ такой роли былъ главнѣйшимъ сотрудникомъ Лубенскаго. Рѣшительно все и всѣхъ вызывая, Константинъ, Велепольскій и Фелинскій дождались пакопецъ, того что поляки не выдержали, и взялись, въ январѣ 1861 года, за оружіе. Крамолѣ показалось тогда, что она однимъ, весьма важнымъ, шагомъ ближе къ цѣли. На самомъ же дѣлѣ, какъ это нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, заговорщики не приблизились къ цѣли, а удалились отъ нея, потеряли подъ собой почву.

Нимало не предчувствуя международнаго противъ себя и Россіи заговора и участія въ немъ роднаго брата, царь Александръ, изъ двухъ слѣдующихъ фактовъ, увидѣлъ, однако, что нѣчто тайное дѣйствуетъ у него неладно, и что въ этомъ дѣйствіи, повременамъ, показывается рука іезуита. Случилось это такъ. Лубенскій, для лучшаго, въ клерикальномъ смыслѣ воздѣйствія на безпочвенную и, глупую русскую аристократію, выписалъ, славнаго въ то время въ Парижѣ проповѣдника, доминиканца Сегье. Это было смѣло, пожалуй, даже дерзко, но Лубенскій могъ основываться, въ такомъ случаѣ, на прошломъ Руси. Извѣстно что царь Іоаннъ III принялъ царскій титулъ и самодержавіе вслѣдствіе впущенія двухъ папскихъ креатуръ: никейскаго митрополита кардинала Виссаріона и, сопровождавшаго изъ Рима въ Москву, жену Іоанна III, католичку Софію Палеологъ, папскаго легата. Карамзинъ

который не только поддѣлывалъ факты въ своей исторіи Россіи, но и, вмѣстѣ съ царемъ Николаемъ, истребилъ многіе государственные акты, этого папскаго легата называетъ почему-то кардиналомъ Антоніемъ, точно также какъ русскимъ бояриномъ Антономъ Фрязиным сдѣлалъ онъ посредника въ бракѣ Іоанна III съ Софіей Палеологъ, кровнаго италіянца съ Вичепцы, Джопа Баттиста де-ла Вольпе. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ іезуита Пирлинга, этотъ карамзинскій кардиналъ Антоній былъ епископомъ Аччи въ Корсикѣ, и звали его Антономъ Бопумбре. Извѣстно тоже, какую громадную роль сыгралъ при Іоаннѣ IV іезуитъ Антоніо Поссевинъ, и какъ былъ могущественъ въ Россіи, въ концѣ царствованія Екатерины II и особенно при Павлѣ I іезуитъ Груберъ. На конференціи Сегье въ петербурской католической церкви Св. Екатерины повалила не только вся знать столицы, но и большая часть императорской фамиліи. Для противовѣса и противодѣйствія парижскому витіи, какой-то протоіерей сталъ проповѣдывать въ Исакіевскомъ соборѣ въ тѣже часы, что и Сегье. Но такъ какъ у Исакія было постоянно пусто, а у Сегье — великосвѣтская давка, то испугавшись этого, православные попы, черезъ придворнаго протопресвитера Бажанова и вдовую царицу, пожаловались царю на дерзкую пропаганду католицизма въ русской столицѣ. Царь велѣлъ выпроводить изъ Россіи парижскаго доминиканца.

Гордый своимъ главенствомъ въ крамолѣ, Лубенскій потребовалъ отъ католическаго митрополита въ Петербургѣ, чтобъ тотъ вступился за Сегье. Митрополитъ Вацлавъ Жилинскій былъ воръ, разбойникъ, измѣнникъ, укралъ драгоцѣннѣйшую дарохранительницу (монстранцію) въ виленскомъ костелѣ Святаго Яна и отравилъ, для сокрытія слѣдовъ, церковнаго сторожа, но онъ, всей своей подлой душей, преданъ былъ правительству, предалъ до того, что, въ крымскую войну, учился у извѣстнаго палача-истребителя уніи, виленскаго митрополита Іосифа Сѣмашки православной литургики, вѣроятно намѣревался, вслучаѣ выигрыша Россіи, принять православіе. Въ Гродиѣ францискапцы высѣкли своего па-

стоятеля за то, что тотъ сильно тиранилъ монаховъ. Это все были священники; но Жилинскій, не снимая съ нихъ священства, передалъ несчастныхъ въ руки свѣтской власти, которую самъ же упрашивалъ отдать этихъ священниковъ въ солдаты. Конечно, съ радостью забрили имъ лобъ, какъ говорилось въ прежнихъ рекрутскихъ наборахъ.

Могъ ли подобный человѣкъ исполнить такое щекотливое требованіе Лубенскаго? и Жилинскій дѣйствительно наотрѣзъ отказался ходатайствовать за Сегье. Тогда, выведенный изъ себя, Лубенскій сталъ во всей столицѣ позорить Жилинскаго рѣшившаго, въ свою очередь, строжайше проучить за это Лубенскаго, которымъ Жилинскій давно уже тяготился. Лубенскій былъ вдругъ отрѣшенъ Жилинскимъ отъ весьма важной должности настоятеля мальтійской всѣхъ католическихъ посольствъ церкви въ Петербургѣ, и назначенъ администраторомъ одного изъ самыхъ захолустныхъ и бѣдныхъ приходовъ Бѣлоруссіи. Когда же Лубенскій не хотѣлъ добровольно уѣхать на новое мѣсто, то его жандармами заставили покориться, и отправиться въ 24 часа туда, куда былъ назначенъ. Чтобъ оправдать свои энергическія дѣйствія, Жилинскій, явившись къ царю, представилъ Лубенскаго, какъ какого-то тайнаго, весьма опаснаго для царя и Россіи, агитатора. Александръ II не могъ, конечно, не повѣрить Жилинскому, тѣмъ болѣе, что въ тоже самое почти время, случился другой фактъ, не могшій не возбудить въ царѣ еще болѣе сильнаго подозрѣнія.

Весьма любимый и уважаемый многими петербургскими поляками, нѣкій Іосафатъ Огрызко былъ въ связи съ Карамзиной, единственной дочерью и наслѣдницей несмѣтнаго богача Анатолія Демидова, женатаго на родной сестрѣ Наполеона III, которому, вслѣдствіе этого брака, и онъ Демидовъ, и царь Николай цѣлые милліоны рублей дали на бѣгство изъ Гама и полученіе послѣ президентства французской республики. На подарки отъ Карамзиной, которая до Огрызки была въ связи съ вторымъ братомъ царя Николаемъ, послѣ главнокомандующимъ въ недавней турецкой войнѣ, Огрызко сталъ издавать въ Петербургѣ, подцензурную, понятно, газету „Слово," въ №. 6

которой за 1860 годъ, между прочимъ, появилась, для рекламы передъ польскими патріотами, невиннѣйшая археологическая замѣтка Іоахима Лелевеля, заслуженнаго польскаго дѣятеля. Въ это время родной братъ каноника Константина Лубенскаго, Ѳома Лубенскій, бывшій директоръ лейхтенбергскаго завода, въ Петербургѣ, купилъ отъ Іосифа Пржецлавскаго, давно имъ издававшуюся тоже въ Петербургѣ, польскую офиціозную газету „Дзѣнникъ Петерсбурски."

При существованіи „Слова," этотъ Дзѣнникъ, кромѣ могилы, ни на что больше расчитывать не могъ, и вотъ потому, чтобъ этого не случилось, Лубенскіе порѣшили убить, во чтобы ни стало, огрызковское „Слово." Для этой цѣли они перевели на французскій языкъ замѣтку Лелевеля, предательски и ложно вставили въ нее отъ себя нѣсколько несомнѣнно мятежническихъ, на взглядъ русской полиціи, строкъ, и, въ такомъ подложномъ видѣ, эту несчастную замѣтку представили, черезъ Эпоха, вдовой царицѣ, а та передала ее царю-сыну. По повелѣнію разгнѣваннаго царя „Слово," было немедленно закрыто, цензора посадили на гауптвахту, Огрызко очутился въ казематахъ петропавловской крѣпости. Узнавъ объ этомъ, Карамзина полетѣла къ бывшему любовнику своему наревичу Николаю, и оба вмѣстѣ отправились къ царю, котораго осыпали мольбами и упреками. Огрызко былъ освобожденъ, „Слова," изъ предосторожности, не возобновили, но узнали, что виной всему былъ каноникъ Лубенскій съ его ложнымъ доносомъ. Тогда всѣ многочисленные и сильные сторонники не только Огрызки и Карамзиной, но и царскаго брата Николая стали вездѣ, не исключая и царскаго кабинета, кричать, что каноникъ Лубенскій, ведетъ какую-то подземную махинацію въ Петербургѣ.

Эти оба факта-инцидентъ съ Сегье и съ Жилинскимъ и доносъ Лубенскихъ на Огрызко и его „Слово," радикально видоизмѣнили международную реакцію, или крамолу въ Петербургѣ. Сущность ея и дальше осталась таже самая, но Лубенскій и іезуиты, доселѣ первенствовавшіе въ этомъ заго-

ворѣ, должны были отойти теперь на другой планъ. На первомъ отпынѣ стали нѣмцы, съ Оттономъ Бисмаркомъ во главѣ. Теперь крамола расширилась, и ея главный очагъ изъ Петербурга былъ перенесенъ въ Москву. Затѣмъ, отказавшись преимущественно опираться на полякахъ вообще и на польской фракціи Головинскаго, Туркула и Губе въ особенности, заговорщики ввели въ крамолу политически новый элементъ-жидовство. Это было весьма важное по существу и богатѣйшее по послѣдствіямъ нововведеніе. При увеличеніи общаго развитія, жиды, особенно болѣе богатые и молодые изъ нихъ, неминуемо должны были бы примкнуть къ одной изъ двухъ народностей-къ русской, или къ польской. Послѣднее было вѣроятнѣе. Создавъ сильный жидовскій центръ въ Петербургѣ и заинтересовавъ его въ программѣ крамолы, можно было этимъ достигнуть того, что естественное тяготѣніе жидовъ къ Польшѣ и къ европейскому нравственно-общественному развитію значительно ослабнетъ, и уступитъ мѣсто стремленію къ Петербургу, съ его крамолой и къ наживѣ. Затѣмъ, никто не могъ такъ искусно, какъ жиды, повести экономическое растлѣніе всей Россіи, что составляло одну изъ главнѣйшихъ задачъ крамолы.

Для созданія петербургскаго жидовства, какъ одной изъ силъ международной крамолы въ Россіи, выбранъ былъ домъ водочнаго откупщика Утина, отецъ когораго, по фамиліи не Утинъ, а Утеске, былъ оборваннымъ факторомъ въ городкѣ Мозырѣ минской губерніи. У откупщика Утина было четыре сына съ высшимъ уже русскимъ образованіемъ: всѣ они стали работать на крамолу. Одинъ Борисъ, какъ преподователь петербургскаго университета, дѣйствовалъ сначала тамъ, послѣ онъ орудовалъ въ судахъ, какъ членъ первой петербургской судебной палаты. Второй подвизался въ министерствѣ юстиціи, гдѣ началъ свою службу, послѣ былъ оберъ-прокуроромъ сената и предсѣдателемъ нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ компаній, всего болѣе сосущихъ казенный сундукъ. Третій Евгеній мутилъ и мутитъ, какъ адвокатъ, какъ публицистъ и просто какъ шпіонъ самаго высшаго ранга: это онъ былъ

изъ числа тѣхъ, которые покупали для цѣлей русской крамолы вліятельныхъ французовъ, съ Гамбеттой въ главѣ.

Наконецъ, четвертый Николай, вмѣстѣ съ третьеотдѣленцами-студентами тогда въ Петербургѣ, Павломъ Чубинскимъ (дѣйствовалъ послѣ въ Архангельскѣ, въ Кіевѣ и у Посьета), Николаемъ Пеклюдовымъ, нынѣ оберъ-прокуроръ сената, душа коммиссіи, расхищающей многомилліонное достояніе Мальцева, Юліяномъ Богушевичемъ, отличался послѣ въ цензурѣ, и съ другими, довелъ петербургское студентчество, въ въ 1861 году, до того, что полиціи легко было закрыть университетъ и всѣхъ засадить. Его послѣ послали въ Лондонъ, якобы на эмиграцію ушелъ изъ ссылки, дѣйствительно же отправили для того, чтобъ въ Англіи онъ затеръ слѣды герценизма и основалъ, орудующую и до сихъ поръ въ Великобританіи, русско-жидовскую клику, издающую теперь въ Лондонѣ „Free Russia" и прежде издававшую, подъ редакціей извѣстнаго Лаврова, коновода русскихъ жидовъ за границей, листокъ „Впередъ." У откупщика Утина была, повторяю, основана главная квартира петербургскаго жидовства. Квартирмейстеромъ назначила крамола Михаила Стасюлевича, котораго для лучшаго дѣйствія, женили на дочери Утина. Въ то время это былъ талантливый и симпатичкый профессоръ петербургскаго университетъ; теперъ парадируетъ въ петербургской думѣ и издаетъ „Вѣстникъ Европы."

Продолжавшійся отъ Рюрика и до настоящей минуты русскій разбой не могъ, понятно, всѣ эти девять вѣковъ быть въ одной и той же самой формѣ. Въ послѣднее время идеаломъ, типомъ этого многовѣковаго разбоя сталъ русскій приставъ. Это-не мѣсто и не должность, а цѣлая система, въ которой, какъ въ фокусѣ, видна вся исторія Руси. Приставъ истребляетъ все честное, ненавидитъ все умное, презираетъ все правдивое. Плуты и дураки-его воздухъ, его стихія, потому что онъ живетъ, онъ силенъ-только ошибками и провинностями всѣхъ. Ему даютъ бѣдные за то, чтобъ богачи не задушили ихъ въ концѣ; даютъ богатые, чтобъ при его помощи, обирать лучше бѣдныхъ. Всѣ ему даютъ, всѣ ему

должны давать, всѣ болѣе или менѣе, должны отъ него зависѣть, ничто безъ него не должно дѣлаться, всякій долженъ быть самъ по себѣ, такъ какъ, выгоднѣе, чтобы,—вмѣсто одной большой метлы, было множество отдѣльныхъ прутьевъ. Приставъ любитъ дѣйствовать мелочами, шпильками, тайно, вѣчно ложью, вѣчно интригой; но, когда это не приводитъ къ цѣли, то приставъ вдругъ набѣжитъ, и — тогда отъ жертвы и слѣда не остается! Идеи, чуветва, правила — чужды для пристава. „Я и только-я; все остальное-одна лишь нажива для меня!" — вотъ, строго исполняемый, катихизисъ пристава. Передъ силой онъ искренно преклоняется, благоговѣетъ; но болѣе, чѣмъ всякую силу, онъ любитъ самого себя, и когда сила слабѣетъ, онъ первый ей измѣняетъ потому что тогда ему еще жирнѣе.

Всѣ русскіе цари были и есть, на самомъ дѣлѣ, не монархи, а только вѣнценосные пристава. Самодержцами они величаются совершенно напрасно, по той же самой причинѣ, по какой китайскій богдыханъ именуетъ себя сыномъ неба, персидскій шахъ—братомъ луны, а римскій папа — слугою слугъ божьихъ, servus servorum Dei. Въ русской исторіи дѣйствительно были только два самодержца: Іоаннъ IV Роковой и Петръ I. Бисмарка называютъ обыкновенно геніальнымъ, желѣзнымъ, тогда какъ онъ въ дѣйствительности, тягучъ какъ резина и глупъ, какъ всякій заурядной нѣмецъ. Вся сила, вся заслуга этого дѣятеля заключается въ томъ, что во время пребыванія своего въ Россіи, онъ мастерски изучилъ — въ этомъ нужно ему отдать справедливость—типъ русскаго пристава, и очистивъ этотъ типъ съ прусской тщательностью, самъ воплотился въ него. Если благодаря этому типу, справедливо, хоть и односторонне, разсуждалъ пыщѣшній герцогъ лауэнбургскій—Русь, въ три всего вѣка, могла вдесятеро увеличиться, и не разъ, въ это время, трясти Европой и востокомъ—по отчего этому типу, въ лицѣ моемъ, не создать великой объединенной, командующей всей Европой, Германіи? Русь и приставъ-нераздѣльны: такъ тоже должны быть нераздѣлны—Германія и я!

Крамола, руководимая іезуитами, купила себѣ было царевича Константина, дѣлала все, что хотѣла, черезъ вдовую царицу. Теперь крамола, руководимая нѣмцами, купила для такой же, что и Константинъ, роли принца Петра Ольденбургскаго, опутала своими сѣтями тетку царя, вдову послѣ Михаила Павловича, Елену Павловну. Чтобы пользоватся, гдѣ то нужно будетъ, могущественнымъ содѣйствіемъ іезуитовъ, и, въ то же самое время, не допустить ихъ до главенства въ международной крамолѣ въ Россіи, Бисмаркъ, съ настоящей хитрецой русскаго пристава, придумалъ такую комбинацію: подкупивъ познанскаго архіепископа Ледоховскаго, онъ, черезъ него, старался очернить польское возстаніе передъ Піемъ IX, и, въ тоже самое время, черезъ принца ольденбургскаго и другихъ своихъ клевретовъ, особенно же черезъ Милютина и Валуева, старался поссорить царя съ папой, что ему и удалось наконецъ.

Сложилось общее убѣжденіе, что папа Пій IX весьма любилъ поляковъ, и стремился къ тому, чтобъ Польша была независимой. Это величайшее заблужденіе. Пій IX не любилъ даже италіанцевъ, хоть самъ былъ сыномъ Италіи, и если онъ дѣлалъ италіянскія демонстраціи, благославлялъ италіянское знамя, подписалъ конституцію Росси, котораго сами же іезуиты и убили, то все это онъ продѣлывалъ для того, чтобы быть владыкой положенія, которое тогда склонялось въ сторону народностей и свободы. Пій IX не могъ, поэтому, любить поляковъ, какъ націю. Это былъ іезуитъ въ душѣ, но въ немъ много сохранилось дворянскаго. Пій IX не зналъ, что такое благодарность, но онъ всегда старался быть вѣжливымъ, симпатичнымъ, даже, до извѣстныхъ предѣловъ, услужливымъ для тѣхъ, кто ему сдѣлалъ добро, кто служитъ ему, безъ кого, наконецъ, онъ не можетъ обойтись. Судьба велѣла, чтобы въ спасеніи Пія IX полякъ сыгралъ главнѣйшую роль. Когда, въ 1849 году, Римъ былъ во власти италіянскаго тріумвирата Гарибальди, Мадзини и Манліо, а Пій IX бѣжалъ и скрылся въ неаполитанской крѣпости Гаэтѣ, и убѣжденъ былъ, что и ему лично и папству пришелъ конецъ, вдругъ почью разбу-

дилъ католическаго первосвященника русскій посолъ при неаполитанскомъ королѣ-бомбѣ, полякъ съ Литвы, Михаилъ Иннеевичъ Хрептовичъ, и предложилъ Пію IX подписать, задуманное и составленное имъ Хрептовичемъ, воззваніе папы къ Европѣ. Пій IX подписалъ, воззваніе подѣйствовало, и государь-первосвященникъ вскорѣ вернулся въ свою столицу. Дѣло въ томъ, что Хрептовичъ уговорилъ царя Николая воздѣйствовать на, сѣвшаго тогда за русскіе рубли на кресло президента французской республики, Наполеона III, и тотъ охотно послалъ французскія войска для возстановленія папской власти въ Римъ, который для этого взятъ былъ штурмомъ.

Такимъ образомъ, благодаря Хрептовичу, у Пія IX съ именемъ поляка всегда соединялось воспоминаніе о спасеніи его лично и его власти. Затѣмъ полька, княгиня Одоскальки, урожденная Браницкая, имѣя, вслѣдствіе положенія мужа, громадное вліяніе на римскую знать, всегда старалась, по старому обычаю всѣхъ полекъ-аристократокъ, быть на сторонѣ папы, что Пій IX не могъ не цѣнить. Другъ семейства Одоскальки любимый Піемъ IX и сильный въ Ватиканѣ, кардиналъ Пина взялъ къ себѣ было, по просьбѣ княгини Одоскальки — Браницкой, поляка ксендза Владиміра Чацкаго въ помощники. Вслѣдствіе этого Чацкій, нынѣ кардиналъ уже, человѣкъ не безъ способностей и фанатически преданный папству, сдѣлался вскорѣ ближайшимъ лицомъ къ Пію IX и любимцемъ его. Черезъ Чацкаго и княгиню Одоскальки-Браницкую, Пій IX зналъ рѣшительно все, что дѣлалось въ Польшѣ, и многое, конечно, изъ дѣйствій русской власти сильно возмущало его. Фелинскій, изъ положительнаго ничтожества возведенный Россіей на постъ примаса возстающей Польши, охотно согласился на то, чтобы ксендзовъ, ушедшихъ въ возстанье, вѣшали безъ всякихъ околичностей. Пій IX не зналъ этого, и когда начали безъ церемоніи вѣшать ксендзовъ, то, какъ истый папа, онъ, запылавъ гнѣвомъ, призвалъ къ себѣ русскаго посланника, и излилъ передъ нимъ свое негодованіе. Оскорбилъ ли онъ при этомъ, какъ то увѣряли посланникъ и въ Петербургѣ, личность Александра II, или нѣтъ, но нѣмцы въ русской крамолѣ устро-

или такъ, что царь, вслѣдствіе этого повода, или предлога, nolens-volens, долженъ былъ порвать все съ Римомъ.

Александръ II, какъ и громадпѣйшее большинство русскихъ, имѣлъ двоякій, вполнѣ различный одинъ отъ другаго, взглядъ на Польшу.—По одному изъ этихъ мнѣній, нынѣшнее царство польское, то есть конгресувка, можетъ быть, вслучаѣ, разумѣется, крайности, признано, со стороны Россіи, независимымъ. Это даже можетъ быть, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, полезно Россіи, напримѣръ, если къ такой Польшѣ присоединить Познань и особенно Галицію, и тѣмъ ослабить нѣмцевъ и Австрію. Но Польша съ Литвой, съ Волынью, Украйной, Подоліейи-Бѣлорусіей, Польша, однимъ словомъ, въ, такъ недавнихъ еще, границахъ 1772 года, никогда не должна быть, ибо Литва и эти четыре провинцій-исконныя, коренныя, русскія, якобы, земли. Польша, затѣмъ, никогда не должна быть такой, чтобы ей могли сочувствовать русскіе. Александръ II былъ, вслѣдствіе того, пораженъ, напуганъ тѣмъ, что на главной улицѣ его столицы, въ костелѣ, на Невскомъ проспектѣ, поляки торжественно, 1 Марта 1861 года, справили панихиду по убіеннымъ русскими войсками на улицѣ въ Варшавѣ.

Желая, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, воочію доказать царю, что Польша желаетъ непремѣнно имѣть границы 1772 года и быть вполнѣ солидарной съ Русью, крамольники нарочно устроили въ Петербургѣ два революціонные комитета: одинъ польскій и одинъ русскій. Во главѣ польскаго комитета явился тотъ самый любовникъ Карамзиной, Іосафатъ Огрызко, который за свое „Слово" нечаянно и невинно попалъ въ казематъ петропавловской крѣпости. Русскимъ же комитетомъ руководилъ, недавній петербургскій студентъ изъ вологодскихъ крестьянъ, нѣкій Лонгинъ Пантелеевъ, весьма усердно работавшій послѣ для русской жандармеріи въ Енисейскѣ, за что и получилъ мѣсто управляющаго золотопромышленностью Базилевскихъ, мѣсто, на которомъ сильно нажился. Открытіе этихъ комитетовъ дозволило нѣмцамъ съ крамолы уговорить Александра II принять въ отношеніи польскаго возстанія самую жестокую систему подавленія. Съ этой цѣлью, любимый

царемъ, Назимовъ въ Вильнѣ былъ замѣненъ противнымъ даже царю, палачемъ, предателемъ и воромъ Муравьевымъ; въ Варшавѣ посадили намѣстникомъ, вмѣсто царсвича Константина, его помощника по военной части, чистѣйшаго и жестокосерднаго нѣмца Берга.

Развивая дальше, уже на свой собственный страхъ и счетъ, эту кровожадную систему, крамола щедро заплатила Велепольскому и Фелинскому за то, чтобъ тѣ охотно отказались отъ своихъ мѣстъ. Они отказались, и, получивъ изрядную плату за свою игру, сошли со сцены несчастной Польши. Велепольскій, которому, можетъ быть, надоѣло тогда уже такъ долго, съ 1830 года постоянно, торговать кровью, честью и стыдомъ родины, и который, какъ природный аристократъ, считалъ почетный и спокойный комфортъ однимъ изъ лучшихъ благъ жизни, поселился на островѣ Рюгенѣ, чтобъ сибаритствовать тамъ невдалекѣ отъ своего принципала Бисмарка и отъ Польши, которой все-таки не хотѣлъ спускать съ глазъ. Его систему легальнаго терзанія Польши стали въ Варшавѣ продолжать, разумѣется на россійскій ладъ, рекомендованные Иваномъ Аксаковымъ-Милютинъ, Черкасскій и Самаринъ. Фелинскій же, какъ плебей и настоящій богема въ политикѣ и жизни, выпросилъ у русскаго правительства, чтобъ его, оплеваннаго въ Польшѣ всѣми, даже духовенствомъ, украсили ореоломъ ссылки. Его свезли, поэтому, въ Ярославль, гдѣ онъ, подъ личиной изгнанника, дальше игралъ въ топѣ уже чисто іезуитскомъ. Теперь, какъ слышно, Фелинскій точно также играетъ въ Галиціи у какой-то Ивановской съ Подоліи. Замѣчу кстати, что Фелинскій первый изъ поляковъ, а Николай Шелгуновъ, Павелъ Чубинскій и Лавровъ первые изъ русскихъ явились подложными ссыльными, которыхъ послѣ расплодилось и теперь находится великое множество. Но объ этомъ я послѣ разскажу подробно въ особой работѣ, посвященной ссылкѣ и эмиграціи.

Крамола съ нѣмцами во главѣ ввела въ свою программу, историческаго русскаго „краснаго пѣтуха" и тайныя убійства. Затѣмъ Треповъ въ Конгрессувкѣ устроилъ такіе разбои, что

поляки поневолѣ думали только объ одномъ о защитѣ и сохраненіи жизни своей отъ дѣйствовавшихъ цѣлые годы, многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ. Одновременно съ устройствомъ революціонныхъ комитетовъ Огрызки и Пантелѣева, въ Петербургѣ, въ маѣ 1862 года, подожгли и сожгли апраксинскій рынокъ, и всю вину свалили на нигилистовъ и поляковъ. Какой-то Федоръ Дозе, нѣмецъ, родомъ съ Вологды, учитель морскаго корпуса, добровольно фигурировавшій въ слѣдствіи поповоду этого пожара, былъ, якобы, ссыльный поселенъ въ Костромѣ, гдѣ его всячески протежировали. Въ 1864 году сожгли Симбирскъ, и этотъ пожаръ всецѣло приписали полякамъ. Но сосланные въ арестантскія роты въ Симбирскъ поляки спасали, на виду всѣхъ, городъ, назначенный же послѣ на слѣдствіе сенаторъ Ждановъ открылъ, что Симбирскъ сожгла сама полиція. Еслибы царь узналъ объ этомъ отъ Жданова, то, по чѣмъ знать, можетъ быть онъ отрезвился бы отъ этого извѣстія и попалъ на слѣдъ крамолы. Понятно, что она не могла допустить до этого, и Ждановъ, возвращаясь съ Симбирска, съ слѣдствія, былъ отравленъ на одной почтовой станціи недалеко отъ города Арзамаса. Первый изъ распорядителей международной крамолы въ Россіи, каноникъ Константинъ Лубенскій не долго былъ въ ссылкѣ въ Бѣлоруссіи, куда послалъ его было митрополитъ Жилинскій. Одновременно съ возведеніемъ Фелинскаго въ варшавскіе архіепископы, Лубенскій былъ назначенъ епископомъ Сейненскимъ, но въ этомъ санѣ онъ повелъ себя иначе, чѣмъ Фелинскій. Тотъ охотно продался нѣмцамъ и, съ глубоко спрятанными талерами, сталъ филантропничать въ Ярославлѣ, разумѣется не на свои, а на собираемыя вездѣ имъ деньги, дѣлалъ видъ настоящаго ссыльнаго іерарха.

Лубенскій же не могъ вынести того, что главенство въ крамолѣ перешло теперь къ нѣмцамъ. Желая быть всегда первымъ и на виду у всѣхъ, онъ, для привлеченія къ себѣ религіозныхъ массъ, началъ лично устраивать въ своей епархіи разныя духовныя демонстраціи — крестные ходы изъ Сейнъ въ Вингры по нѣскольку миль и т. д. Видя, что съ нимъ миромъ

не поладить, крамольники назначили Лубенскаго въ ссылку въ Пермь, гдѣ жилъ послѣ престарѣлый луцко-житомірскій епископъ Гаспаръ Боровскій, всю жизнь свою преданный русскому правительству, много повредившій польскому возставію и сосланный единственно за то, что не согласился подарить казнѣ, выстроенный имъ на свои собственные доходы и многостющій, домъ въ Житомірѣ. Впрочемъ послѣ, при Александрѣ III уже, русское правительство исправило свою ошибку, назначивъ Боровскаго, прямо съ ссылки, плоцкимъ епископомъ. При отправленіи въ ссылку, Лубенскій имѣлъ неосторожность пригрозить русскому правительству важными разоблаченіями, и былъ за то отравленъ въ вагонѣ, между Орломъ и Москвой, апельсиномъ. Умирающаго уже провезли черезъ Москву, не останавливаясь въ ней для поданія помощи, и привезли въ Нижній-Новгородъ, гдѣ Лубенскій померъ и былъ похороненъ. На это время губернаторъ Одинцовъ убѣжалъ съ Пижняго; его мѣсто заступилъ нѣмецъ Фридериксъ, дѣйствовавшій тутъ вмѣстѣ съ нѣмцемъ полицеймейстеромъ Каргеромъ. Третій же нѣмецъ, губернскій врачебный инспекторъ Шутеренъ не захотѣлъ спасти Лубенскаго отъ отравы. Къ умирающему не допустили никого. Первый руководитель и наставникъ международной крамолы въ Россіи, членъ польской аристократіи, князь католической церкви, графъ Константинъ Лубенскій кончилъ тѣмъ, что на его могилѣ въ Нижнемъ Новгородѣ не поставили даже простаго деревяннаго креста!

Чтобъ укрѣпить Берга въ Варшавѣ, ему дали въ помощники такого же самого, какъ и онъ былъ, нѣмца, вора-кровопійцу Трепова и устроили покушеніе изъ дома Замойскаго, грабя который господа офицеры императорской россійской гвардіи, при дѣлежѣ добычи, дрались кулаками между собой. Комитетъ Огрызки дѣйствовалъ довольно слабо и глупо, но искренно, изъ любви къ родинѣ. Огрызко былъ довольно нечистоплотный карьеристъ, получавшій деньги, мѣста, отличія всего болѣе за содержаніе у Карамзиной; но по своему онъ любилъ Польшу. Какъ всѣ нечистоплотные карьеристы, какъ и всѣ альфонсы, это былъ величайшій трусъ. Когда его выдали

петербургской полиціи, и та послала въ Вильно, передъ свинцовыя очи Муравьева, то Огрызко, съ паническаго страха за цѣлость своей, столь доходной, особы разсказалъ, и то еще въ самомъ подломъ духѣ, въ отчаянно-холопской формѣ, не только то, что дѣйствительно было, или что онъ слышалъ, но и то, чего никогда, на самомъ дѣлѣ, не существовало, и чго ему никогда даже не снилось. За это подлое сознаніе и на слезы Карамзиной, Огрызкѣ простили его гаденькую жизнь. Онъ былъ сосланъ, якобы на каторгу, дѣйствительно же на житье, и то житье довольно роскошное въ Якутскъ, гдѣ игралъ въ карты въ губернаторомъ и архіереемъ, наживался на разныхъ предпріятіяхъ.

Такимъ же самымъ „чистосердечнымъ," какъ говорится обыкновенно въ офиціальныхъ актахъ, то есть самымъ мерзѣйшимъ показаніемъ, спась себѣ жизнь у Муравьева, другой тоже, хотя и въ иномъ видѣ, карьеристъ, Александръ Оскерка. На каторгѣ въ Усольѣ онъ былъ польскимъ старостой; къ нему пріѣхала съ Польши въ Сибирь и тамъ вышла за него замужъ богатая Грабовская. Теперь этотъ Оскерка редакторствуетъ въ Варшавѣ и служитъ крамолѣ. Къ этой же категоріи политическихъ пѣвчихъ птицъ нужно причислить и Оскара Авейде, члена перваго состава народнаго правительства въ Варшавѣ. Всего вѣроятнѣе, что по совѣту Владиміра Спасовича, съ которымъ онъ былъ очень близокъ, Оскаръ Авейде предался самъ въ руки Муравьева, все бывшее и небывшее раскрылъ ему, и его оставили въ покоѣ, на бумагѣ только сослали.

Въ жизни очень часто такъ бываетъ, что величайшая трусость и нравственная гадость идутъ въ парѣ съ непомѣрнѣйшимъ честолюбіемъ. Таковъ именно былъ Іосафатъ Огрызко. Онъ бывшій уже, за связь съ Карамзиной, вицедиректоромъ министерства и почти богатымъ человѣкомъ, сталъ во главѣ опаснѣйшаго революціоннаго комитета именно потому, чго его увѣрили, что риску тутъ нѣтъ никакого, а награда величайшая и несомнѣнная, ибо глава этого комитета естественно долженъ сдѣлаться главой всего возстанія, а такъ какъ Польшѣ не можетъ не помочь Европа, особенно Наполеонъ III, то

кому же иному, какъ не ему, Іосафату Огрызкѣ достанется корона возрожденной Польша! Но, если, повторяю, искренно дѣйствовалъ комитетъ Огрызки и онъ самъ, то комитетъ Пантелеева, который въ душѣ не любилъ даже поляковъ, былъ самымъ мошенническимъ обманомъ, фикціей, созданной лишь затѣмъ, чтобъ напугать царя, и тѣмъ толкнуть его на самыя жестокія мѣры противъ Польши.

Огрызко дѣйствовалъ, какъ говорится, „съ жиру," по глупости своей, изъ болѣзненнаго честолюбія, но дѣйствовалъ еще разъ повторяю, искренно. Пантелеевъ же отлично зналъ что его беруть напрокатъ, для обмана, но за все это ему заплатили болѣе чѣмъ щедро! Какъ и Огрызку, Панталеева тоже передали Муравьеву. Разумѣется, что это было сдѣлано лишь для виду; для виду тоже послали его въ Енисейскъ на поселеніе. Оба эти петербургскіе комитеты-польскій Огрызки и русскій Пантелеева созданы были не Огрызкой и не Пантелеевымъ, а другимъ совершенно лицомъ, которое купило Пантелеева, и подговорило, или обольстило, лучше сказать, глупаго и пошленькаго Огрызку. Этимъ человѣкомъ, который, ктому же весьма много помогъ гибели Николая Чернышевскаго и всего „Современника," былъ Владиміръ Спасовичъ, При нѣмцахъ онъ сталъ такимъ же самымъ руководителемъ, главнымъ агентомъ въ Петербургѣ, какимъ прежде былъ, при главенствѣ въ крамолѣ іезуитовъ, каноникъ Лубенскій. Разскажемъ, поэтому, вкратцѣ что это за человѣкъ.

Родина его-Литва, минское полѣсье. Прадѣдъ Спасовича былъ зажиточнымъ мужикомъ-хохломъ, воспитавшимъ своего сына на уніатскаго священника, который, въ свою очередь, сына своего, отца нынѣшняго дѣятеля, повелъ на врача.— Прадѣда мужика называли еще Спасюкомъ, дѣдъ, въ силу уніатской полонизаціи, назвался уже Спасовичемъ. Отецъ нынѣшняго Владиміра Спаковича, Даніилъ Спасовичъ, спачала уѣздный лѣкарь въ Мозырѣ, а послѣ инспекторъ минской врачебкой управы, женатъ былъ на еврейкѣ, которую богатые минскіе помѣщики Ошторпы крестили въ католицизмъ и воспитали какъ польку. Даніилъ Спасовичъ былъ посред-

ственный лѣкарь, но образцовый, даже на николаевское время, взяточникъ, нажившій лихоимствомъ значительное состояніе. Владиміръ Спасовичъ, окончивъ петербургскій университетъ, поступилъ было на службу въ петербургскую палату уголовнаго суда. Случилось такъ, что въ столъ Спасовича, котораго начальство палаты считало хорошимъ юристомъ и честнымъ молодымъ человѣкомъ, передано было для производства, надѣлавшее въ началѣ пятидесятыхъ годовъ большаго шуму въ Россіи и Европѣ, дѣло о мошенничествѣ князя Юсупова. Этотъ Юсуповъ продалъ за семьсотъ тысячъ рублей серебромъ какому-то парижскому ювелирному дому завѣдомо фальшивые бриллианты за настоящіе. Всѣ улики противъ Юсупова собраны уже были въ дѣлѣ: но самое это дѣло вдругъ исчезло изъ стола Владиміра Спасовича.

Всѣ, отъ царя и до сторожей петербургской уголовной палаты, не могли подумать иначе, какъ то, что Спасовичъ продалъ Юсупову это дѣло. Спасовича предали суду за кражу чиновникомъ дѣла изъ суда. Тогда-то показала всю свою громадную силу клика Головинскаго, Туркула и Губе, къ которымъ за спасеніемъ обратился Спасовичъ. Несмотря на дипломатическое вмѣшательство Франціи въ это дѣло, обвиненіе Юсупова въ мошенничествѣ и Спасовича въ кражѣ и продажѣ судебныхъ актовъ изъ суда, прекратили. Затѣмъ, по исконной русской системѣ, впрочемъ она и система тоже іезуитизма, и система всѣхъ злыхъ людей и всѣхъ злыхъ временъ, не только фальшиво обѣлять, но и возвеличивать еще, Владиміра Спасовича взялъ къ себѣ на службу въ крайне важную, польскую тогда въ Петербургѣ кодификаціонную коммисію, въ то время только сенаторъ, нынѣ членъ государственнаго совѣта, Ромуальдъ Губе. Единовременно съ этимъ, петербургскій профессоръ Константинъ Кавелинъ человѣкъ даровитый и честный, но умственно весьма близорукій и въ душѣ не болѣе, какъ весьма просвѣщенный и весьма порядочный русскій помѣщикъ, принялъ къ себѣ Владимира Спасовача въ адъюнкты. Вотъ здѣсь-то и показалъ себя полностью Спасовичъ.

Оспариваемые и опровергаемые многимъ и многими ходячія мнѣнія о томъ, что происхожденіе человѣка главнѣйше вліяетъ на его нравственно-умственный обликъ, и что на лицѣ человѣка вы видите портретъ его души, самымъ поразительнымъ образомъ подтвердились на Владимірѣ Спасовичѣ. Окрашенное въ польскій цвѣтъ, жидовство по матери и, пропитанное левитизмомъ и чиновничествомъ, холопство по отцѣ составили основаніе характера Владиміра Спасовича, который, будучи православнымъ, дѣйствуетъ какъ чистѣйшій іезуитъ, и, въ одно и тоже самое время, не разъ публично себя называлъ — въ польской прессѣ — полякомъ, и въ русской — русскимъ. Стоитъ только разъ взглянуть на этого человѣка, съ жидовскимъ блескомъ въ глазахъ блудливой кошки, съ отталкивающимъ, некрасивымъ лицомъ, при характерной фигурѣ скопца, вѣчно нервно подергивающагося, немного косоглазаго, низколобаго, малорослаго, съ неустаннымъ, почти какимъ-то идіотически — болѣзненнымъ, смѣхомъ, чтобы ясно видѣть, что въ этомъ субъектѣ все человѣческое извращено, что это не болѣе, какъ какой-то замѣчательный, выдающійся экземпляръ психическаго урода.

Въ петербургскомъ университетѣ Спасовичъ весьма скоро достигъ того, что возстановилъ студентовъ поляковъ и русскихъ другъ противъ друга, и въ отмѣнно до того устроенномъ и согласномъ польскомъ студентчествѣ вызвалъ розпь между бѣдными и богатыми, между уроженцами Литвы и уроженцами Конгресувки. На правительственныхъ слѣдственныхъ коммисіяхъ — одной по поводу нападенія экипажа гвардіи, съ барономъ Польде, на студентовъ, на пожарѣ по 7 линіи Васильевскаго острова, и другой-по поводу польской демонстраціи, 1 Марта 1861 года, въ католическомъ костелѣ Св. Екатерины, въ Петербургѣ, на коммисіяхъ, въ которыхъ Спасовичъ засѣдалъ, какъ представитель университета, а слѣдовательно и защитникъ студентчества, этотъ жидъ-холопъ, съ роду и по душѣ, открыто продавалъ студентовъ. Кончилъ же Спасовичъ свою карьеру въ петербургскомъ университетѣ тѣмъ, что подбилъ русскихъ студентовъ, отчасти самъ лично, а всего

болѣе черезъ Неклюдова, Чубинскаго, Утина и другихъ агентовъ III отдѣленія, устроить, по поводу введенія въ университетъ матрикулъ, уличную демонстрацію, чего полиція только ждала. Университетъ былъ закрытъ, болѣе тысячи студентовъ арестовали, реакція подняла голову въ столицѣ. Спасовичъ, съ гримасой протестанта, подалъ въ отставку, но онъ получилъ, какъ и его вѣрный другъ Стасюлевичъ, сдѣлавшійся членомъ министерства, еще лучшее мѣсто въ училищѣ правовѣдѣнія, которымъ безграничпо управлялъ тогда архикрамольникъ Петръ Ольденбургскій, и гдѣ преподавателями принимались и принимаются лишь люди самые близкіе правительству.

Замѣчательно, что всякое бѣдствіе, всякая опасность приносили Спасовичу только одну пользу — яснѣйшее и несомнѣннѣйшее доказательство того, что все онъ дѣлалъ по заказу преобладающей силы. Такъ его друзья, его соучастники, его жертвы и несознательные исполнители, какъ Николай Чернышевскій, Іосафатъ Огрызко, Коссовскій и многое множество другихъ шли въ каторгу, а Спасовича никто не трогалъ! Мало того: его быстро и душевно повышали! Сейчасъ послѣ всѣхъ этихъ невзгодъ, онъ сдѣлался главой новой адвокатуры, на которой дали Спасовичу возможность стать милліонеромъ. Въ тайномъ, устроенномъ крамолой съ нѣмцами ареопагѣ, въ которомъ, между прочимъ, дѣйствовали — принцъ Петръ Ольденбургскій, адмиралъ Литке, Лашкаревъ, Философовъ, Стояновскій, Любощинскій, Ковалевскій (ревизовалъ послѣ Оренбургъ), и другіе, Спасовичъ, выражаясь русскимъ канцелярскимъ языкомъ, былъ дѣлопроизводителемъ. Ареопагъ этотъ повелъ такъ дѣла, что въ Петербургѣ, особенно, когда во главѣ полиціи сталъ отчаянный воръ и палачъ, нѣмецъ Треповъ, нѣмцы оказались всесильны: прусскій военный атташе Вердеръ, а не Александръ II, былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ въ невской столицѣ!

III.

Такого блестящаго положенія крамольники достигли въ Петербургѣ съ величайшимъ трудомъ, и то лишь въ концѣ 1866 года, послѣ несчастнаго каракозовскаго выстрѣла въ Александра II, у Лѣтняго сада. Но въ Москвѣ, которая несравненно больше, чѣмъ Петербургъ, любитъ все злое и таинственное, гдѣ сумма хорошихъ элементовъ далеко уступаетъ петербургскому прогрессу, крамола была уже весьма сильна въ концѣ 1862 года. Въ этомъ, самолично, энергически и душевно, помогъ самъ Александръ II. Ему втолковали, что при томъ, почти стихійномъ, броженіи, которое, послѣ крымскаго погрома и вслѣдствіе него, царствуетъ въ Россіи, нужно, чтобъ онъ царь непремѣнно самъ имѣлъ свою собственную личную партію; что въ странѣ, гдѣ было столько государственныхъ переворотовъ, гдѣ измѣна, самозванство, мятежи, цареубійства висятъ въ воздухѣ, ни на правительство, ни на династію, ни на какое либо сословіе, или классъ особенно полагаться царю не слѣдуетъ; что на западѣ всѣ лучшіе монархи имѣли и имѣютъ свои личныя партіи, и что, наконецъ, это онъ, Александръ II, одинъ лишь способенъ благополучно довести до пристани корабль обновляемой, какъ тогда выражались, Россіи. Подобная партія — ехидно продолжали крамольники — должна дѣйствовать такъ, чтобъ успѣхъ шелъ непосредственно и всецѣло царю, и всякая неудача ложилась лишь на партію, даже тѣнью своей не задѣвая царя.

Александръ II съ восторгомъ сдался на эти аргументы. Онъ самъ, понятно несознательно, отравилъ себя, но сдѣлалъ это съ величайшимъ наслажденіемъ единственно потому, что самъ взялъ въ руки чашу съ отравой, и та была сладка! Такимъ образомъ, руководимая нѣмцами крамола, этотъ смертный врагъ и Руси, и ея царя, сдѣлалась явной, официально-личной партіей русскаго государя. Это былъ такой дьявольски искусный шахматный ходъ, какихъ мало знаетъ всемірная

исторія! Но личная партія, особенно русскаго царя, этого владыки цѣлой трети земнаго шара, этого дѣйствительно царя царей, еслибъ онъ только понималъ свое положеніе, но такая партія, говорю, не могла же быть безъ своего органа, тѣмъ болѣе, что въ Россіи сознали уже тогда, что печать великая сила. Органомъ, якобы, личной царской партіи, личной царской воли, въ дѣйствительности же органомъ нѣмецко-іезуитской крамолы въ Россіи, избраны были „Московскія Вѣдомости." Это знали и знаютъ многіе; но весьма немногіе знали тогда и знаютъ теперь, что дѣйствительнымъ редакторомъ, настоящимъ распорядителемъ этого главенствующаго органа государства въ государствѣ былъ не Михаилъ Катковъ, а Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. . . .

На Руси, но не развивающейся, не мирной, не страдальческой, а на Руси властной, разбойничьей, крамольной мало было людей такъ выдающихся своими антисоціальными дарованіями, какъ Иванъ Аксаковъ. Его самъ Богъ, кажется, создалъ для международной крамолы въ Россіи. Въ тридцатыхъ годахъ, Погодинъ посовѣтовалъ шефу жандармовъ Бенкендорфу — устроить такую казенную, изъ помѣщиковъ группу, которая бы, на свой страхъ, на свое имя, но на счетъ русской полиціи, шпіонила и смущала славянскихъ дѣятелей, ихъ сердца, чувства и дѣла, какъ въ Россіи, такъ и на западѣ. Подъ предводительствомъ Погодина и подъ главенствомъ, повторяю, Бенкендорфа, группа такая составилась: для сугубаго издѣвательства надъ славянами ее назвали славянофилами. Въ группѣ этой, которая, подъ видомъ братской помощи, давала, черезъ Хомякова, Адаму Мицкевичу деньги заграницей, которая устроила вокругъ этого геніальнаго барда не всенародной, но шляхетской Польши, вокругъ этого незавиднаго лично поляка и человѣка, цѣлый штатъ шпіоновъ (Товянскій, Пабѣлякъ et cætera), которая занимала было, на извѣстное время и для извѣстныхъ цѣлей, Шафарика, Палацкаго, Ригера и другихъ, въ группѣ этой, говорю, одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ отецъ Ивана Аксакова, Сергѣй Аксаковъ.

Въ одномъ изъ стихотвореній своихъ Иванъ Аксаковъ говоритъ другу, упрекающему его въ отсутствіи чиновничьяго, честолюбія, что онъ, и не будучи на службѣ, съумѣетъ однако сдѣлать и получить все то, что только доступно чиновнику. Цѣлая сторона общественнаго характера Аксакова высказалась вполнѣ въ этомъ стихотвореніи. Дѣйствительно, ни одинъ русскій чиновникъ не сдѣлалъ столько для русской бюрократіи, какъ Аксаковъ: онъ ее очищалъ, направлялъ, оживлялъ. На Руси много было такихъ, которые желали слиться съ Москвой, ради ея силы. Но ни одному изъ нихъ не удалось это въ такой степени, какъ Аксакову. Онъ положительно было воплотился въ Москву, и Москва въ него: нѣкоторое время Москва и Аксаковъ—это были настоящіе сіамскіе близнецы. Между честолюбіемъ и властолюбіемъ—громадная разница. Первое выше, нравственнѣе, полезнѣе: его главная цѣль — честь, слава. Второе стремится, прежде всего, къ обладанію, къ силѣ, и для этого не щадитъ ничего и никого, не перебираетъ въ средствахъ. И въ будничной жизни, и въ исторіи случается не разъ, что въ одномъ и томъ же лицѣ дружно совмѣщаются и честолюбіе и властолюбіе, въ одно и тоже время хотятъ, по русской поговоркѣ, и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти. Русь особенно богата такими людьми. Такимъ именно былъ и Иванъ Аксаковъ.

Но нужно ему отдать справедливость, что онъ больше былъ честолюбивъ, чѣмъ властолюбивъ. Онъ наживался съ своего положенія сильно, собралъ милліоны, но щедрой рукой сыпалъ вездѣ, лишь бы только достигнуть своего. Сознательно продавшись крамолѣ и служа ей, Иванъ Аксаковъ никогда однако, не забывалъ своей конечной цѣли, которой былъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ русскій тронъ. Женатый на другѣ, первой фрейлинѣ царицы, на Маріѣ Тютчевой, дочери извѣстнаго обирателя удѣловъ и либеральнаго поэта, родившейся отъ француженки и выросшей въ католицизмѣ и заграницей, Аксаковъ одинаково былъ въ силѣ и въ крамолѣ, и у царя. Московскій генералъ—губернаторъ Долгоруковъ былъ тайно,

но рѣшительно отданъ царемъ, въ политическихъ дѣлахъ, въ полнѣйшее роспоряженіе Аксакова; но тотъ не всегда опирался на Долгорукова, а изъ мѣстнаго, неслужилаго матеріала все хотѣлъ дѣлать. Два человѣка явились главными сотрудниками Аксакова въ Москвѣ: профессоръ Бабстъ и комерсантъ Федоръ Чижовъ. Благодаря Бабсту, вскорѣ весь московскій университетъ и вся московская интеллигенція очутились подъ тайнымъ, непреоборимымъ вліяніемъ Аксакова.— Въ „Московскія Вѣдомости" Аксаковымъ поставленъ былъ показнымъ редакторомъ бѣдный, заурядной профессоръ, мало кому извѣстный не только въ Россіи, но и въ самой даже Москвѣ, Катковъ.

Вся сила, все достоинство этого человѣка заключались всецѣло въ томъ, что онъ былъ отличнѣйшій стилистъ и софистъ, всегда способный какую бы то ни было тему сейчасъ же, и то еще самымъ блестящимъ образомъ, доказать и изложить на бумагѣ. Для ежедневнаго монитора русской крамолы такой редакторъ былъ неоцѣненнымъ сокровищемъ. Въ политикѣ Катковъ былъ буржуазно-конституціоннаго направленія, въ его душѣ никогда не было ненависти къ полякамъ. Но это былъ, въ высшей степени, безхарактерный, двойственный человѣкъ, любящій вино и блестящіе софизмы столько же, сколько, сильно имъ владѣющая, его жена, какая-то обнищавшая княжна, любила деньги. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи вышло тоже, что и съ женой Пирогова, которая, въ послѣднее время, своего мужа, знаменитаго хирурга и мыслителя, отдала въ аренду жидамъ фельдшерамъ. Темы въ „Московскія Вѣдомости" ежедневно передавалъ Аксаковъ Каткову черезъ Леонтьева, Гиляровa-Платонова и Петровскаго. Полупьяный Катковъ писалъ все какъ машина; но за то Леонтьевъ сыпалъ его женѣ груды золота, которое давали „Московскія Вѣдомости" и еще болѣе знаменитый лицей, давшій Руси не мало идіотовъ, мошенниковъ и даже, признанныхъ судомъ, убійцъ. Не одна изъ знаменитыхъ передовицъ „Московскихъ Вѣдомостей," пуще чумы истребившая много здороваго и добраго въ Польшѣ и на Руси, принадлежала перу самого Аксакова, слогъ кото-

раго и слогъ Каткова имѣли во многомъ весьма немало сходнаго.

Темы Аксакова на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей," трясли, при сочувствіи царя, всей Россіей, волновали всю Европу, и, въ тоже самое время, чтобъ скрыть руку поджигателя, руку убійцы изъ-за царско-крамольнаго угла, на Аксакова за его, якобы, опозицію Каткову, за его, будтобы, вражду къ нѣмцамъ и къ чиновничеству, сыпались, со стороны видимой русской власти, ударъ за ударомъ: закрыли газету „День," закрыли послѣ газету „Москва," завалили предостереженіями, судимостями, обысками, удаленіями заграницу, конфискаціей даже имущества, напримѣръ, по московскому славянскому комитету. Разумѣется все это были удары театральные. Русское крайнее политическое неразвитіе заставило всю Россію вѣрить, что Аксаковъ страдалецъ за добро, гласность, правду, Катковъ же — это какая-то чудовищная кладезь всего злаго. Вѣчные тупицы приняли актера за изображаемое лицо, палку за руку, посланца за пославшаго. Это не разъ и вездѣ, впрочемъ, случается. Такъ въ Испаніи невѣжественная чернь всегда бьетъ, если только можетъ, актера, за его злодѣйскую роль на подмосткахъ театра! Въ замыслахъ и въ работахъ Аксакова, Бабсту весьма много помогалъ другой профессоръ московскаго университета, другъ Бабста, Константинъ Побѣдоносцевъ, и въ награду за это, а, можетъ быть и для того чтобы, обоюдовыгоднымъ образомъ, сбыть въ рукъ людей съ извѣстнымъ въ Москвѣ вѣсомъ и именемъ, Аксаковъ, черезъ безграничное вліяніе жены своей на царицу, поставилъ Бабста и Побѣдоносцева въ воспитатели первенца-сына Александра II, царевича Николая, юноши съ весьма доброй, говорятъ, душей, и потому, очень можетъ быть, что умышленно сведеннаго такъ рано въ могилу. Бабстъ былъ несравненно чище Побѣдоносцева, онъ былъ неособенно способенъ и склоненъ къ интригѣ, и потому Аксаковъ вскорѣ постарался, чтобъ Бабста, убрали отъ царскаго двора, и воспитателемъ оставили одного лишь Побѣдоносцева. Такъ началась его высшая карьера!

Второму своему сотруднику Федору Чижову, Аксаковъ

исхлопоталъ нѣсколько желѣзнодорожныхъ концессій—московско-курскую, московско-ярославскую, ярославско-вологодскую и монопольное архангельско-мурманское пароходство съ ненужной громадной субсидіей въ три милліона рублей отъ казны. За это все московское купечество вдругъ очутилось, стараніями Чижова, у ногъ Аксакова. Хлудовы печатали ему на свой счетъ „День" „Москву," Аксаковъ сдѣлался предсѣдателемъ московскаго купеческаго банка. Ведя его безъ такаго неогляднаго, безпардоннаго воровства, какимъ отличился, лопнувшій на тридцать милліоновъ рублей, Ссудный Банкъ, который на самомъ дѣлѣ, расхитили не Струсбергъ съ Ко, а дѣятели крамолы, Струсбергъ былъ только ширмой, но и нисколько не забывая себя, Аксаковъ вскорѣ явился обладателемъ милліоннаго состоянія, и, въ тоже время, для отвода глазъ, сталъ корчиться на видъ бѣднякомъ-перемѣнилъ большую квартиру на меньшую, прекратилъ болѣе открытые пріемы, угощенія и т. д., „Московскимъ Вѣдомостямъ" поставлены были крамолой двѣ задачи: помочь чиновничеству, какъ можно больше ограбить Польшу, сокращенно и технически это назвали „обрусеніемъ," и вызвать политическое броженіе въ самой коренной Россіи. Къ половинѣ семидесятыхъ годовъ, Аксаковъ блистательно исполнилъ, при посредствѣ „Московскихъ Вѣдомостей", обѣ эти задачи, и служилая Русь, Русь разбойничья справедливо, по этому поводу, ликовала. Но вѣрна пословица, что „l'homme propose — Dieu dispose," и тутъ случились было два непредвидѣнныя служилой Русью обстоятельства, два факта, составившіе новую грань, не только въ дѣятельности Аксакова, но и въ исторіи Россіи и славянства въ наши дни. Фактами этими были: разбойничья затѣя ташкентцевъ въ Сербіи и выстрѣлъ доблестной Вѣры Засуличъ въ Трепова.

На Руси всегда былъ, есть и долго-предолго еще будетъ цѣлый необозримый и неоцѣненный арсеналъ всевозможныхъ выскочекъ и авантюристовъ. Такіе нашлись и въ генеральномъ штабѣ, на который крамола дѣйствовала съ одной стороны, и прогресъ, въ лицѣ взбалмошнаго, безтактнаго,

безхарактернаго отчасти, но высоко-даровитаго и честнаго Сигизмунда Сѣраковскаго и нѣкоторыхъ иныхъ—съ другой. Большинство офицеровъ генеральнаго штаба оказалось на столько развитымъ и честнымъ, что самые юркіе и дѣятельные изъ агентовъ крамолы — Виссаріонъ Комаровъ и Михаилъ Черняевъ были прогнаны со службы—первый съ азіятскаго отдѣленія главнаго штаба, другой—съ Туркестана. Обоихъ ихъ тогда поддержали матеріально жиды, особенно петербургскій Поляковъ, а Аксаковъ втиснулъ ихъ въ журналистику, въ которой оба они издавали, при помощи генерала литературныхъ сыщиковъ въ Петербургѣ, Юліана Шрейера, нѣсколько листковъ; но этого всего имъ было мало.

Въ это время, крамола въ Петербургѣ стала, какъ говорится, бѣситься съ жиру. Нѣмецъ Ѳедоръ Треповъ, который былъ явнымъ намѣстникомъ международнаго заговора въ русской столицѣ, и которому, въ тоже время, Александръ II, болѣзненно напуганный каракозовскимъ выстрѣломъ, создалъ на дѣлѣ положеніе особаго независимаго министра отъ Петербурга, Треповъ этотъ ссылалъ, мучилъ à la Бирономъ, сѣялъ вездѣ развратъ, мошенничество, терроръ. Въ его штатѣ находилась и дѣйствовала цѣлая серія такихъ же самыхъ убійцъ и грабителей, какимъ, напримѣръ, по суду оказался Мироновичъ. При помощи, созданнаго по мысли крамолы, петербургскаго городскаго общества взаимнаго кредита, Треповъ создалъ въ Петербургѣ мошеннически-строительную горячку, цѣлыя улицы возводилъ, Пушкинскую напримѣръ. Треповъ выписалъ было въ Петербургъ изъ Варшавы всѣхъ оттуда выдающихся мошенниковъ и шпіоновъ; засыпалъ ихъ деньгами, совалъ вездѣ, даже въ журналистику („Живописное Обозрѣніе"). Со всего этого Трепову текли милліоны; но онъ, какъ та баснословная рыбачка съ корытомъ у моря, хотѣлъ все больше и больше, такъ что захотѣлъ, наконецъ, получить монополь на петербургскій извозъ, что ежегодно давало бы ему по нѣскольку милліоновъ рублей дохода. Въ полученіи этого монополя Трепову помѣшала петербургская дума, и, такимъ образомъ, этотъ извозъ-монополь, явился той,

подводной скалой, о которую разбилось крамольное единеніе, созданное Погребовымъ и Треповымъ между полиціей и столичнымъ муниципалитетомъ, единеніе, которое, еслибъ оно продолжилось нѣсколько дольше, то въ Петербургѣ бы вскорѣ единой честной души бы не осталось.

Въ упоеніи безграничнаго самодурства, Треповъ однажды высѣкъ страшно, въ знаменитомъ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія, одного государственнаго узника. Петербургъ узналъ объ этомъ, его нѣсколько покоробило, защемило, но на этомъ и кончилось. До Россіи, гдѣ всякій самъ по себѣ и самъ лишь для себя, эта вѣсть о жестокомъ высѣченіи политическаго дѣятеля врядъ ли и дошла бы. Вѣсть эту прослышала какъ то, въ новгородской глуши, Вѣра Засуличъ, и Богъ велѣлъ этой, неизвѣстной до тѣхъ поръ, слабой дѣвушкѣ отомстить нѣмцу-тирану. Да, самъ Богъ это велѣлъ, какъ онъ велѣлъ пастушкѣ Іоаннѣ д'Аркъ пойти, среди оцѣпенѣвшей Франціи, на борьбу съ могущественными пашельцами родины! Выстрѣлъ Засуличъ въ Трепова пробудилъ Русь, какъ бранный кличъ Іоанны д'Аркъ пробудилъ, во время оно, Францію. Даже царь раскрылъ шире обыкновеннаго глаза, и еще разъ почувствовалъ, что кто-то его невидимо связалъ и невидимо куда-то тянетъ. Треповъ былъ прогнанъ, а Аксаковъ понялъ и рѣшилъ, что теперь ему слѣдуетъ, не разрывая окончательно съ крамолой, начать дѣйствовать на свою уже руку.

Вотъ почему былъ принятъ Аксаковымъ проектъ Комарова и Черняева. Проектъ этотъ былъ донельзя простъ, а главное вполнѣ русскій, то есть разбойничій. Нужно было натравить Сербію на Турцію, и тѣмъ вызвать русско-турецкую войну. Въ этомъ проектѣ Комаровъ и Черняевъ видѣли для себя власть, чины, отличія, богатства, Иванъ Аксаковъ же — послѣднюю ступень къ русскому престолу. Рѣшено было, что въ Сербію побѣжатъ русскіе добровольцы, удаленіе которыхъ съ Россіи друзья Аксакова и крамолы представили царю, какъ самое лучшее дезинфецирующее средство отъ зараженія Руси революціоннымъ духомъ. Безъ русскихъ

охотниковъ, справедливо думалъ Аксаковъ, Сербія никогда не бросится на Турцію, а Россія не вступится за Сербію. Сначала подкупили, воспитаннаго въ Кіевѣ, сербскаго митрополита Михаила, затѣмъ Ристича, оба же они склонили юношу-князя сербскаго Милана, что тотъ вступилъ въ неравную борьбу съ Турціей.

Единовременно съ вызовомъ добровольцевъ, Аксаковъ сталъ, публично по всей Россіи, собирать деньги въ пользу, якобы, освобождающагося славянства. Собрали около десяти милліоновъ рублей, но въ Сербіи истратили не болѣе двухъ, остальное положилъ себѣ въ карманъ Аксаковъ. Для того же, чтобъ покрыть хоть чѣмъ-нибудь это, поистинѣ святотатственное, воровство, Аксаковъ распустилъ слухъ, что всѣ его денежные отчеты забрала, якобы, полиція при фиктивномъ закрытіи московскаго славянскаго комитета. Комедія этого закрытія сопровождалась еще комедіей высылки, якобы, Аксакова заграницу на полгода. На самомъ дѣлѣ Аксаковъ уѣхалъ, чтобъ развлечься на свободѣ отъ мытарствъ съ сербской провокаціей, и дать забыть объ отчетности съ собранныхъ громадныхъ денегъ. Сколько ихъ было собрано на Сербію объ этомъ приблизительно знали Комаровъ и Черняевъ, и возненодовали на Аксакова за то, что львиная часть досталась не имъ. Этотъ неравный раздѣлъ добычи, а не зайчарскій погромъ, былъ дѣйствительной причиной того, что Аксаковъ удалилъ изъ Сербіи Черняева и Комарова, и тѣ, съ тѣхъ поръ, стали тайными врагами Аксакова. Между тѣмъ, разбивъ на голову сербовъ и русскихъ подъ Зайчаромъ, подъ Бѣлградъ подступилъ было Османъ Паша, знаменитый послѣ защитникъ Плевны. Сербія погибала.

Царь, въ четвертый разъ, почувствовалъ запахъ крамолы, еще разъ онъ увидѣлъ, что его тянутъ и губятъ. Въ первый разъ это чувство испыталъ Александръ II, когда въ Петербургѣ сталъ проповѣдывать доминиканецъ Сегье; во второй разъ по поводу огрызковскаго „Слова" и въ третій, когда доблестная Вѣра Засуличъ выстрѣлила въ вора-палача Трепова. Еслибы все то, что случилось съ несчастной Сербіей произо-

шло, напримѣръ, не при малодушномъ и нерѣшительномъ вѣнчанномъ приставѣ, Александрѣ II, а при настоящихъ, такихъ царяхъ, какъ Іоаннъ IV Роковой, или Петръ I, то они, какъ дѣйствительные самодержцы и монархи, перевѣшали бы Аксакова съ братьей, и съ Турціей было бы, eo ipso, замиреніе. По Александръ II, повторяю, какъ вѣнценосный приставъ, колебался, плакалъ даже въ Ливадіи передъ англійскимъ посломъ, но въ концѣ концовъ, по внушенію Аксакова и крамолы, бросился на турокъ. Крамола, черезъ Александровича, чиновника изъ бывшаго втораго отдѣленія царской канцеляріи и черезъ генерала Непокойчицкаго, успѣла овладѣть уже было, въ то время, царскимъ братомъ Николаемъ, и тотъ въ послѣднюю, рѣшительную минуту, увлекъ Александра II на бой съ Турціей. Послѣдствія извѣстны. Россія истратила въ этой войнѣ всѣ свои силы, фактически побѣдила, подступила было къ самому Царьграду, но ушла домой съ пустыми руками, и упала въ изнеможеніи на руки крамолы, вѣрнѣе Аксакова.

Теперь онъ ясно увидѣлъ на небѣ исторіи свою звѣзду. Да и какъ было ея не увидѣть? Москва сдѣлалась помѣстьемъ Аксакова. Его агентами кишѣла Бѣлокаменная, и между ними особенно отличались и были Аксаковымъ отличены, вѣрнѣе оплачены, такіе московскіе звѣзды-дѣльцы, какъ адвокаты Бепиславскій и Плевако, лютеранскій оберъ-пасторъ Дикгофъ, католическій прелатъ Довгялло (нынѣ заступаетъ мѣсто митрополита въ Петербургѣ), редакторъ Гатцукъ, профессоръ, издатель учебниковъ русской исторіи Иловайскій и многое множество другихъ.

Если послѣдняя русско-турецкая война улыбалась личнымъ государственнымъ замысламъ Аксакова, то Бисмарку она была еще желательнѣе, и немудрено, поэтому, что, инспирируемая Бисмаркомъ, крамола въ Россіи постаралась, черезъ Аксакова, чтобъ Александръ II подрался съ турками. Александръ II, какъ я уже не разъ это говорилъ, былъ въ душѣ своей чистѣйшій пруссакъ, лишь въ русскомъ, такъ сказать, переводѣ. Но онъ былъ, въ тоже время царь и человѣкъ—еще разъ повторяю — далеко неглупый, и потому онъ понималъ что

для царской Руси Франція гораздо менѣе опасна Германіи, особенно объединенной и находящейся въ рукахъ Бисмарка. И, когда, подкупивъ всю высшую официальную Францію, Бисмаркъ съ Мольтке пошли, въ 1870 году, навѣрняка на Парижъ, а Александръ II благословилъ нѣмцевъ на этотъ, выдающійся во всей всемірной исторіи, разбой, то царь это сдѣлалъ нисколько не по душѣ, а лишь подъ внушеніемъ крамолы, какъ нѣсколько раньше того, подъ тѣмъ же самымъ внушеніемъ, онъ заключилъ съ пруссаками тайный въ Рейхштадтѣ договоръ, по которому все лѣвое побережье Вислы и пограничныя полосы августовской, ковенской и волынской губерній предоставлялись нѣмецкой колонизаціи, на устройство которой, то есть на порабощеніе своихъ же собственныхъ подданныхъ славянъ и литвиновъ нѣмцами, Россія обязалась ежегодно давать, впродолженіе восьми лѣтъ, по два милліона четыреста тысячъ рублей серебромъ.

Царь понялъ вскорѣ, именно послѣ версальскаго провозглашенія нѣмецкой имперіи, но поздно уже было, что пустивъ пруссаковъ на грабежъ Франціи и на порабощеніе польскихъ, подъ русскимъ владычествомъ, провинцій, онъ самъ уступилъ этимъ бисмарковской Германіи всю Балтику и все западное побережье россійской имперіи. Царь отвернулся, поэтому, отъ Германіи, и сталъ благосклоннѣе относиться къ французамъ. Вотъ почему, чтобы ослабить царя, отвести его глаза отъ Франціи, крамола втянула Русь въ войну съ турками, а Бисмаркъ, на берлинскомъ конгрессѣ 1876 года, выбивался изъ силъ, чтобъ унизить, не удовлетворить побѣдительницу Россію. Аксаковъ, который до этого времени ругалъ нѣмцевъ лишь затѣмъ, чтобъ лучше скрыть свою службу, руководимой нѣмцами, крамолѣ, и вѣрнѣе дѣйствовать на славянскія антипатіи глупыхъ россіянъ, теперь ясно видѣлъ, что нѣмцамъ въ русской крамолѣ не должно быть больше мѣста, что онъ можетъ и долженъ занять мѣсто и нѣмцевъ, и іезуитовъ, однимъ словомъ, заполнить собой всю крамолу, сдѣлаться ея, такъ сказать, самодержцемъ. Это тѣмъ легче было сдѣлать, что девять десятыхъ той „великой Федоры, да дуры," которая

называется Россіей, видѣли въ Аксаковѣ свою звѣзду, свою надежду. Аксаковъ очутился, наконецъ, на чистомъ полѣ: онъ прямо въ глаза уже смотрѣлъ своей мечтѣ, крамола изъ международной сдѣлалась чисто-русской. Это былъ ея новый, третій послѣ іезуитовъ и нѣмцевъ, періодъ. Но на ловца звѣрь бѣжитъ— говоритъ русская пословица. Аксакова понялъ и раскусилъ, Аксакову позавидовалъ, порѣшилъ его погубить Николай Игнатьевъ. Еще разъ оправдалось то мнѣніе, что разбойники всего чаще погибаютъ отъ рукъ же разбойниковъ.

Біографія и характеръ Николая Игнатьева, мѣряя ихъ на русскій ладъ, весьма просты и несложны. Отецъ Николая — Павелъ, крестьянинъ по рожденію и сдаточный солдатъ, попалъ за свой дюжій ростъ въ гвардію, и за расторопность въ деньщики къ одному могущественному въ гвардейскомъ корпусѣ генералу, который постарался, что Игнатьева сдѣлали сначала фельдфебелемъ, а послѣ и офицеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Такія повышенія при Александрѣ I и Николаѣ I не были рѣдкостью. Для примѣра укажемъ на жмудскаго мужика Іосиѳа Гуркаса, котораго въ гвардіи сдѣлали тоже офицеромъ, и, чтобъ приблизить по имени къ аристократіи, изъ Гуркаса переименовали въ Гурко, для показнаго же обрусѣнія, изъ католика перекрестили въ православнаго. Онъ теперь, какъ извѣстно, алмазъ, жемчужина всей гвардіи и арміи, полный генералъ, намѣстникъ царя въ Польшѣ.

Капризу судьбы такъ угодно было, чтобъ въ ту именно минуту, когда доблестное возстаніе русской гвардіи въ 1825 году, заняло сенатскую площадь, на карауле въ сенатѣ былъ Павелъ Игнатьевъ. Онъ заперъ караулъ на замокъ, не допустилъ его соединиться съ возставшими, что дало приверженцамъ царя Николая не мало шансовъ на побѣду. За это отличіе Павла Игнатьева сдѣлали капитаномъ и флигель— адьютантомъ, и шибко двинули въ гору, тѣмъ болѣе, что счастливецъ оказался весьма ловкимъ во взяточничествѣ и въ интригѣ, два качества отмѣнно почитаемыя въ русской государственной службѣ. Въ началѣ царствованія Алек

сандра II, Павелъ Игнатьевъ былъ уже петербургскимъ генералъ—губернаторомъ, а старшій сынъ его, Николай, за отличіе въ бухарской миссіи, назначенъ былъ посланникомъ въ Китай, а за присоединеніе Амура къ Россіи, что было исключительной заслугой Муравьева, явился посломъ царя въ Стамбулѣ.

Присматриваясь къ жизни и изучая исторію, одинаково приходишь къ тому заключенію, что нерѣдко владѣть однимъ какимъ—либо, но особенно крупнымъ достоинствомъ, или недостаткомъ несравненно важнѣе и выгоднѣе, чѣмъ имѣть ихъ много, но не такіе крупные. Николай Игнатьевъ, одаренный самой невзрачной и некрасивой наружностью, безъ дара слова, безъ научнаго образованія, безъ всякаго таланта, обладаетъ однимъ такимъ крупнѣйшимъ недостаткомъ, который въ Россіи и на всемъ востокѣ всесиленъ. Этотъ человѣкъ никогда не зналъ и не знаетъ того, что такое честность и стыдъ на свѣтѣ! Будучи посломъ въ Турціи, Игнатьевъ, стоилъ Россіи многихъ милліоновъ. Онъ бралъ ихъ для подкупа, для выслѣживанія, но лишь небольшую часть изъ нихъ тратилъ по назначенію, остальное же все прикарманивалъ себѣ, и, вдобавокъ, сообщалъ царю такія вымышленныя данныя о Турціи, что Александръ II не могъ не убѣдиться, что турокъ русскіе „шапками закидаютъ."

Геройская оборона Плевны, задержавшая чуть не на годъ нѣсколькосоттысячную русскую армію, чуть не плѣненіе самого Александра II въ Бѣлой доказали, что Игнатьевъ надулъ царя и Россію! Царь справедливо былъ внѣ себя, и, когда Игнатьевъ сталъ еще гордо, нагло и фальшиво оправдываться, Александръ II не вытерѣлъ и „всемилостивѣйше" далъ нѣсколько „высочайшихъ" и „августѣйшихъ" пощечинъ вѣроломному послу. Разумѣется, что, послѣ такого событія государственная карьера Игнатьева была окончена, и, если онъ послѣ фигурировалъ еще въ санъ-себастіанскомъ договорѣ, то это было сдѣлано лишь для виду, для сокрытія обмана и опалы за него, тѣмъ болѣе, что, подписывая этотъ договоръ, всѣ напередъ знали, что онъ мертворожденный.

Въ то самое время, когда Николай Игнатьевъ посланничалъ въ Константинополѣ, въ Одессѣ жилъ и дѣйствовалъ адмиралъ Николай Чихачовъ, весьма мѣтко и вѣрно прозванный паукомъ Одессы. Для характеристики этого человѣка достаточно сказать, что онъ самъ публично говорилъ не разъ, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока всякому изъ своихъ дѣтей, а ихъ у него чуть не дюжина, не соберетъ по милліону рублей. И онъ ихъ собралъ уже, воруя, грабя, направо и налѣво, и русское общество пароходства и торговли, и югозападныя желѣзныя дороги, и самую Одессу, наконецъ, особенно ея портъ, когда былъ его начальникомъ въ турецкую войну. Весьма похожій по душѣ на Игнатьева, Чихачовъ вскорѣ сошелся съ нимъ, и когда Игнатьевъ, побитый царемъ, готовъ уже былъ, пожалуй, хоть на время, стушеваться, Чихачовъ указалъ бывшему турецкому послу на дѣятельность Аксакова, какъ на новое поприще. За это указаніе, которое говорило, что Игнатьевъ можетъ, продолжая программу Аксакова, и, само собой разумѣлось, съѣвъ его, достигнуть этимъ путемъ всего, чего только пожелаетъ, и за помощь въ достиженіи этого, Чихачовъ получилъ послѣ, по старанію Игнатьева, сначала постъ начальника морскаго штаба, а потомъ, занимаемый имъ и теперь, еще болѣе вліятельный и, главное прибыльный, постъ морскаго министра.

Игнатьевъ предложилъ Аксакову дѣйствовать вмѣстѣ. Предложеніе было принято, потому что не было возможности отказать. Союзъ этотъ былъ, въ величайшей степени, коварный и удивительный. Оба союзника, и Аксаковъ, и Игнатьевъ одинаково лгали другъ другу, что хотятъ только счастья, преобразованія Россіи, тогда какъ обоимъ имъ хотѣлось лишь одного, чтобъ сохранить, во что бы ни стало, старую, служилую, разбойничью Русь, и съ шапкой Мономаха на челѣ, стать во главѣ ея. Оба они отлично знали другъ друга, и потому понимали, что имъ двумъ жить невозможно, что одинъ другаго долженъ пожрать. Подъ наркозъ сладкихъ словъ и подъ шумокъ согласныхъ и совмѣстныхъ мелкихъ дѣйствій, закипѣла тайная, страшнѣйшая, архиадская вражда

и борьба между этими двумя людьми. Аксаковъ сталъ еще пуще укрѣпляться въ Москвѣ, и рѣшилъ втянуть въ свою игру Болгарію. Съ этой цѣлью онъ сблизился и сошелся съ московскимъ митрополитомъ Макаріемъ, и привлекъ къ себѣ извѣстнаго „бѣлаго генерала" Скобелева. Въ тоже самое время Игнатьевъ началъ дѣйствовать въ Кіевѣ.

Кіевъ, который, весьма скоро и непремѣнно, долженъ сдѣлаться не только столицей Россіи, но и столицей всего славянства, въ настоящее время, представляетъ этнографическую мозаику, въ которой самые лучшіе узоры и цвѣты — польскіе. Космополитъ въ душѣ, какъ и всѣ проходимцы, всѣ ненавистники настоящей свободы, Игнатьевъ зналъ это, и оперся въ Кіевѣ главнѣйше на поляках. Во главѣ продавшихся ему сыновъ несчастной Польши явились: ксендзъ Кириллъ Кржижановскій и фамилія Марцинчиковъ. За ними уже слѣдовали; обманомъ завладѣвшій книжной торговлей Коссовскаго, книгопродавецъ Болеславъ Корсйво, типографъ Вацлавъ Францкевичъ, полицейскіе чиновники Козельскій и Александръ Бонковскій, братъ Діонисія, автора извѣстной „Гандзи" и адвокатъ Модзолевскій. У, принявшаго православіе, Францкевича печатались революціонныя воззванія и, въ то же самое время, всѣ богослужебныя и религіозныя книги для знаменитой кіевской Лавры. Всѣ продукты заграничной, враждебной Россіи, печати, цензоръ, нѣмецъ Ляймингъ пропускалъ Корейвѣ, а тотъ свободно все это продавалъ. Революціонныя собранія молодежи и ее самое, до поры до времени, вызывали и охраняли Козельскій и Бонковскій. Затѣмъ Турвонтъ Кибальчичъ, по профессіи, якобы, археологъ, на самомъ же дѣлѣ политическій шпіонъ, дѣйствовалъ въ области мѣстной литературы. Александръ Конисскій, для виду сосланный было, въ 1862 году, въ Вологду изъ Полтавы, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Александромъ Стропинымъ, авторомъ извѣстной книги въ пользу самодержавія, выдалъ полиціи либеральную группу инженернаго капитана Лободы, сосланнаго послѣ за то въ Уфу, этотъ Конисскій, какъ владѣтель по женѣ своей Нестеровой, дома

въ Кіевѣ, на Бибиковскомъ Бульварѣ, орудовалъ въ городскихъ сферахъ.

Предположено было вызвать въ Кіевѣ, если не возстаніе, то, по крайней мѣрѣ, возможно большую политическую сумятицу. По Кіевъ, какъ бы наперекоръ, былъ, послѣ турецкой войны, особенно расположенъ къ спокойствію, и нашелся человѣкъ, который напалъ на слѣды того, что отъ жены Игнатьева, поселившейся въ Кіевѣ, исходитъ какая-то крупная политическая интрига. Этимъ человѣкомъ былъ жандармскій штабсъ-капитанъ баронъ Гейкингъ, ненавидящій гораздо болѣе, чѣмъ политическія преступленія, политическія провокаціи, и преслѣдовавшій взяточничество. Но Игнатьевъ не даромъ же жилъ довольно долго въ Стамбулѣ, гдѣ, въ подобныхъ случаяхъ, какъ съ Гейкингомъ, не задумываются, и расправляются коротко и быстро. Въ десять часовъ вечера, въ многолюднѣйшей части Кіева, у самого рынка на Бессарабкѣ, Гейгинга убили на улицѣ, и понятно, убійцъ до сихъ поръ нельзя было найти. За тѣмъ пошли напроломъ, чтобъ поднять и вооружить противъ правительства лучшую часть кіевскаго населенія. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что жена тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора Черткова, жидовка родомъ, которую Чертковъ купилъ въ Луцкѣ отъ исправника Алексѣева, торговала всѣми дѣлами и мѣстами въ краѣ черезъ, царя кіевскихъ жидовъ, Израиля Бродскаго, который былъ въ паяхъ по сахарному дѣлу съ Игнатьевымъ. Затѣмъ куплены были: полицій мейстеръ Гюббенетъ и адвокатъ Андреевскій, всесильный тогда въ кіевскомъ судебномъ мірѣ потому, что онъ дѣлился заработками съ предсѣдателемъ суда Гончаровымъ, мастерски игравшимъ роль неподкупнаго и честнаго.

Однажды, среди бѣлаго дня, на рынкѣ, на Бессарабкѣ, полицейскіе, на глазахъ сотенъ народа, убили какого-то бѣднаго солдата, георгіевскаго кавалера. Вся кіевская чернь, всѣ честные люди возмущены были этимъ убійствомъ, тѣмъ болѣе, что виновныхъ освободили отъ отвѣтственности. Вслѣдъ за этимъ убійствомъ солдата, заранѣе приготовленная на то полиція, послѣ концерта Лавровской въ мѣстномъ театрѣ,

напала на студентовъ, и стала рубить ихъ саблями. На другой день университетъ былъ закрытъ и болѣе семисотъ студентовъ арестовано. Далѣе появилось подложное официальное сообщеніе о томъ, что въ товарища прокурора Котляревскаго, истязавшаго политическихъ арестантовъ, кто-то, будтобы, стрѣлялъ, въ одиннадцать часовъ вечера, въ воротахъ дома, который выходитъ на всегда оживленную, центральную площадку за Думой, и въ которомъ находились, переполненныя жильцами, меблированныя комнаты. Все это, вмѣстѣ съ продаваемыми Корейвой и печатаемыми Фронцкевичемъ революціонными произведеніями, вызвало громаднѣйшее броженіе въ Кіевѣ, чего и добивался только Игнатьевъ.

По докладу, укравшаго на Литвѣ вмѣстѣ съ Муравьевымъ двѣ первыя контрибуціи, Дрентельна, который былъ заодно съ Игнатьевымъ и котораго изъ командующаго кіевскимъ военнымъ округомъ, царь, на свою бѣду, и по тайному старанію Игнатьева, сдѣлалъ шефомъ жандармовъ, Черткову дана была диктатура въ Кіевѣ. Пошли массовые аресты, ссылки, шестерыхъ повѣсили, въ томъ числѣ двѣ женщины. Игнатьевъ расчитывалъ, что царь извинится въ нанесенныхъ пощечинахъ, и пригласитъ его, съ громаднѣйшими уполномочіями, въ министры внутреннихъ дѣлъ. Но вышло не такъ. Друзья Аксакова помѣшали Игнатьеву занять тотъ постъ, на которомъ онъ могъ бы, въ то время, фактически властвовать Россіей. Всѣ средства для этого были въ его рукахъ. Съ юга онъ перенесъ бы тогда политическое броженіе, подобное кіевскому, на сѣверъ, и разлилъ бы его по всей имперіи. На югѣ же онъ началъ бы, на смѣну политическому, бѣлому террору, жидовскіе погромы, что онъ и сдѣлалъ впослѣдствіи. Такимъ образомъ, цѣлая имперія находилась бы въ сильнѣйшемъ и долгомъ броженіи, вся была бы, такъ сказать, въ огнѣ.

Но помѣшавъ Игнатьеву стать во главѣ Россіи, Аксаковъ не въ силахъ былъ, однако, помѣшать тому, что благодаря кіевской провокаціи, во всей Россіи введена была диктатура, и ее отдали человѣку, котораго Игнатьевъ могъ считать, если

не своимъ вполнѣ, то, во всякомъ случаѣ, близкимъ и полезнымъ. Я говорю о Лорисъ-Меликовѣ, котораго въ Россіи, для сокращенія, называли одни „Лориской" „армяшкой," другіе „Тарелковичемъ," отъ отчества „Таріеловичъ." Нравственно-умственный багажъ этой, безспорно исторической, личности былъ во многомъ схожъ съ такимъ же багажемъ Игнатьева. Какъ и послѣдній, это былъ необразованный, бездарный, но крайне продажный и страстный интриганъ, съ той только, сравнительно съ Игнатьевымъ, разницей, что выше всякаго главенства, Лорисъ-Меликовъ ставилъ деньги, и, въ силу врожденнаго всякому армянину, холопства, онъ чуждъ былъ такихъ честолюбивыхъ замысловъ, какъ достиженіе постоянной верховной власти. Посадивъ Лорисъ-Меликова на томъ самомъ мѣстѣ, которое съ такимъ трудомъ готовилъ себѣ, Игнатьевъ далъ, по рекомендаціи Чихачова, въ руководители, вѣрнѣе въ надсмотрщики, диктатору-армянину обрусѣвшаго поляка, Александра Скальковскаго, который до этого былъ мелкимъ чиновникомъ, всего только начальникомъ сыщиковъ въ одесской полиціи. Съ своей же стороны Лорисъ-Меликовъ взялъ себѣ было въ негласные сотрудники весьма способнаго литератора и еще болѣе способнаго полиціанта по душѣ, Григорія Градовскаго, который, съ того времени и до сихъ поръ, наразъ ухитряется быть — радикаломъ въ литературѣ и сыщикомъ въ полиціи. Въ послѣднее время Григорій Градовскій предался весь Игнатьеву.

Что же дѣлалъ Аксаковъ, видя и понимая все это? Сблизившись, какъ я уже сказалъ, послѣ турецкой войны, съ митрополитомъ Макаріемъ, Аксаковъ одной громадной силой больше пріобрѣлъ въ Москвѣ и во всей Россіи. Будучи, до возведенія въ московскіе митрополиты, православнымъ архіепископомъ въ Вильнѣ, Макарій, служа на этой каѳедрѣ, переродился, такъ сказать, головой и сердцемъ. Высоко образованный не только богословъ, но и ученый, проницательный изслѣдователь и критикъ общественной жизни, и къ тому же честный, добрый, отмѣнно даровитый и энергическій человѣкъ, Макарій былъ несказанно возмущенъ и пораженъ тѣмъ, что ему довелось

увидѣть въ Вильнѣ. Тамъ, въ этой древней столицѣ Гедимина въ этомъ честнѣйшемъ и симпатичнѣйшемъ изъ городовъ всей Польши, въ Вильнѣ владыка убѣдился, что не только Польшу съ Литвой, но и Русь всю продаютъ злые люди нѣмцамъ и инымъ врагамъ славянства, и что отъ Александра II и тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей никому ничего не ждать!...

Положительнѣйшимъ контрастомъ съ свѣтлой личностью митрополита Макарія представлялся другой, вновь пріобрѣтенный сотрудникъ Аксакова, Михаилъ Скобелевъ. Необузданный, бездушный развратникъ, нелишенный мелкихъ знаній и мелкихъ способностей, но безъ идей, принциповъ, характера, человѣкъ этотъ не могъ жить безъ самодурства, безъ фокусничества. Трусъ въ душѣ, затѣмъ онъ и мчался всегда передъ рядами, расчитывая, что этакъ легче уйти отъ пули, не берегущій цѣлые полки, но старающійся, чтобъ всякій день его обѣдъ былъ роскошный, а онъ самъ надушенъ и расфранченъ, недозволяющій солдату поднять и перенести раненаго своего товарища, рѣдко когда заглянувшій въ лазаретъ, но подъ Плевной и въ Адріанополѣ выписывающій себѣ француженокъ изъ Букарешта, Скобелевъ, благодаря подкупу имъ военныхъ корреспондентовъ и инымъ куншткамъ, достигъ того, что его, до того неизвѣстнаго, сдѣлали героемъ послѣдней турецкой войны. Принимая собственную же поддѣлку за чистую монету и счастье за заслугу, онъ былъ возмущенъ тѣмъ, что послѣ войны его, Скобелева оставили въ тѣни, и потому, когда, изучивъ этого человѣка, Аксаковъ предложилъ ему вѣрный союзъ съ собой и корону Болгаріи, то Скобелевъ съ восторгомъ принялъ это предложеніе. Оно сулило весьма много не только Скобелеву, но и Аксакову. Опираясь на скобелевскую Болгарію, Аксакову легче было бы, особенно при противодѣйствіи Игнатьева, добиться русскаго тропа. Удалось бы это вовсе, въ Болгаріи было бы тогда вѣрное убѣжище, соборъ съ силами для новой борьбы, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ чего либо, не представлялось особой трудности замѣнить на болгарскомъ тронѣ Скобелева собой.

Получивъ легальную диктатуру въ Россіи, Лорисъ-Меликовъ

и Александръ Скальковскій сейчасъ же, явно и всецѣло, предались, невиданному почти до тѣхъ поръ въ человѣческой исторіи, грабежу. Начали съ того, что, взявъ отъ Журавлева съ Рыбинска пять милліоновъ рублей серебромъ, дозволили всѣмъ крупнымъ хлѣботорговцамъ спрятать свои громадные запасы, и разъ, болѣе чѣмъ на половину, поднять цѣны на хлѣбъ и муку. Это озлобило всѣхъ. Въ Москвѣ черни стала разбивать пекарни; дошло бъ, навѣрное, до этого во всѣхъ рѣшительно русскихъ городахъ, но трусливый и блудливый армяшка поспѣшилъ съ отбоемъ: бѣднѣйшимъ стали раздавать хлѣбъ даромъ, а хлѣботорговцевъ уговорили брать прежнія цѣны и открыть склады, утѣшая ихъ тѣмъ, что немного послѣ они возьмутъ таки свое.

Во всѣхъ вѣдомствахъ, во всѣхъ учрежденіяхъ, самое наглое и крупное воровство практиковалось открыто. Маковъ — это подлѣйшее изъ всѣхъ исчадій новѣйшей служилой Руси, недавно еще уланскій ротмистръ, одинъ изъ заплечниковъ Муравьева, вдругъ сдѣланный Игнатьевымъ и Лорисъ-Меликовымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, сталъ во главѣ государственно-общественнаго воровства, и, какъ истый гвардеецъ-кавалеристъ, повелъ такую блистательную атаку на чужое добро, что не поостерегся даже украсть тридцать тысячъ рублей серебромъ, подаренныхъ костромскимъ дворянствомъ лично самому царю на его распоряженіе! Уже при Александрѣ III, Дмитрій Толстой, мстя за то, что Маковъ прежде изобличалъ нѣкоторыя его воровства, открылъ эту кражу. Но судебному слѣдователю Маковъ далъ такія показанія на воровства и иныя злодѣянія Толстаго, что тому ничего болѣе не оставалось, какъ зарѣзать Макова, что онъ и сдѣлалъ. Думая ограбить до чиста всю Россію, Лорисъ-Меликовъ и Скальковскій (нынѣ начальникъ всѣхъ почтъ въ Россіи) составили и дали для подписи царю программу своихъ дѣйствій на цѣлыя семь лѣтъ впередъ. Еслибъ эта программа была, хоть на половину, исполнена, то Россія была бы окончательно разорена. Но Богъ спасъ ее многострадальную!

Кощунствуютъ тѣ, кто говоритъ, что Богъ невидимъ на

землѣ. Когда жиды были чисты, они видѣли воочію, однако, Бога въ видѣ горящей купины. Эта купина горѣла, горитъ и будетъ горѣть вездѣ и всегда, но мы упорно не хотимъ ея видѣть. Ея имя — наука! Богъ на землѣ — это наука! Разбойничій по многовѣковой исторіи, разбойничій даже по самому существу своего духа, русскій народъ, съ недавняго времени, сталъ преображаться, перерождаться подъ лучами науки, которой первое послѣдствіе — свобода. Впервые, не единичными личностями, а уже массами, русскій народъ встрѣтился, при посредствѣ массонства, съ этой наукой тогда, когда, погнавшись за первымъ Бонапартомъ, русскій корпусъ Воронцова нѣсколько лѣтъ пробылъ во Франціи. Возвратившись оттуда, съ новымъ духомъ уже въ груди, лучшіе изъ сыновъ Руси надумали въ брацлавскомъ Тульчинѣ, что на Подоліи, освободить русское государство отъ цѣпей деспотизма. За этимъ освобожденіемъ государства послѣдовало бы, понятно, и постепенное освобожденіе отъ всяческихъ узъ и самого русскаго народа. Такова была завязка военнаго заговора, такъ несчастно для русской свободы разыгравшагося, въ 1825 году, на сенатской площади Петербурга.

Послѣ казни великихъ Рылѣева, Бестужева, Муравьева и другихъ, въ русскомъ развитіи пошли скачки, перемѣны, словно въ перемежающейся лихорадкѣ. То купину-науку об дастъ цѣлымъ водопадомъ своихъ нечистотъ служилая Русь, и отъ залитаго пламени повалитъ, застелетъ все дымомъ, долго-долго грызущимъ слабыя глаза. То вспыхнетъ опять невзначай и отдастъ заревомъ священное пламя, какъ это было, напримѣръ, около 1848 года, этого года пробужденія во всей Европѣ (московское профессорское движеніе, революціонное дѣло Петрашевскаго и т. д.) и въ періодъ честной, богатой послѣдствіями работы Чернышевскаго, Добролюбова, Михайлова, Пожина, Герцена, Бакунина. На почвѣ науки и подъ невидимымъ, несознаваемымъ большинствомъ на Руси, но, не смотря на то, все-таки мощнымъ вліяніемъ, возставшей въ 1863 году Польши, многіе русскіе стали работать на свободу

своей родины. Соразмѣрно съ увеличеніемъ гнета и съ развитіемъ вездѣ, кромѣ Россіи, увеличивалась эта святая работа и число посвятившихся ей, такъ что, ко времени диктатуры Лорисъ-Меликова и Скальковскаго, революціонное дѣло въ Россіи представляло уже изъ себя извѣстную, до нѣкоторой степени, грозную силу, представляло всего болѣе потому, что гнетъ служилый достигъ было, въ то время, своего апогея.

Не только все враждебно правительству дѣйствующее, но и все легальное, если только оно было честное и способное, очутилось, при Лорисъ-Меликовѣ и Скальковскомъ, въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ. Все подлое, все сомнительное, колеблющееся было закуплено диктатурой. Легіоны шпіоновъ, подъ видомъ преслѣдуемыхъ, появились не только по всей Россіи, но ихъ размѣстили, рядомъ съ честными, по всѣмъ тюрьмамъ, по всѣмъ ссылкамъ. Въ этомъ сонмѣ христопродавцевъ нѣкоторые доходили, развились до виртуозности своего рода. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ любимцевъ Игнатьева по востоку, консулъ при немъ въ Варнѣ и Рущукѣ, затѣмъ петербургскій мировой судья у Пяти Угловъ, затѣмъ адвокатъ петербургскаго суда, вмѣстѣ съ Мирскимъ, сыномъ одного изъ прикащиковъ Игнатьева, позировавшій, какъ главное лицо, въ небываломъ, измышленномъ покушеніи на жизнь нѣмца Дрентельна, небезъизвѣстный Петербургу, Александръ Ольхинъ, шпіоня честныхъ сосланныхъ людей перебывалъ, при Лорисъ-Меликовѣ и Скальковскомъ, чуть не во всѣхъ ссыльныхъ трущобахъ — въ Яренскѣ, вологодской губерніи, въ Шадринскѣ пермской итд. Привезутъ, обнюхаетъ все, и когда видитъ, что ничего для поживы нѣтъ, или узнаютъ, что это шпіонъ, какъ было въ Ярепскѣ, то сейчасъ его увозили почью въ другое мѣсто, будто бы въ наказаніе, или въ Петербургъ, якобы, для новаго разслѣдованія, въ дѣйствительности же для развлеченія въ столицѣ послѣ трущобъ и для полученія свыше и лично инструкцій. Честныхъ, истинныхъ ссыльныхъ мучили голодомъ, всевозможными преслѣдованіями, перевозили ихъ неожиданно съ мѣста на мѣсто,

чтобъ не прійти въ себя, не оправиться, на нѣкоторыхъ подсылали даже убійцъ. Старались всегда такъ устроить, чтобы во всякомъ ссылочномъ мѣстѣ фальшивыхъ ссыльныхъ, то есть шпіоновъ, было всегда больше, чѣмъ честныхъ сосланныхъ, такъ, чтобы на нихъ, въ случаѣ, силой, якобы товарищей, дѣйствовать и всегда имповпировать возможно было. На политическихъ процессахъ выставляли, какъ свидѣтелей и соучастниковъ обличителей — завѣдомыхъ преступниковъ. Лишь самая малая часть дѣлъ опиралась на дѣйствительныхъ обвиненіяхъ, остальныя всѣ были, наглѣйшимъ образомъ и, весьма часто, крайне грубо провокированы.

Все это вызвало 1 Марта 1881 года, когда Александръ II палъ мертвый на тротуарѣ екатерининскаго канала въ Петербургѣ. Да, все это только вызвало; но родила наука, перерождающая нынѣ Русь. Желябовъ, Кибальчичъ, Перовская были дѣти народа, ибо народъ — не масса, не чернь, онъ все лучшее изъ всѣхъ слоевъ, изо всѣхъ классовъ населенія; но они были еще болѣе дѣти науки, люди геніальные. Никого, можетъ быть, такъ не поразило убійство Александра II, какъ Аксакова и Игнатьева, хотя оба они его ненавидѣли, и желали всегда его погибели. Они вѣрили въ интригу, въ пытки, въ деньги, науку ставили ни во что, и вдругъ эта наука, однимъ взмахомъ, сдѣлала то, чего они врядъ ли достигли бы своими излюбленными путями. Они увидѣли что наука сильнѣе ихъ, что за свободу Руси стоятъ уже теперь многіе и разные люди. Вотъ почему ни одинъ изъ этихъ двухъ могущественныхъ крамольниковъ не рѣшился воспользоваться роковой минутой, и, въ виду царскаго трупа, не протянулъ руки за русской короной!

Изъ двухъ единоборцевъ - крамольниковъ, Игнатьевъ, въ минуту убійства Александра II, оказался гораздо сильнѣе Аксакова. Новый царь перелилъ на Игнатьева диктатуру Лорисъ-Меликова и Скальковскаго. Григорій Градовскій, восхвалявшій до того времени въ печати, армяшку-диктатора, теперь сталъ писать либерально-обличительные циркуляры отъ имени Игнатьева, который, поспѣшивъ издать ужаснѣйшее

положеніе о ссылкѣ, закрѣпилъ, легализировалъ этимъ весь предъидущій политическій гнетъ не только Лорисъ-Меликова съ Скальковскимъ, но и всѣхъ ихъ предшественниковъ на полѣ угнетенія Руси, всѣхъ этихъ Орловыхъ, Бенкендорфовъ, Дубельтовъ, Валуевыхъ, Тимашевыхъ, Шуваловыхъ съ братьей. Ослабленъ былъ только нѣсколько, такъ видимый при Лорисъ-Меликовѣ и Скальковскомъ, бѣлый терроръ, изъ боязни стали меньше его вызывать. Но все иное рѣшительно пошло бы попрежнему, и власть перваго кормчаго государства изъ временной могла бы на всегда остаться при Игнатьевѣ, еслибы не особенный случай. Игнатьевъ, какъ диктаторъ, погибъ точно такимъ же самымъ образомъ, какъ по преданію, вѣщій князь Олегъ — отъ любимаго коня. Конемъ этимъ, на которомъ Игнатьевъ ѣздилъ такъ долго и такъ лихо — было жидовство. Изъ головы этого коня, какъ изъ черепа коня Олега, выползла вдругъ нежданно змѣя, и ужалила на смерть Игнатьева. Было это такъ.

Введенное нѣмцами въ русскую крамолу, петербургское жидовство, въ эти двадцать лѣтъ отъ польскаго возстанія 1863 года и до убійства Александра II, въ 1881 году, сильно укрѣпилось въ Россіи и особенно въ невской столицѣ. Къ Стасюлевичу, какъ къ руководителю петербургскаго кагала, присоединился было извѣстный литераторъ, Андрей Краевскій, женатый на еврейкѣ Фейгиной, родной сестрѣ откупщицы Утиной, и ими, для внѣшняго, матеріальнаго дѣйствія, выдвинутъ былъ Шлема Поляковъ, котораго могущество вскорѣ стало бить въ глаза даже въ Петербургѣ, и котораго хоронили съ нѣніемъ, съ министрами, везя торжественно, съ пріостановленіемъ всякаго движенія, по всему Невскому Проспекту, тогда какъ погребальный кортежъ католическихъ архіепископовъ — Фіялковскаго и Гинтовта вели по боковымъ улицамъ, причемъ на этихъ похоронахъ духовныхъ вождей пятнадцати милліоновъ католиковъ въ Россіи воспрещены были нѣніе, колокольный звонъ, хотъ одного какого-нибудь епископа не пригласили! Всѣ эти жидовскіе гранды въ Петербургѣ — Поляковъ, Утинъ, Гинцбургъ, Варшавскій, Закъ были въ

тѣснѣйшей дружбѣ и въ разныхъ дѣлахъ съ Игнатьевымъ; Закъ жилъ даже съ нимъ вмѣстѣ.

Но петербургское жидовство было растеніемъ тепличнымъ, казеннымъ, тогда какъ на югѣ и особенно на западѣ выросло оно на обыкновенной, искони населяемой имъ, землѣ. Оно, поэтому, смотрѣло свысока на петербургскій кагалъ, хоть тотъ и былъ такой могущественный. Оно прислушивалось, что дѣлается у нихъ на мѣстѣ, оно жадно ловило, конечно по своему, все идущее съ запада, оно стало почти въ открытую оппозицію съ духомъ служилой Руси, съ тѣмъ духомъ, который возвеличилъ и питалъ петербургское жидовство. Рафаилъ Бродскій такъ много хорошаго дѣлалъ для всей Одессы, такъ открыто, напримѣръ, въ городской Думѣ, порицалъ существующій гнетъ, что въ Одессѣ онъ вскорѣ сдѣлался любимцемъ всѣхъ; но правительство выслало его въ Калугу, не смотря на популярность, на милліоны, на роднаго брата Израиля въ Кіевѣ, служившаго тамъ всему злому и крамолѣ. Большинство высшей жидовской молодежи пошло въ политическую агитацію. Въ тоже самое время польскіе жиды, подражая своимъ галиційскимъ соплеменникамъ, сдѣлались по внѣшности чуть ли не поляками, а ихъ вожаки — разные Бліохи, Кроненберги, Эпштейны и другіе вступили въ тѣснѣйшія отношенія не только съ польскими магнатами, но даже и съ ксендзами.

Вывезя съ востока страсть къ разсѣканію того, что можно развязать, и отъ всякаго общественнаго успѣха требуя, въ тоже время, и личной пользы для себя, Игнатьевъ придумалъ такое своеобразное разрѣшеніе жидовскаго вопроса въ Россіи. На югѣ, гдѣ населеніе болѣе страстное, порывистое, неразсудительное, и гдѣ ненависть къ жиду великая и исконная, нужно устроить избіеніе жидовъ. Тогда тѣ за пощадой обратятся къ власти черезъ своихъ, близкихъ къ правительству, петербургскихъ соотечественниковъ, и пощада имъ будетъ дана, но лишь тогда, когда они обѣщаютъ слушаться впередъ во всемъ рѣшительно петербургскаго кагала, и заплатятъ Игнатьеву восемь милліоновъ рублей серебромъ. Такъ начались жидовскіе по-

громы на югѣ. Были бы они и въ Польшѣ, но человѣчное тамъ населеніе послушалось католическаго духовенства, и не тронуло пальцемъ никого изъ жидовъ. Разгромленное южное жидовство согласилось признать главенство надъ собой петербургскаго кагала; но такъ какъ, вмѣсто восьми, оно давало всего только пять милліоновъ рублей Игнатьеву, то тотъ не уступилъ, и погромы продолжались. Тогда жиды русскаго юга, вѣрнѣе Рафаловичи и Бродскіе, черезъ Европу, довели до свѣдѣнія царя о вымогательствѣ Игнатьева. Онъ палъ.

Что было ему дальше дѣлать? Царь-отецъ — его избилъ; царь сынъ — постыдно прогналъ, какъ вора; Аксаковъ не дремалъ и былъ могущественъ. Но, живя въ Китаѣ, Игнатьевъ убѣдился, что упрямство въ зломъ — величайшая сила. Онъ рѣшилъ продолжать свою дѣятельность. Такая рѣшимость тѣмъ легче могла проявиться въ Игнатьевѣ, что преемникомъ его во власти, впрочемъ, въ качествѣ уже обыкновеннаго, безъ особыхъ уполномочій, министра внутреннихъ дѣлъ, явился бывшій министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ синода, Дмитрій Толстой, и Игнатьевъ сошелся, въ тѣ годы, душа въ душу, съ Бисмаркомъ, находящимся, въ то время, въ зенитѣ своего могущества, и, подобно Аксакову, Игнатьеву и Гамбеттѣ, добивающимся короны. Государственная фальшь Европы достигла того, что въ трехъ государствахъ — во Франціи, Германіи и Россіи было разъ четыре мажордома по стремленіямъ своимъ. Затѣмъ примѣръ Аксакова на Руси и Гамбетты во Франціи не могъ не воодушевлять Игнатьева въ томъ отношеніи, что на обоихъ этихъ людяхъ, принадлежащихъ къ одному и тому же самому политическому типу, онъ видѣлъ, что вездѣ можно, не состоя на государственной службѣ, быть не только, на самомъ дѣлѣ, государственнымъ саповникомъ, государственнымъ дѣятелемъ, но и тайной главой государства.

На лицѣ Дмитрія Толстаго, во всей его неуклюжей, мѣшковатой фигурѣ ясно читалось, что это за человѣкъ. Это былъ николаевскій деньщикъ, по душѣ и по тѣлу, деньщикъ, впосившій вездѣ, подобно гоголевскому деньщику, свой собственный запахъ, и, въ своемъ невѣжественномъ усердіи, не разъ

поступавшій точно также, какъ тотъ легендарный деньщикъ, который видя, что его баринъ выдергиваетъ у себя всѣ сѣдые волосы, вырвалъ всѣ бѣлые волоски изъ камчатскаго бобра, и тѣмъ испортилъ драгоцѣнный мѣхъ. Такъ именно Толстой поступилъ съ классицизмомъ въ школѣ и съ приходами въ синодѣ. Ясно, что такой государственный дѣятель не могъ много мѣшать Игнатьеву, тѣмъ болѣе, что, хотя они и не были „свои люди" и враждовали другъ съ другомъ, но враждовали по чиновничьи, и обоихъ ихъ соединяла одинаковая страсть къ воровству и гнету.

Всю дѣятельность, всю свою энергію, Игнатьевъ, послѣ того, какъ выгналъ его со службы новый царь, обратилъ противъ Аксакова. Тотъ выслалъ было, съ громадными деньгами, мать Скобелева въ Болгарію для агитированія тамъ въ пользу избранія сына въ князья Болгаріи. Скобелева была убита въ Болгаріи. Убійцъ ея не нашли, какъ не нашли тоже убійцъ Гейкинга въ Кіевѣ, убійцъ Мезенцова въ Петербургѣ и многихъ иныхъ. Носился только слухъ, что мать „бѣлаго генерала" была умерщвлена извѣстнымъ великосвѣтскимъ, такъ сказать, убійцей французомъ Франціни, который дѣйствительно былъ при ней, въ то время, секретаремъ, и котораго послѣ, за другое уже убійство, казнили смертью въ Парижѣ. Затѣмъ отравленъ былъ знаменитый московскій митрополитъ Макарій, могущественная поддержка котораго всего больше могла бы привести Аксакова къ его завѣтной цѣли, т: е. къ русскому престолу.

Наступала очередь на Скобелева. Отблескъ ли тутъ человѣчности, или солдатскаго товарищескаго чувства проявился, или сказался тотъ расчетъ, по которому имепитаго, но не самостоятельнаго противника всегда лучше купить, чѣмъ убить, но только Игнатьевъ предложилъ Скобелеву свое содѣйствіе въ назначеніи его главнокомандующимъ ахалъ-текинской экспедиціи, давшей Россіи политически преважный закаспійскій край. Скобелевъ овладѣлъ оазисомъ, но когда ему, побѣдителю Геокъ-Тепе не дали послѣ, какъ то обѣщалъ было Игнатьевъ, мѣста начальника Кавказа, и поэтому

„бѣлый генералъ" вновь съ жаромъ принялся работать для полученія, черезъ Аксакова, короны Болгаріи, то Скобелева сейчасъ же убили въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ для совѣщаній съ Аксаковымъ на счетъ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Убійцъ не взяли, не судили, какъ, еще разъ повторяю, не взяли, не судили убійцъ Гейкинга въ Кіевѣ, Мезенцова — въ Петербургѣ и Стрѣльникова въ Одессѣ. По скоболевскихъ убійцъ знали и видѣли многіе, ибо убійство произошло среди бѣлаго дня, въ лучшей московской гостинницѣ. Умертвили „бѣлаго генерала" двѣ проститутки-нѣмки такимъ сладострастнымъ способомъ который не можетъ быть разсказанъ въ серіозномъ произведеніи политической печати. Нѣсколько времени спустя отравленъ былъ и самъ Аксаковъ . . . .

Съ тѣхъ поръ и донынѣ не этотъ несчастнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, котораго зовутъ теперь русскимъ царемъ Александромъ III, а сынъ мужика, деньщика гвардіи, Николай Игнатьевъ фактически царствуетъ въ россійской имперіи. У Игнатьева свое особое правительство, исторію, программу и личный составъ котораго я передамъ гласности вслѣдъ за этой брошюрой. Игнатьевское правительство парочно вооружаетъ все и всѣхъ не только противъ Александра III, но и противъ самой Россіи, даже противъ имени русскаго! Внутри государства постарому тиранятъ, дразнятъ поляковъ, и то же самое, что съ поляками, принялись уже дѣлать и съ остзейцами, и съ финляндцами. Политическихъ арестовъ гибель, но политическія тюрьмы почти пусты, нѣтъ не только политическихъ процессовъ, но даже слѣдствій и дознаній. За то на кого только укажутъ шпіоны, того сейчасъ берутъ, и сейчасъ же убиваютъ, если не засѣкутъ, то топятъ. Иногда слѣдомъ и тайно ходятъ за жертвой, въ укромномъ мѣстѣ убьютъ на улицѣ, и сейчасъ же спускаютъ въ ближайшую воду. Въ Петербургѣ чуть не всякое утро вылавливаютъ изъ Фонтанки, Мойки и другихъ водъ такихъ несчастныхъ.

Другихъ отравляютъ черезъ прислугу, черезъ знакомыхъ, даже черезъ родныхъ. Когда начнетъ выходить здѣсь, въ

Англіи, или, можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ, моя вольная на русскомъ языкѣ газета, я, въ первыхъ же номерахъ ея, опубликую длиннѣйшій списокъ всѣхъ замученныхъ игнатьевскимъ правительствомъ. Юліянъ Трапнъ извѣстный петербургскій профессоръ фармаціи, полякъ, нѣмецъ и русскій, въ одно и тоже время, и сынъ онѣмечившагося и разбогатѣвшаго въ Петербургѣ жида, обрусѣвшій Александръ Шель, петербургскій профессоръ, аптекарь и химикъ, оба они, какъ спеціалисты по изготовленію ядовъ, завалены пынѣ игнатьевской работой и наградами. Юліянъ Трапнъ уже всѣ высшіе русскіе ордена получилъ, оба засыпаны деньгами. Оба въ почетѣ, оба—герои сезона, ибо на ихъ спеціальность особый нынѣ запросъ и мода. Болѣе богатыхъ или извѣстныхъ фальшиво подводятъ подъ обыкновенныя преступленія, подложно дѣлаютъ съумасшедшими, или отдаютъ и ихъ, и ихъ имущества въ опеку, гдѣ все достояніе безнаказанно, ибо по согласію свыше, расхищается опекунами. Такихъ опекъ ежедневно по нѣскольку дѣлаютъ.

Не даютъ покоя Болгаріи, интригуютъ въ Румыніи. Игнатьевъ купилъ отреченіе Милана сербскаго отъ короны, и подготовляетъ Сербію къ тому, чтобы русскій стипендіантъ князь Черногоріи могъ сдѣлаться королемъ великой Сербіи. Виссаріонъ Комаровъ и Богдановичъ купили было, на деньги отчасти Игнатьева, отчасти же русской казны, сначала Деруледа и Буланже а послѣ, въ прошломъ году, на парижской выставкѣ, ближайшій помощникъ Игнатьева, литовскій жидъ, Іосифъ Познанскій изъ Петербурга, купилъ все французское правительство. Диво ли послѣ того, что парижская полиція сама убила генерала Селиверстова, который, какъ опытный жандармъ, изучилъ хорошо всю подпольную дѣятельность Игнатьева, и не захотѣлъ играть ему въ руку. Убійство это очень хорошо знаетъ одинъ изъ многочисленныхъ русскихъ шпіоновъ за границей, нѣкій жидъ Сруль Мендельсонъ, который теперь въ Лондонѣ издаетъ, на полицейскія деньги, грязнѣйшій, якобы, соціалистическій листокъ „ Przedswit," и возстановляетъ многочисленное здѣшнее жидовство противъ англійскаго правительства. Черезъ Данію главнѣйше, но

русскими рублями, агитируютъ отдѣленіе Норвегіи отъ Швеціи. Благодаря игнатьевскому правительству убитъ былъ умный и честный австрійскій наслѣдный эрцгерцогъ Рудольфъ, точно такъ, какъ прежде того, клика Бисмарка убила и утопила баварскаго короля Людвика II.

Давно купленные Игнатьевымъ Черевинъ и Рихтеръ держатъ несчастнаго Александра III, въ Гатчинѣ, въ своего рода, заточеніи.—Лишь только злополучный царь немного успокоится, прійдетъ въ себя начнетъ соображаться, ему сейчасъ же устраиваютъ покушеніе. Для того, чтобы онъ не ѣздилъ по странѣ, не наткнулся случайно на добрыхъ людей, не услышалъ голоса народнаго, умышленно сдѣлано было крушеніе въ Боркахъ, подъ Харьковомъ, 17 Октября 1888 года. Вся болѣе мыслящая и проницательная Россія поняла, что это было „предостереженіе" царю, чтобъ „впредь не повадно было" ему ѣздить по Руси. Федоръ Копи, этотъ Катонъ русскаго сената, Цицеронъ гласнаго суда, по приказанію Игнатьева, скрылъ это преступленіе. Еслибы Бисмаркъ не былъ выгнанъ съ германскаго канцлерства императоромъ Вильгельмомъ II, то нѣтъ малѣйшаго сомнѣнія, что Александръ III былъ бы давно уже убитъ, вся его семья растаскана, и на русскомъ тронѣ появился бы Николай II, но не нынѣшній наслѣдникъ престола, а изъ мужицкаго рода Игнатьевыхъ. Онъ спросилъ бы тогда, онъ спроситъ, весьма можетъ быть, еще всю Россію, весь міръ точно также, какъ спросилъ, въ подобномъ случаѣ, въ 752 году, папу Захарія тогдашній французскій маіордомъ и основатель династіи Карловинговъ, и свѣтской власти папства, Пыпинъ Короткій, когда онъ приступилъ къ сверженію съ трона послѣдняго изъ Меровинговъ, французскаго короля Хильдерика. „Кто изъ двухъ, спрашивалъ Пыпинъ папу — болѣе достоинъ царствовать: тотъ ли, кто исполняетъ всѣ обязанности монарха, не имѣя его титула, или тотъ, кто владѣетъ титуломъ государя, не умѣя царствовать?"

Противъ несчастнаго императора Александра III игнатьевское правительство такъ сильно возстановило рѣшительно

всѣхъ въ Россіи и внѣ ея, что, на сейчасъ приведенный, вопросъ, во всей россійской имперіи, громаднымъ большинствомъ голосовъ, отвѣтили бы: „царствуй, Игнатьевъ!" Прибавлять ли, что полгода не прошло бы послѣ того, какъ Игнатьевъ воцарился въ Россіи, и на германскій тронъ вступилъ бы уже Бисмаркъ. Но что удивительнѣе, что всего ужаснѣе — это то, что громадное большинство Россіи могло бы быть довольно этимъ царствованіемъ. Началось бы оно, судя по многимъ непреложнымъ даннымъ, тѣмъ, что Россія и Германія, вѣрнѣе Игнатьевъ и Бисмаркъ возстановили бы свѣтскую власть папъ и монархію во Франціи, новый владыка которой подтвердилъ бы уступку Германіи Эльзасъ-Лотарингіи. Недаромъ на русской службѣ числится, по особенной рекомендаціи Игнатьева, одинъ изъ Бонапартовъ, и въ запасѣ имѣются еще бурбонскіе принцы. Затѣмъ, вызвавъ, русскими рублями, въ Персіи или низверженіе шаха, или добровольное отреченіе его отъ короны, Игнатьевъ занялъ бы эту страну, и очутился бы, такимъ образомъ, на самой границѣ всего болѣе богатой и роскошной, но, въ тоже время, и самой опасной для англичанъ, части Индіи. Я беру, затѣмъ, самый лучшій исходъ для Англіи, предполагая всего только, что Великобританія, справедливо дрожа тогда за Индію, сдѣлалась бы тихой и покорной передъ игнатьевской Россіей, а Николай II далѣе индійской границы не двигался бы. По всего вѣроятнѣе, что этого не было бы, а русскіе пошли бы на грабежъ Индіи, на ея завоеваніе.

Пусть англичане и вообще вся Европіа подумаютъ объ этомъ серіозно, такъ какъ все это не плодъ фантазіи, не угроза, а логическій, слѣдовательно вполнѣ реальный выводъ, равняющійся самой точной математической выкладкѣ. Еще Петръ I думалъ объ Индіи, посылалъ туда экспедиціо. Объ Индіи думали, затѣмъ, Екатерина II и ея сынъ, императоръ Павелъ I Покореніе нынѣшняго закаспійскаго края, самого по себѣ нисколько ненужнаго и несимпатичнаго Россіи, но необходимаго для дѣйствія противъ Индіи, стоилъ и стоитъ банкротящейся Руси цѣлые десятки уже милліоновъ рублей.

По ихъ даютъ охотно, при государственномъ, повторяю, банкротствѣ, единственно потому, что у громаднаго количества русскихъ, начиная сверху и до низу, течетъ слюна при мысли о томъ, какъ бы славно поживились всѣ въ Индіи.

Закаспійская желѣзная дорога — дѣло исключительно Игнатьева. Ее велъ (и, разумѣется, половину отпущенныхъ на то денегъ при этомъ уворовалъ) Анненковъ, старинный другъ Николая Игнатьева и его всего рода. Еще отцы ихъ вмѣстѣ служили и дружили: Игнатьевъ былъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, и Анненковъ при немъ оберъ-полицеймейстеромъ, памятнымъ особенно тѣмъ, что въ Петербургѣ образована была, изъ всѣхъ разбойниковъ, воровъ и мошенниковъ обѣихъ столицъ и большей части имперіи, громадиѣйшая шайка, которая не только по ночамъ, но и днемъ, рѣзала, грабила, обокрадывала петербуржцевъ и въ подвалахъ пассажа, что на Невскомъ проспектѣ, имѣла одинъ изъ главныхъ своихъ складовъ. Шайку эту, ради которой по улицамъ столицы ѣздили патрули, случайно открылъ, занявшій мѣсто Анненкова, Шуваловъ, впослѣдствіи шефъ жандармовъ и дипломатъ, подписавшій берлинскій договоръ. Игнатьевъ и Анненковъ живутъ теперь вмѣстѣ въ Петербургѣ.

Верещагинъ, петербургскій профессоръ Елисеевъ и нѣкоторые другіе ѣздили и шпіонили по Индіи на собственный счетъ Игнатьева. По мысли его, наслѣдника русскаго престола возили недавно по Индіи. Я досконально знаю, что въ русскомъ генеральномъ штабѣ разработанъ уже цѣлый проектъ нападенія на Индію. Я назову даже автора этого проекта. Это полякъ, русскій генералъ, продавшійся крамолѣ и Игнатьеву, и потому сильно повышающійся по службѣ. Зовутъ его — Іеронимъ Стебницкій, родомъ изъ подлѣйшей Подоліи. Его за этотъ индійскій планъ, составленный въ Тифлисѣ, перевели изъ Кавказа въ столицу на третій сверху постъ во всей русской арміи—начальника военно-топографическаго отдѣла.

Конечно будущее въ рукахъ Бога; но несомнѣнно, что, при нынѣшнемъ положеніи Индіи и Британіи, еслибы только

русскіе показались въ Индіи, то возстаніе противъ Англіи было бы во всей странѣ, и врядъ ли, послѣ того, имѣли бы право короли Великобританіи именовать себя императорами Индіи! Англія превратилась бы, въ то время, въ такую же самую скромную политическую величину, какую изображаетъ изъ себя нынѣ Испанія. Но могутъ ли всего этого равнодушно ждать и безнаказанно желать и Англія, и Европа, и, что ихъ обѣихъ стократъ важнѣе, прогрессъ всего человѣчества?!

IV.

Около сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, въ наукѣ замѣченъ былъ тотъ, бросающійся даже простолюдину въ глаза, фактъ, что въ то время, когда между людьми неблагополучно, когда совершаются войны, возмущенія, возстанія, массовыя, или отдѣльныя, но выдающіяся преступленія, то и въ физической природѣ тогда неладно — появляются громадные неурожаи, холода, засухи, наводненія, новыя какія-то страшныя эпидеміи, бури, грозы, грады, великіе снѣга, дожди вредныя насѣкомыя, землетрясенія итд. Природа и человѣкъ тѣсно связаны между собою, они взаимподѣйствуютъ—заключили нѣкоторые изъ этого. Но, не возводя этого вывода и вызвавшихъ его фактовъ въ законъ науки, мы должны, однако, признать, что заключеніе это вполнѣ оправдалось теперь на Россіи. Въ ней нынѣ два неистовствуютъ, одинаково безумныя и подлыя правительства—царское и игнатьевское, и моритъ страшный, всеобщій голодъ.

Уже въ прошломъ году семнадцать губерній, значитъ гораздо болѣе двадцати милліоновъ людей, голодало. Я видѣлъ офиціальные документы объ этомъ, слышалъ это отъ достовѣрныхъ очевидцевъ изъ голодающихъ губерній. Но, занятая охотой на Болгарію, на Балтику, на Финляндію, не говоря уже о несчастной Польшѣ, служилая Русь изъ обоихъ правительствъ — игнатьевскаго и царскаго, строжайше воспретила писать, даже говорить о прошлогоднемъ голодѣ. Голо-

дающіе милліоны людей предоставлены были судьбѣ. Вѣдь и нынѣшній голодъ въ началѣ скрывали, и теперь еще сотой части не выставляютъ того, что уже всенародно и въ разныхъ казенныхъ канцеляріяхъ извѣстно. Не покаралн Русь, вѣками разбойничью, вѣками мошеннически служилую, добрые люди, такъ караетъ ее теперь, всегда правосудный въ своемъ страшномъ гнѣвѣ, Господь! Не Польшу, а Русь давно слѣдовало разчленить: тогда она или исчезла бы вовсе съ лица земли, или въ несчастьи возродилась бы къ добру и свободѣ!

Всѣ русскіе равно заслужили на страшную кару Бога. Жандармы и нигилисты, анархисты и попы, скопцы и штунда, царь со знатью и каторжники, всѣ шли и идутъ къ одной только наживѣ, всѣ шли и идутъ только ложью и насиліемъ. Всѣ все истощали, всѣ все разорили, за то всѣ и гибнутъ теперь. Жили на горе людямъ, на перекоръ природѣ. Сто лѣтъ почти прошло съ тѣхъ поръ, какъ лучшую главную часть Польши захватила Русь, несмываемымъ позоромъ покрывшая себя за это страшнѣйшее международное и всечеловѣческое преступленіе, за Польшу сама себѣ вырывшая могилу, въ которую толкаютъ ее теперь голодъ и Игнатьевъ. И чтоже? Въ эти сто лѣтъ врядъ ли было сто такихъ чистокровныхъ русскихъ, которые бы, сознавая позоръ, вину и вредъ своей родины въ польскомъ дѣлѣ, дѣйствительно, то есть дѣломъ, любили Польшу, служили ей, выплачивая тѣмъ кровавый долгъ отечества. Въ соціалисты, въ нигилисты, въ анархисты ни изъ одной націи въ мірѣ не поступаетъ столько людей, сколько русскихъ и жидовъ. Почему? Отвѣтъ простъ. Всѣ эти три политическія группы, или теченія всего болѣе манятъ къ себѣ глупыхъ и недобрыхъ людей возможностью грабежа и видомъ сумятицы, что одно и другое испоконъ девяти вѣковъ такъ любо русскому сердцу.

Нужно было изучать землю кормилицу, такъ изучали самобытные основы русскаго народа—православіе, самодержавіе и народность. Нужно было учиться земледѣлію, а учились Гомера, Цицерона, церковному пѣнію и солдатской ходьбѣ. Еслибы нынѣ совершилось величайшее чудо на землѣ, такое

чудо, передъ которымъ переходъ сухими жидовъ черезъ Чермное море и манна небесная въ пустынѣ были бы пустяками, и, силой этого чуда, Русь вынесла бы нынѣшній голодъ, то гибель была бы не обойдена, а лишь отложена на годъ, на два не болѣе, ибо народъ уже теперь такъ ослабъ физически, что неспособенъ къ труду, и земля истощена въ конецъ, почему неурожаи будутъ вѣчные, пока не совершится радикальный переворотъ во всемъ земельномъ хозяйствѣ цѣлой страны, которая не имѣетъ на это никакихъ нынѣ средствъ — ни денегъ, ни, что важнѣе, людей.

Нѣтъ такого человѣка въ Россіи, который теперь не спрашивалъ бы постоянно себя и другихъ : что-то будетъ къ веснѣ? И мы ставимъ этотъ вопросъ, и отвѣчаемъ на него. Къ веснѣ все рѣшительно населеніе громаднѣйшей русской имперіи, всѣ ея народы, сословія и классы будутъ въ состояніи такой, полной отчаянья, рѣшимости, когда въ человѣкѣ нѣтъ ни расчета, ни надежды, ни страха, когда жизнь ставится ни во что, и, въ то же время, страстно, неудержимо хочется мстить за эту жизнь, отомстить во чтобы ни стало и какъ можно ужаснѣе. Тогда милліоны дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ, все пойдетъ лишь бы одинъ тронулся, безполезны вожди, программы, приготовленія, нѣтъ удержу, пока не удовлетворятся всѣ и вполнѣ, и чѣмъ страшнѣе будетъ что-либо, тѣмъ всякій, готовый на все, охотнѣе примется за это!

Служилая Русь испускаетъ теперь свое послѣднее, проклятое, грѣшное, всеотравляющее дыханіе. Вмѣстѣ съ ней сходитъ въ преисподнюю исторіи та, вызванная и поддержанная служилой Русью, династія, которую называютъ династіей Романовыхъ, но которая, на самомъ дѣлѣ, должна быть названа анонимной династіей помѣсей и ублюдковъ, происшедшей отъ, болѣе или менѣе случайныхъ, отцовъ всѣхъ націй, ранговъ и положеній. Недаромъ же у Николая I вырвалось однажды, въ припадкѣ откровенности, признаніе, что зимній дворецъ въ которомъ, чуть не съ Петра I, живутъ русскіе цари, первый домъ проституціи въ Петербургѣ. Душа Александра III чуетъ свою гибель, и, несознательно прощаясь съ своей не-

счастнѣйшей жизнью, царь, точно приговоренный къ смерти, или какъ умирающій отъ чахотки, хочетъ весело покончить свои дни — развлекается въ Даніи, ѣдетъ въ Крымъ, а народъ мретъ съ голода, и страшнѣйшая изъ катастрофъ, такая, передъ которой движенія Стеньки Разина и Емельки Пугачова, лишь небольшіе безпорядки, стоитъ уже у одного порога Россіи, а у другаго ея порога появляется великая тѣнь Польши ! . .

О царѣ, слѣдовательно, не можетъ уже быть никакой рѣчи, остается только Николай Игнатьевъ. Что сдѣлаетъ онъ теперь, или, пожалуй, что сдѣлаютъ съ нимъ? Подложный кредиторъ русскаго трона, онъ, какъ не глупъ вообще, но понимаетъ, что не совладать ему никогда съ народнымъ всеобщимъ движеніемъ, которое, раньше, или позже, но всетаки въ самомъ непродолжительномъ времени, будетъ непремѣнно въ Россіи. Онъ, Игнатьевъ разумѣетъ, затѣмъ, и то, что Петръ I, въ нынѣшнемъ положеніи Александра III, когда съ нимъ ежечасно все положительно можетъ быть, даже и плаха, навѣрное поступилъ бы такъ. Онъ прежде всего, не теряя ни единой минуты, объявилъ бы полнѣйшую независимость Польши, и возвратилъ бы той все отъ нея взятое, непремѣнно соблюдая при этомъ границы 1772 года. Нечего и говорить, что тогда Польша, которая всегда отличалась и отличается благородствомъ и благодарностью, въ сію же минуту, съ восторгомъ и твердостью, заключила бы наступательный и оборонительный союзъ съ Россіей. Еще болѣе внѣ сомнѣнія, что этотъ договоръ сопровождался бы такими же самыми союзами съ Болгаріей, Сербіей и Черногоріей.

Онъ бы созвалъ, съ самыми широкими уполномочіями, первый русскій парламентъ и областные сеймы для Сибири, Кавказа, Малороссіи и Балтики. Давъ, затѣмъ, свободу печати, сходокъ и запроса, онъ сказалъ бы всѣмъ этимъ представительнымъ собраніямъ : спасая самихъ себя, спасайте общее отечество, давшее вамъ, хоть и весьма поздно, но все то, что только можно было дать !" Сто вмѣстѣ царей и сто Игнатьевыхъ вмѣстѣ, если-бъ всѣ они даже дѣйствовали дружно, вполнѣ безсильны помочь нынѣ Россіи въ ея невыразимомъ и

безпредѣльномъ бѣдствіи. Но для Бога и для народа нѣтъ ничего невозможнаго, и, призванные къ новой жизни народы Россіи, разумѣется съ величайшимъ трудомъ и при общей ихъ всѣхъ спасательной работѣ, не избѣгли бы опасности.

Изъ государствъ всего міра Франція всего болѣе была и есть продажной. Что же удивительнаго, что ее купилъ теперь, по заказу Игнатьева, ничтожный жидъ Познанскій? Но продаться, шумѣть, подписать какую угодно согласительную бумагу, особенно зная впередъ, что она бумагой такъ и останется, и пролить собственную кровь—не одно и тоже. Повѣрьте, что, еслибъ не только нѣмцы напали теперь на Россію, побили ее, завладѣли всей страной, но, еслибы они перерѣзали и съѣли всѣхъ русскихъ, то Франція и тогда даже не пошевельнется. Она не пошевельнется потому, что за стаднымъ большинствомъ французовъ, которые, ради мести за 1870 годъ, и по старой памяти драчливой Франціи, готовы всегда кинуться на нѣмцевъ, стоятъ два меньшинства, но такія, съ которыми, особенно въ критическое время, считаться необходимо.

Одно изъ нихъ, съ католическо-полицейско-жидовскимъ знаменемъ, для котораго отечество и народъ — пошлыя слова и маленькія вещи, лишь только Франція протрубитъ бранный кличъ, сейчасъ же бросится строить католическую монархію въ отечествѣ Марата и Вольтера. Не забывайте, что наполеониды продали Францію въ 1870 году; что, если того же самого не сдѣлали тогда бурбонисты, то единственно потому, что не могли, и расчитывали послѣ миромъ овладѣть Франціей; что обѣ эти партіи, теряя ежечасно почву подъ собою, съ нетерпѣніемъ и безъ раздумья, ухватятся за первый случай осуществленія своихъ желаній; и что за ними будутъ теперь, кромѣ погибающаго, а потому и отчаяннаго, папства, еще нѣкоторыя изъ государствъ Европы.

Другое меньшинство, съ солнечнымъ девизомъ знанія и свободы на челѣ, никогда само по себѣ не помѣшаетъ родинѣ, если та справедливо, или неправо, вступитъ, съ кѣмъ бы то ни было, въ бой. Но если во время этого боя, или послѣ

него станутъ дѣлать католическую монархію, то это честное меньшинство вынуждено будетъ, въ то время, провозгласить коммуну, и тогда затрещитъ по швамъ не только одна французская государственность, но и строй всей полусгнившей Европы. Всего этого не могутъ не знать даже тупые и подлые вожаки нынѣшней французской республики, и, ради цѣлости собственной шкуры, вступятъ въ бой лишь тогда, когда на Францію нападутъ. Замѣтьте еще, что шовинизмъ большинства французовъ можетъ свободно охлаждать, до какой угодно только будетъ степени, германское правительство, поступая строже, или легче съ Эльзасъ-Лотарингіей. Въ концѣ оно можетъ дать ей свободы и блага даже больше, чѣмъ ихъ имѣется въ республиканской Франціи, и тогда сами эльзасъ-лотарингцы не пожелаютъ, чтобы изъ за нихъ воевала Франція. Замѣтьте еще, что нынѣшнія французскія правительства совершенно тоже, что перчатки у щеголихъ; ихъ мѣняютъ сколько угодно, но руки остаются однѣ и тѣже, съ рожденія и до могилы. Но Франція вся, и народъ, и правительство пойдутъ въ огонь и въ воду за Россіей, коль скоро та добровольно возвратила бы Польшѣ ея независимость. Гдѣ та сила на свѣтѣ, которая могла бы устоять противъ такой коалиціи?

Сдѣлавѣ все это, Петръ сказалъ бы Европѣ: „всѣ люди жить хотятъ, а не убивать одинъ другаго. Разоружимся, возвратимъ, подобно мнѣ, все заграбленное!" И тогда Германія отдалаольбы все, что взяла отъ Ниши, возвратила Эльзасъ—Лоторингію и Шлезвигъ, но получила бы за то нѣмецкія провинціи Австріи съ Вѣной, какъ столицей новой, народной и свободной Германіи. За возвратъ Ниццы Италіи Франція получила бы Бельгію и Люксембургъ. Венгрія стала бы во главѣ остатковъ Австріи, кромѣ возвращенной Польшѣ Галиціи и во главѣ всей Румыніи. Короче: все исправилось бы. Но, еслибы не послушалась Европа, то послушались бы ея народы, и изъ Кіева, какъ новой столицы Россіи, можно было бы тогда по телеграфу назначать день и часъ, когда въ извѣстной странѣ должна перестать дѣйствовать извѣстная династія, или извѣстное правительство!

По все это мечта! Петръ I спитъ въ могилѣ, другаго Петра, другаго самодержца не можетъ быть теперь уже въ Россіи. Она остается, поэтому, безпомощной и на краю вѣрной гибели. Предчувствуя, что русскій народъ самъ собой подымется, ибо не все ли равно—на висѣлицѣ, или отъ голода погибать, Игнатьевъ хочетъ предупредить, избѣгнуть этого, и повести русскихъ на нѣмцевъ, благо, что Русь тогда жирно кормиться будетъ военнымъ грабежемъ, и пойдетъ теперь охотно не только на нѣмцевъ, но въ самый адъ, лишь бы только не страдать ей отъ голода. Вотъ почему, по приказанію Игнатьева, Чихачовъ послалъ Алексѣя, а Бобриковъ—Владиміра во Францію и Испанію лично постараться о томъ, чтобы обѣ эти страны, самовольно помрачивши себѣ разсудокъ, бросились съ Игнатьевымъ и для Игнатьева на нѣмцевъ. Съ этой же самой цѣлью, и опять по приказанію Игнатьева, въ Римъ полетѣлъ Гирсъ, чтобъ лично, съ подкрѣпленіемъ словъ банковыми билетами, добиться отъ римской куріи содѣйствія своимъ планамъ. Хочется, посредствомъ католиковъ и соціалистовъ, сдѣлать возмущеніе въ Германіи, и, посредствомъ тѣхъ же католиковъ и соціалистовъ, создать возможно большія затрудненія нынѣшнему консервативному англійскому правительству, которое имѣетъ то достоинство, что инстинктивно остерегается Россіи, нисколько не понимая, однако, ея дѣйствительнаго нынѣ положенія.

Напасть Россіи теперь же на нѣмцевъ не только Игнатьеву, но и Бисмарку необходимо еще и потому, что иначе они оба погибли. Императоръ Вильгельмъ II, знаетъ, что къ веснѣ не съ стоячими уже биться, а лежачаго, безпомощнаго вязать только прійдется. Это укрѣпитъ, понятно, Германію и ея юнаго вождя, для карьеры же Бисмарка это будетъ смертнымъ приговоромъ. Если же теперь бросится первая Россія, то, въ началѣ войны, нѣмцамъ никогда не ждать рѣшительной побѣды, хоть бы уже потому, что стомилліонное, находящееся въ отчаяніи и не истощенное еще въ конецъ, государство будетъ драться жестоко, и половину всѣхъ своихъ силъ Германія должна будетъ оставить на виду Франціи и Даніи. Вслѣдствіе

этого затянется перѣшительная война, и всѣ недовольные ею примкнутъ къ Бисмарку, который дастъ тогда вѣчную отставку Вильгельму и его всему роду, а самъ, засѣвъ на германскомъ тронѣ, поможетъ Игнатьеву надѣть на себя русскую корону.

Польша должна быть; Польша сейчасъ будетъ! Такъ велитъ, между прочимъ, законъ исторической необходимости, потому что, со дня погибели Польши, исчезла законность и справедливость не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ, и возвратятся они туда лишь съ появленіемъ независимаго польскаго государства. Удивляться слѣдуетъ не тому, что не видать, какъ она явится, а тому, что такъ долго задержана была ея независимость Винить главнѣйше нужно не Русь, Пруссію и Австрію, разчленившихъ нашу великую отчизну а, всю Европу и всего болѣе насъ самихъ же поляковъ. Кто какъ не мы поляки виноватъ, что папство и жидовство залѣзли въ наши души, въ наши дома, семьи, имѣнія, однимъ словомъ во все, что только наше, засѣли и плюютъ еще на насъ, катаются во всемъ нашемъ, какъ сыръ въ маслѣ, и зато куютъ еще противъ насъ ковы. Понятно теперь почему въ настоящее время, когда папство, жидовство и полицейское государство заключили наступательный и оборонительный союзъ противъ человѣческаго развитія, намъ теперь еще труднѣе, чѣмъ когда либо; мы все еще политически мертвы, хотя на политической картѣ Европы появились, кромѣ уже Италіи и Венгріи, даже такіе пигмеи - государства, какъ Грецiя, Сербія, Болгарія, Черногорія, и не только принципъ національностей признанъ всѣми, но даже и соціализмъ, недавнее пугало всѣхъ, выслушивается уже теперь.

Польша и нынѣ, какъ и прежде, сильна духомъ и плотью. Ея геній блещетъ по всему міру, ея почва кормила до сихъ поръ всю Европу; по ея непрерывно землѣ, отъ Рѣжицы и Тильжи до Черновицъ и Балты вдоль, и отъ Орши и Рѣчицы до Познани и Калиша вповерегъ нужно ѣхать скорымъ поѣздомъ не менѣе двухъ сутокъ. На славянской картѣ 1890 года Виссаріона Комарова, одного изъ злѣйшихъ враговъ польской національности и независимости, число поля-

ковъ показано въ 11,029,000, въ томъ числѣ 5,000, якобы, въ Америкѣ. Въ дѣйствительности же настоящихъ поляковъ не менѣе двадцати милліоновъ, и въ однихъ только Соединенныхъ, Штатахъ Сѣверной Америки ихъ болѣе полутора милліона. И такой многочисленный народъ, такая громадная страна сто лѣтъ, не смотря на нѣсколько сильныхъ возстаній, политически мертвы, хотя кровавую тѣнь Польши, весь девятнадцатый вѣкъ, постоянно видитъ передъ собой Европа, и теперь тѣнь эта явственнѣе кажется, чѣмъ когда либо до сихъ поръ !

Независимость Польши въ настоящее время въ рукахъ самихъ поляковъ. Когда захотятъ, тогда она и будетъ ; но для этого нужно дѣйствовать скоро, трезво, рѣшительно, и разстаться съ прежними болѣзненными мечтами — о божьей помощи безъ человѣческаго усилія, о содѣйствіи папъ, царей, министровъ, объ опорѣ ксендзовъ, шляхты, вообще одного какого-либъ сословія, или класса, да, со всѣмъ этимъ дряннымъ, горячечнымъ хламомъ надо навсегда разстаться, ибо Польша — это великая дѣйствительность, здоровое дѣло, за которое тѣмъ охотнѣе слѣдуетъ приняться, что лучшей для этого минуты, какъ нынѣ, не было еще со времени паденія нашего государства.

Кромѣ себя намъ не на кого опереться ; но этого достаточно, это хорошо, потому что только встающій собственными силами, можетъ считаться здоровымъ, или выздоравливающимъ. „Italia fara da se :" почему же Польшѣ не сдѣлать самой себѣ независимости ? Европа насъ не любитъ, скажу больше, Европа насъ ненавидитъ въ глубинѣ своей души, потому что она завидуетъ намъ, какъ и всему славянству. Всеобщая ненависть всего европейскаго запада къ Россіи питается не тѣмъ, что она разбойничья, подлая и вредная, а тѣмъ, что она богата въ естественномъ отношеніи и въ милитарномъ неслаба. Мнимая любовь опять къ Польшѣ, театральныя симпатіи къ полякамъ объясняются совмѣстнымъ съ поляками исповѣданіемъ католицизма, враждой къ Руси и отчасти къ нѣмцамъ, однаковостью дворянскаго духа, разными политическими расчетами и комбинаціями, но отнюдь не со-

чувствіемъ и уваженіемъ къ честнымъ, заслуженнымъ и угнетеннымъ. Кто пожилъ заграницей и изучалъ ее, тотъ вполнѣ убѣдился въ этомъ. Дайте только Россіи, и особенно Польшѣ знаніе и свободу, и вся Европа окажется отсталой, почти дикой въ сравненіи съ нами. Союзъ Россіи съ Польшей, союзъ двухъ великихъ и свободныхъ народовъ и государствъ будетъ мессіей, который поведетъ по новой дорогѣ не только всю Европу, но и всю вселенную!

Расчитывать полякамъ на папство, или Францію также безразсудно и преступно, какъ вѣрить Россіи, Пруссіи, или Австріи. Послѣдняя честна, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что не скрываетъ даже того, что насъ обманываетъ. По прусскій поръ Коспѣльскій и прелатъ Стаблевскій, которые наусьскиваютъ теперь Познань на Русь, стольже преступны относительно Польши, такіе же самые измѣнники ей, какъ и Владиміръ Спасовичъ и Ко., желающіе, еще разъ, продать поляковъ Россіи. Въ 1870 году, въ первой битвѣ съ французами подъ Вертомъ, пруссаки нарочно въ первый и самый сильный огонь посылали поляковъ. Они гибли, побѣдили, и за то Бисмаркъ преслѣдовалъ ихъ послѣ еще болѣе, чѣмъ до войны. Можно ли забыть недавнія массовыя высылки поляковъ изъ польскаго Познаня? можно ли не видѣть и не чувствовать дѣйствій правительственной, стремящейся къ обезземеленію поляковъ на польской землѣ, познанской аграрной коммисіи, которая, при прежнемъ деспотическомъ режимѣ Бисмарка, занимала помѣщеніе въ сорокъ двѣ комнаты, а теперь, при либеральномъ императорѣ Вильгельмѣ II, перебралась въ новый домъ, въ которомъ, какъ передавали познанскія газеты, занимаетъ уже пятьдесятъ восемь комнатъ? Католическое духовенство въ русской Польшѣ все теперь, по повелѣнію Леона XIII, противъ польской независимости и свободы; оно дружитъ съ жидовствомъ, которое, какъ и ксендзы, въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ съ полиціей. Недавній циркуляръ перваго папскаго министра кардинала Рамполы къ польскимъ, находящимся подъ русскимъ игомъ, епископамъ, чтобы поляки свято слушались русской полиціи, лишь повторяетъ то, что уже

давно папой Львомъ XIII установлено на дѣлѣ, и въ 1883 году, на коронаціи царя Александра III въ Москвѣ, лично, отъ имени папы, передано его легатомъ, кардиналомъ Киджи всѣмъ польскимъ епископамъ.

Великое спасибо великой Франціи за то, что она теперь учитъ насъ, крайне легковѣрныхъ поляковъ, уму-разуму. Было мнѣніе, что народъ и правительство не всегда одинаковы. При этомъ указывалось на Францію и Россію. Это невѣрно; но вѣрно то, что столицы, какъ центры интеллигенціи, не всегда одинаковы, а иногда и противоположны даже, по своему духу, съ собственной страной, съ провинціей, какъ говорится въ подобныхъ случаяхъ. Правительство — всегда мѣрило народа. З дѣсь справедливо примѣняется французская поговорка: „quel maître—tel valet," или, какъ на Руси говорятъ: „по Сенькѣ и шапка."—Зачѣмъ, спрашивается, продались теперь Руси, вѣрнѣе Игнатьеву, всѣ эти Карно, Рибо, Констаны? А потому, что вся Франція упала нынѣ низко. Школы, ученые въ загонѣ, попы — въ силѣ, живымъ образчикомъ которой можетъ служить алжирскій примасъ, кардиналъ Лавижери. Этотъ прелатъ, котораго хитрый бисмарковскій ставленникъ Леонъ XIII сдѣлалъ какимъ-то освободителемъ, сравнительно ничтожнаго съ политическимъ рабствомъ въ Европѣ, африканскаго рабства, и который демонстративно, съ игрой марсельезы на торжественныхъ у себя обѣдахъ, провозгласилъ себя республиканцемъ, этотъ Лавижери, безъ сомнѣнія, усерднѣйше работаетъ на третью республику, тайно и глубоко роя ей яму, въ которую непремѣнно самъ же первый и провалится. Онъ хотѣлъ, онъ пытался даже устроить, будтобы для вооруженной борьбы съ работорговцами въ Африкѣ, въ дѣйствительности, ни болѣе, ни менѣе, какъ новую папскую армію изъ французовъ и на ихъ деньги, и этой арміей помогъ бы тоже монархической реставраціи во Франціи.

Реставрація эта, при явной помощи папства и при умышленномъ и несомнѣнномъ попустительствѣ, а, можетъ быть, и участіи, нынѣшняго рабскаго и продажнаго французскаго правительства — дѣло рѣшенное, конечно, въ намѣреніи.

Криспи, который нѣсколько лѣтъ сряду стоялъ во главѣ управленія Италіи, и котораго никто еще, до сихъ поръ, не изобличилъ ни въ какой политической лжи, категорически, на основаніи фактовъ, доказываетъ въ статьѣ своей, помѣщенной недавно въ одномъ изъ лондонскихъ ежемѣсячниковъ, что между папствомъ и нынѣшнимъ французскимъ правительствомъ существуетъ договоръ о возстановленіи свѣтской власти папы и о замѣнѣ существующей, италіянской, весьма либеральной, честной и любимой, всѣми лучшими людьми, монархіи, тремя республиками, которые, подпавъ, конечно, подъ давленіе папы или кого нибудь другаго, представляли бы изъ себя одну лишь могилу великой Италіи, Италіи Гарибальди, Мадзини, Кавура и Виктора Эммануила! Тоже самое, къ несчастью, подтверждаютъ и свидѣтельства, исходящія отъ противной, то есть папской стороны. Изъ обнародованныхъ недавно въ „Perseverenza" писемъ покойнаго кардинала Ротелли, который, конечно, зналъ, что дѣлается въ Ватиканѣ, видно, что за свѣтскую власть себѣ папа обѣщалъ монархію во Франціи.

Итакъ выходитъ, что рука руку моетъ, то есть мажетъ, чтобъ обѣ были бѣлы, то есть окровавлены и грязны. Нынѣшняя третья республика хочетъ дать папѣ свѣтскую власть, а папа за то Франціи—монархію. Республика, слѣдовательно, создаетъ монархію, сама себя убиваетъ! Если справедливо присудили къ смертной казни измѣнника Базена, если, купленнаго игнатьевской Русью, Буланже не погладили тоже по головкѣ, впрочемъ больше тамъ было шуму, чѣмъ дѣла, то на какую кару заслужили за все это—за эту подлую русско-французскую дружбу и за папско-монархическія интриги, нынѣшніе правители Франціи, всѣ эти Карно, Рибо, Констаны, забывшіе даже о томъ, какъ на ихъ первую республику, за ея человѣчность и свободу, Екатерина II, одна изъ убійцъ Польши, посылала Суворова, какъ недавно служилая Русь ликовала, видя, какъ нѣмцы, въ 1870 году, жгли, рѣзали, грабили, поносили несчастную Францію! Тогда, по крайней мѣрѣ, Русь была въ видимой еще силѣ; теперь же, повалепная царемъ и

Игнатьевымъ паземь, она корчится въ голодныхъ судорогахъ. И все-таки эти пошлые ослы, правящіе нынѣ Франціей, за рубли дѣлаютъ видъ, что ничего подобнаго не видятъ. Они забыли, что даму, которая на балу упала въ обморокъ не приглашаютъ танцовать, что умирающаго, хоть бы то былъ каторжникъ даже, не зовутъ на работу! Они кричатъ, эти правители Франціи о Эльзасъ-Лотарингіи, но знаютъ ли они то, что воръ не можетъ жаловаться на вора, что прежде нужно отдать Италіи ея коренную Ниццу, расчитаться съ Польшей, и тогда уже требовать Эльзасъ-Лотарингіи, при сомнительномъ правѣ на одну изъ этихъ провинцій!

Заговоривъ о Лавижери, нельзя кстати, не прибавить, что этотъ, обольщающій нынѣ Францію, кардиналъ весьма напоминаетъ, другую крашеную лису въ рясѣ, діаковарскаго епископа въ Хорватіи, тоже кардинала Стросмайера, котораго Пій IX, хорошо знающій людей, публично называлъ апостоломъ славянъ. Подобно Лавижери въ нынѣшней Франціи, Стросмайеръ точно также работалъ на Ватиканъ, и на словахъ распинался за славянъ, оскаливалъ зубы на Россію; но кончилъ тѣмъ, что разворовалъ громаднѣйшіе лѣса, принадлежащіе его епархіи, и черезъ Владиміра Соловьева, печатно, въ Петербургѣ, съ разрѣшенія цензуры, доказывающаго, что все счастье Россіи въ принятіи католицизма, сблизился, попятно, платонически, а черезъ всемогущіе рубли, съ Россіей, вѣрнѣе съ ея мажордомомъ, Николаемъ Игнатьевымъ.

Безплодность французскаго населенія указываетъ на то, что французскій народъ на пути къ вырожденію, остановка котораго требуетъ громаднѣйшихъ жертвъ и усилій. Безправственность, мошенничество ростутъ гигантски во Франціи, которая, въ этомъ отношеніи, вполнѣ сравнялась уже съ Россіей. Правы, поэтому, тѣ изъ французскихъ ораторовъ, которые, по поводу русско-французской дружбы, говорятъ, что свои сошлись, равный равному руку подалъ! Если про Австрію говорили, что онъ удивила весь міръ неблагодарностью, то что же мы поляки должны сказать про французовъ? Великій Беранже, въ 1848 году, въ одной, изъ своихъ народно-вдох-

новенныхъ пѣсенъ вспоминая, какъ много сдѣлала Польша Франціи, при всякой строфѣ пѣсни, повторяетъ, что за кровь сыновъ Польши французы платятъ только слезами. Великая Франція вспомнила, должно быть, нынѣ эту народную пѣсню Берапже, устыдилась, расщедрилась, и расплачивается теперь съ поляками уже не слезами, а цѣлымъ моремъ помой и плевковъ. А между тѣмъ, сколько разъ мы поляки спасали Францію! Сыны великой націи такъ грабили было всѣхъ въ Россіи и въ Польшѣ въ 1812 году, что, еслибъ не польскіе войска, защищавшіе жителей и обуздывающіе мародеровъ, то все населеніе, еще до смоленскаго боя, возстало бы противъ французовъ. Еслибъ не поляки, то подъ Березиной и Лейпцигомъ, послависки Липскомъ, ни одинъ французъ не ушелъ бы живымъ. Въ скольнихъ бояхъ мы проливали кровь свою за французское знамя? Сколько погибло нашихъ при покореніи Алжира и въ крымскую войну? Сколько польскихъ денегъ прожито и проживается еще и теперь въ Парижѣ? Сколько Франціи въ ея небоевой жизни оказано поляками услугъ? гдѣ болѣе, какъ въ Польшѣ, любили, баловали все французское?

Еще меньше, чѣмъ на продажную, донельзя оподлившуюся нынѣ Францію, полякамъ слѣдуетъ полагаться на соціализмъ. Что онъ такое? Соціалистовъ теперь уже милліоны, соціализмъ— это уже нынѣ цѣлая наука, цѣлая общественно— государственная полоса, въ которой, однако, такъ трудно разобраться, что, въ виду этой хаотичности, всѣ европейскія правительства, даже самъ Бисмаркъ, въ послѣднее время, на соціалистовъ смотрѣли и смотрятъ довольно спокойно. Когда, еще до великихъ и священныхъ 1848 и 1849 годовъ, возникалъ соціализмъ, то изъ устъ его первыхъ глашатаевъ въ новѣйшее время исходило почти тоже самое, всечеловѣческое, всемірное ученіе, которое, за девятнадцать вѣковъ раньше, проповѣдывалъ Христосъ и его ученики. Когда это поистинѣ христіанское ученіе, проповѣдующее, что, для блага человѣчества, вновь его, на основаніи равнаго труда, пересоздать нужно, нашло отзвукъ въ февральской революціи въ Парижѣ, враги

человѣчества встрепенулись, и бросились на это новое ученіе. Другъ Бисмарка Фердинандъ Лассаль и другъ англійскихъ консерваторовъ, самъ по себѣ эгоистъ-богачъ, Карлъ Марксъ, нужно предполагать несознательно, помогли врагамъ соціализма. Одинъ сталъ заниматься только рабочими физическаго и городскаго, особенно же фабричнаго труда; другой совѣтовалъ все ниспровергать силой. Этимъ Лассаль и Марксъ затормозили истинный соціализмъ, ибо его священная цѣль возрожденіе всего человѣчества, а не улучшеніе положенія одного какого-либо класса, одной какой-либо группы рабочихъ, и насиліе для этой спеціальной и сравнительно крошечной цѣли въ то время, когда всѣ насиліемъ только живутъ и оттого погибаютъ—несомнѣнно плохое лѣкарство.

Съ 1848 года и до настоящаго времени, дѣйствительнаго, широкаго соціализма не было и нѣтъ. То, что фальшиво называетъ себя теперь соціализмомъ — всего только пропаганда въ пользу увеличенія заработка, агитація въ пользу задѣльной платы городскаго, особенно фабричнаго рабочаго. Отношеніе, слѣдовательно, этой пропаганды къ соціализму, какъ къ ученію о пересозданіи человѣчества, таково, какъ отношеніе къ солнцу сальнаго огарка, или зажженой лучины. Положеніе нынѣ обыкновеннаго рабочаго дѣйствительно невыносимое, неописуемо ужасное. Недавній лондонскій всемірный конгрессъ гигіена констатировалъ цифрами, что рабочій живетъ, въ среднемъ выводѣ, только 27 лѣтъ, тогда какъ рантье, человѣкъ имущественный 56 лѣтъ, то есть болѣе чѣмъ въ два раза. Но можетъ ли увеличеніе заработка, какое бы оно даже не было, увеличить намного продолжительность жизни труженика? Самый рьяный соціалистъ отвѣтитъ, что нѣтъ. Кругъ дѣйствій нынѣшнихъ соціалистовъ крайне ограниченъ и замкнутъ со всѣхъ сторонъ непроходимой пропастью, по той простой причинѣ, что заработокъ не можетъ увеличиваться безпредѣльно. Это способенъ понять самый глупый изъ самыхъ простыхъ рабочихъ. Хозяинъ также хочетъ жить, какъ и его рабочій. Онъ, поэтому, не можетъ уступить съ того, что составляетъ минимумъ его дѣйствитель-

ныхъ потребностей, его справедливыхъ расходовъ. Если же онъ уступитъ, то эту уступленную часть заплатитъ, въ видѣ цѣны товара, публика. Слѣдовательно соціализмъ, какъ одно только увеличеніе заработной платы, увеличиваетъ дороговизну жизни, другими словами, ухудшаетъ ее въ общемъ, вмѣсто того, чтобъ улучшить.

Соціализмъ, въ его нынѣшнемъ видѣ, просто, гибеленъ для всѣхъ промышленно-фабрично-производительныхъ странъ Европы, и для Англіи, Франціи и Бельгіи въ особенности. При постоянныхъ забастовкахъ рабочихъ и частомъ и быстромъ увеличеніи ихъ платы, товаръ, поневолѣ, долженъ быть и не такой хорошій и не такой дешевый, что отразится уменьшеніемъ вывоза въ менѣе производительныя страны, потому что кто же станетъ покупать чужой товаръ, имѣя такой же самый по качеству и цѣнѣ, а можетъ быть, еще и лучшій, У себя дома? Я не говорю уже о томъ, что работаютъ не только въ городахъ и въ фабрикахъ, но и въ полѣ, работаютъ опять тоже многіе не только одними руками но и головой, сердцемъ, вообще интеллигентно, и такой трудъ никогда нельзя сравнивать съ работой физической. Столь любимую соціалистами сентенцію, что всякій трудъ равенъ могъ впервые высказать, пустить, такъ сказать, въ оборотъ, или полнѣйшій идіотъ, или отчаянный мошенникъ. Трудъ того, кто открылъ одну только силу пара стоитъ, въ отношеніи человѣческаго блага, по крайній мѣрѣ, въ два раза больше труда рабочихъ всей вселенной, впродолженіе цѣлаго столѣтія. Въ Англіи увеличеніе заработка рабочаго идетъ чуть не все въ кабаки, и это служитъ главнѣйшей причиной, что противъ арміи спасенія, особенно напирающей на трезвость рабочаго класса, кабачники всего болѣе дѣйствуютъ.

Грубо и узко матеріальная цѣль одного только заработка, и происходящая оттого, при всѣхъ иныхъ требованіяхъ жизни вообще и рабочаго въ особенности, сумятица всевозможныхъ идей и теченій въ современномъ соціализмѣ, даютъ возможность въ послѣдній записаться такимъ тунеядцамъ и врагамъ всего человѣческаго, какъ, жиды, напримѣръ, или

русскіе шпіоны, причемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ, къ стыду соціализма, играютъ въ немъ видную роль. Такъ въ Лондонѣ недавно поселился несомнѣнный русскій шпіонъ, польскій жидъ, называющій себя Станиславомъ, въ дѣйствительности Сруль Мендельсонъ, прославленный по дѣлу убійства парижской полиціей русскаго генерала Селиверстова. Этотъ жидъ Сруль Мендельсонъ издаетъ здѣсь, въ Лондонѣ, якобы, соціалистическій листокъ на польскомъ языкѣ „Przedswit." Какъ въ листкѣ этомъ, такъ и лично, посредствомъ агитаціи, жидъ Сруль Мендельсонъ возбуждаетъ, для цѣлей русской полиціи, польскихъ жидовъ, которыхъ въ Лондонѣ, на Whitechapel около тысячи, противодѣйствовать полякамъ. Онъ же, черезъ этихъ самыхъ жидовъ и лично, возстановляетъ лондонскихъ рабочихъ противъ нынѣшняго англійскаго консервативнаго правительства, мстя ему, должно быть, за то, что оно, подобно французскому правительству, не продалось нынѣ Россіи, вѣрнѣе Игнатьеву.

Конечнымъ послѣдствіемъ дѣйствительнаго соціализма было бы то, что рабочихъ, какъ наемниковъ, какъ рабовъ труда не было бы вовсе на землѣ. Всѣ были бы хозяева, всѣ господа работы. Нынѣшній жалкій соціализмъ не идетъ дальше того, чтобъ рабочій больше заработывалъ. Въ Германіи, гдѣ всегда и всего лучше развиваются и очищаются всякія теоріи, это уже начинаютъ понимать, и, не рѣшаясь еще, можетъ быть по недомыслію, а можетъ быть и изъ цивической трусости, возстать противъ искаженія, противъ направленія въ боковой переулочекъ Лассалемъ и Марксомъ соціализма, громко, однако, уже, хотя и весьма неясно еще, повели, на недавнемъ соціалистическомъ парламентѣ въ Эрфуртѣ, рѣчь о томъ, что интересы задѣльной платы должны уступить мѣсто заботѣ объ устройствѣ соціалистическаго государства. Такъ думающіе вполнѣ правы, хотя они могли бы, оставивъ въ покоѣ кагально-корпоративно-цеховой гоноръ, говорить объ устройствѣ не соціальнаго, а человѣческаго, христіанскаго государства, послѣднее, разумѣется, понимая въ истин-

номъ свѣтѣ ученія Христова, а не въ томъ смыслѣ, какой ему придало папство.

Воспитаніе и образованіе должны быть безплатны и обязательны. Лѣчить больныхъ, кормить голодныхъ, пріютить безсильныхъ — священная и прямая обязанность государства. Не только крупная, но и средняя, по нынѣшнему ея размѣру, собственность, какъ вредная для всѣхъ, должна быть упразднена. Всякій долженъ только то имѣть, что можетъ самъ лично вести. Всѣ тяжести и всѣ пользы должны быть одинаково между всѣми распредѣлены. Государство, или кто бы то ни былъ, могутъ облагать взносомъ не трудъ, не имущество, а одинъ только чистый барышъ, другими словами, подати и взносы не могутъ быть иными, какъ только подоходными. Наемные рабочіе должны исчезнуть; во всякомъ предпріятіи всѣ его участники должны имѣть свои паи, соразмѣрно цѣнности труда каждаго изъ работающихъ въ дѣлѣ. Всякій, подъ свою работу, или подъ свое знаніе, долженъ имѣть достаточный и, какъ можно болѣе, дешевый кредитъ въ государствѣ. Прочь съ арміями, прочь съ чиновниками не по вобору. Вотъ что нужно теперь всѣмъ, вотъ что вытекаетъ изъ истиннаго, неискаженнаго папствомъ и другими ученія Христа, и что ставилъ на своемъ знамени прежній соціализмъ!

А нынѣшній — смѣхъ просто сказать — хочетъ увеличенія только заработной платы! Можно ли этой платой достигнуть всѣхъ этихъ, сейчасъ перечисленныхъ, благъ? Истинный соціализмъ ничего не имѣлъ, да и не могъ имѣть противъ національностей, которыя въ дѣлѣ всеобщаго человѣческаго устроенія и развитія такъ же необходимы, какъ необходимо какое-либо имя отдѣльному человѣку, какъ не могутъ быть всѣ люди одинаковы по росту, лицу, фигурѣ, голосу и т.д. Нынѣшній соціализмъ, этотъ культъ заработка заявляетъ, что ему чужды всѣ національности: онъ, видите, эта религія задѣльной платы, выше, будто бы, всѣхъ народностей въ мірѣ. Гдѣ же тутъ, скажите, полагаться Польшѣ на такой соціализмъ,

въ который не слѣдовало бы ни одному доброму поляку вступать до тѣхъ поръ, пока на соціальномъ знамени не появится новый лозунгъ. По этому лозунгу, соціалисты, не оставляя ни стачекъ, ни заработка рабочаго, ибо первые не разъ необходимы, а второе несомнѣнно важно, но не главное, не все, должны соединиться съ легальной вездѣ опозиціей, и съ ней вмѣстѣ дѣйствовать. Тогда-то и сойдетъ на землю царствіе небесное!

Итакъ, еще разъ повторяю, что намъ на самихъ только себя слѣдуетъ опереться и полагаться, и тогда независимость Польши явится скоро. Время летитъ, такого удобнаго для возстановленія польскаго государства момента столѣтъ не было. Нужно, вслѣдствіе этого, сейчасъ же дѣйствовать, но съ чего начать? Возстанія ни въ одной изъ трехъ частей Польши не должно быть въ настоящее время. Оно было бы только на руку врагамъ нашимъ. Кто какъ не сынъ страдалецъ всего болѣе способенъ возвратить къ жизни, привести въ чувство свою обумершую мать? Ясно, что теперь польская эмиграція должна взять въ свои руки дѣло независимости Польши. Въ Европѣ на эту эмиграцію расчитывать безполезно. Въ Англіи она, въ всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ, ничтожна; въ Италіи, Бельгіи и въ Швейцаріи также незавидна и очень разрозненна; во Франціи она всего лучше, но и тамъ въ корнѣ подточена подлымъ духомъ Чарторискихъ, которые всячески губили ее столько лѣтъ, высылали даже за, деньги, на испанскую бойню карлистовъ съ крестоносами, на бойню отчаянную, безпринципную, личнодинастическую, на бойню, благодаря которой славное и честное имя поляка съ ненавистью произносится до сихъ поръ въ Испаніи. Польская батиньольская школа въ Парижѣ, на сотни тысячъ рублей обокраденная клевретами Чарторискихъ, чарторищиками, какъ ихъ обыкновенно называютъ, старается о томъ, чтобы польскія дѣти забыли, въ стѣнахъ этой школы, свой родной, этотъ чудесный польскій языкъ. Въ школѣ этой морятъ голодомъ, въ ней изъ семидесяти воспитанниковъ

только четверо умѣетъ говорить попольски. Эта школа, воспитанники которой въ дальнѣйшей жизни являются уже не поляками, а французами стыдятся жить, говорить, писать попольски, всѣми силами стремится къ офранцуженію, какъ школа Апухтина къ Варшавѣ, или Сергіевскаго въ Вильнѣ стремится къ обрусенію польскихъ дѣтей.

Одинъ изъ сомнительныхъ соціалистовъ и ученыхъ, заполучившій какимъ-то чудомъ степень доктора въ польско-старообрядческо-ветхозавѣтномъ Краковѣ, Болеславъ Лимановскій публично возстаетъ противъ, вредной для русскаго владычества и его клевретовъ, эмиграціи поляковъ въ Бразилію. На недавнихъ празднествахъ въ Парижѣ по поводу столѣтія польской конституціи 3 Мая 1791 года, главная роль предоставлена была Станиславу Кракову, ушедшему изъ Россіи изъ боязни быть судимымъ за воровство, обольстившему въ Вологдѣ Ефимьеву, отецъ которой сейчасъ же умеръ вслѣдствіе этого позора, жившему послѣ въ Устюгѣ-Великомъ на счетъ какой-то Любимовой. Почти всей польской эмиграціей въ Европѣ руководитъ теперъ Владиміръ Спасовичъ. Главный агентъ его въ Парижѣ, нѣкій Ильдефонсъ Косиловскій, чиновникъ французскаго военнаго министерства, возитъ важнѣйшія депеши и словесныя порученія въ дѣлѣ французско-русской дружбы, между Петербургомъ и Парижемъ. Спасовичъ, на деньги Сигизмунда Велепольскаго и другихъ очень ужъ глупыхъ польскихъ богачей, издаетъ въ Петербургѣ подлѣйшую газету на польскомъ языкѣ „Край," редакторъ котораго жидъ Эразмъ Пильцъ выгнанъ былъ съ одной желѣзной дороги за, оглашенную въ варшавской подцензурной „Правдѣ" Свентоховскаго, кражу какихъ-то шубъ. Агенты Спасовича по всей Европѣ, для виду носятъ названіе корреспондентовъ „Края," въ сущности же они шпіонятъ эмиграцію, вредятъ ей. Можетъ ли такая эмиграція помочь чѣмъ-либо возрожденію Польши ?

Но, къ счастью, въ Америкѣ поляковъ полтора милліона, и они тамъ опираются на землѣ, которую сами же воздѣлываютъ, и потому ростутъ и сильны. Американско-польская

эмиграція должна теперь поработать на пользу своей дорогой родины. Рядомъ съ Америкой лежитъ Сибирь, знающая поляковъ и знакомая имъ, Сибирь, въ которой русскій гнетъ дошелъ, въ послѣднее время, до невѣроятной степени, Сибирь переполненная ссыльными, жаждущими свободы, умирающими отъ разныхъ лишеній. Пусть бы въ настоящее время, или, всего лучше, по будущей веснѣ, на сибирской землѣ явилось сто всего вооруженныхъ поляковъ, и вся Сибирь, отъ Сахалина до Екатеринбурга, будетъ въ сплошномъ и сильнѣйшемъ огнѣ возстанія.— Но полтора свыше милліона американскихъ поляковъ можетъ смѣло послать въ Сибирь не сотню, а десятки тысячъ своихъ соплеменниковъ. Понятны причины, по которымъ детали этого предложенія я не высказываю здѣсь, но ихъ, кому слѣдуетъ, можно передать во всякое время. Скажу только, что, еслибы сибирское возстаніе и не перешло бы даже, что просто невѣроятно, на европейскую сторону Урала, то Россія, была бы все-таки вполнѣ безсильна силой усмирить Сибирь. Тогда она освободилась бы, то есть Польша ее бы освободила, и сама возродилась въ тоже время, потому что Россія, лишенная Сибири, поневолѣ вступитъ на такой путь, идя по которому, никоимъ образомъ, нельзя уже будетъ сохранить за собой Польшу.

Достиженіе такой святой цѣли не можетъ быть противно великой американской республикѣ: напротивъ оно должно быть ей, въ высшей степени, симпатично и выгодно, скорѣе необходимо, чѣмъ безполезно. Если Сибирь, по совѣту спасителей ея поляковъ, скажетъ, что она хочетъ составить одинъ изъ штатовъ сѣверо-американской республики, то такое желаніе составитъ новую эру, цѣлый громаднѣйшій переворотъ въ исторіи не только Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ, Европы и Азіи, но и всего человѣчества. Европа и Азія не будутъ въ состояніи остаться въ ихъ нынѣшнемъ положеніи въ то время, когда въ Сибири будетъ штатъ сѣверо-американской республики. Пусть мнѣ проститъ великодушно великая тѣнь Монроэ то, что я предлагаю нарушить его границы. Но это

нарушеніе дастъ новую необычайную пищу для развитія сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ. Все это такъ просто, легко, могущественно и благодатно, что оно не можетъ не овладѣть душей свободнаго и сильнаго народа великой сѣверо-американской республики и ея правительства. Глубоко увѣренный, въ этомъ, я кончаю настоящій мой трудъ душевнымъ возгласомъ: да здравствуетъ независимая Польша! да здравствуетъ сѣверо-американская республика съ свободной Сибирью, какъ съ новымъ ея штатомъ!

КОНЕЦЪ.

ОТЪ АВТОРА.

Когда порядочный человѣкъ входитъ въ домъ, въ которомъ его не знаютъ, онъ непремѣнно представится хозяевамъ, назвавъ имъ свое имя и прозвище. Затѣмъ, болѣе чѣмъ неприлично и странно, говорить публично и съ маской на лицѣ объ общественныхъ дѣлахъ, потому что всякому естественно хочется знать не только что, но и кто говоритъ, такъ какъ въ человѣческой душѣ всегда есть то сознаніе, что между словомъ и дѣломъ не должно быть разницы. Et verbum caro est. Наконецъ несомнѣнно, что всѣмъ людямъ природа дала даръ слова; но право публичной рѣчи не всякому принадлежитъ. Это право должно быть послѣдствіемъ заслуги, знанія, даровитости и преданности общественному благу. Вотъ почему, возвышая передъ всѣмъ міромъ голосъ въ пользу независимости, великой даже въ несчастьѣ, Польши, я чувствую нравственную и практическую, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанность—разсказать публично и вкратцѣ — кто я такой. Это тѣмъ болѣе необходимо, что русскими шпіонами переполнена вся рѣшительно Европа, не мало ихъ и въ Америкѣ, и система русской полиціи велитъ, чтобъ въ томъ случаѣ, когда нельзя разбить противника по существу дѣла, всегда старались чернить его личность.

Четырнадцатаго іюля тысяча восемьсотъ тридцать седьмаго года, пятьдесятъ лѣтъ, ровно день въ день, послѣ того, какъ великій французскій народъ, разбивая свои и всего человѣчества цѣпи, разрушалъ Бастилію, я пришелъ на этотъ несчастный свѣтъ. Это было на святой Литвѣ, въ нынѣшней минской губерніи, въ слуцкомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Ужечѣ гдѣ жилъ тогда мой отецъ, Мартинъ-Михаилъ, въ качествѣ круп-

наго управителя громаднѣйшихъ имѣній князя Радзивилла, такъ называемой тогда радзивилловской массы.

Родъ моего отца и особенно родъ моей матери принадлежали къ знатнымъ и стариннымъ родамъ Польши. Одинъ изъ Журавскихъ былъ придворнымъ сановникомъ и любимцемъ еще короля Казиміра Великаго въ 1370 году. Петру Журавскому, за отличія въ войнахъ при королѣ Стефанѣ Баторіѣ, поставленъ былъ въ Люблинѣ публичный памятникъ. Нѣкоторые Журавскіе занимали высокое положеніе въ польскомъ клирѣ, были, напримѣръ, плоцкими епископами. Родъ ихъ былъ въ родствѣ съ знаменитымъ гетманомъ Чарнецкимъ. Францъ Журавскій былъ президентомъ, въ 1681 году, короннаго трибунала, который былъ верховнымъ судомъ въ Польшѣ. Та вѣтвь Журавскихъ, къ которой я принадлежу, въ началѣ XVII вѣка перебралась изъ плоцкаго воеводства на Литву, гдѣ имѣла свои имѣнія, занимала разныя высшія общественныя должности. По какому-то странному совпаденію два имѣнія на Литвѣ — мѣстечко Мейшагола и имѣніе Ганево, въ разныя времена, принадлежали и роду отца, и роду матери — были собственностью Солтановъ и Журавскихъ. Мой родной дѣдъ владѣлъ еще Мейшаголой.

Еще болѣе знатный былъ родъ матери — Солтановъ. Далеко не первый изъ Солтановъ, Александръ Солтанъ былъ, при королѣ Александрѣ I, важнѣйшимъ сановникомъ и магнатомъ Литвы и Польши. Онъ былъ такъ богатъ, что въ 1470 году, 420 лѣтъ тому назадъ, основалъ въ Жировицахъ, около города Слонима, огромнѣйшее уніатское аббатство, которое считалось уніатской лаврой во всей Польшѣ. Онъ былъ кавалеромъ, важнѣйшихъ въ то время во всемъ мірѣ, орденовъ Гроба Божья и Золотаго Руна и министромъ финансовъ Литвы (подскарбимъ литовскимъ). Уніатскій соборъ на Литвѣ, въ 1476 году, послалъ этого магната, какъ своего делегата, къ папѣ Сиксту IV. Іосифъ-Михаилъ Солтанъ былъ, въ 1496 году, смоленскимъ епископомъ, а послѣ кіевскимъ митрополитомъ. Онъ былъ другомъ Нифона, патріарха константинопольскаго, старался, чтобы дочь царя Іоанна III и католички Софіи, или Зои

Палеологъ, Елена, жена короля Александра I приняла католицизмъ, опъ издалъ, за тѣмъ, книгу въ защиту церковной уніи и флорентинскаго собора.

Солтапы, особенно въ древнемъ періодѣ своего существованія, были въ родствѣ съ такими могущественными и древними родами въ Польшѣ и Литвѣ, какъ Гарабурды, Богуши, Волловичи, Гильзены, Ваиковичи, князья Сапѣги, Буйницкіе, Соломерецкіе, Четвертинскіе, изъ которыхъ Буйницкіе, Соломерецкіе и Четвертинскіе принадлежали, какъ извѣстно, къ рюриковичамъ. Я могу, поэтому, хвастать той же самой рюриковичской кровью, что и русскій царь. Съ теченіемъ времени родъ Солтановъ расплодился и одна вѣтвь его обѣднѣла. Отъ этой вѣтви и происходила моямать, по имени Констанція. Другая вѣтвь долго оставалась богатой, носитъ графскій титулъ, находится въ родствѣ съ Чарторискими. Изъ этой вѣтви былъ послѣдній владѣлецъ Здзѣпціола, гнѣзда Солтановъ, полковникъ Адамъ Солтанъ, принадлежавшій, послѣ 1830 года, къ демократической эмиграціи, честнѣйшій полякъ и человѣкъ.

Родители мы жили недружно. Отецъ — свѣтскій, весьма даровитый человѣкъ, талантливый, почти геніальный музыкантъ, другъ Монюшки, державшій разъ съ Паганини вторую скрипку, жизнь свою провелъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ и мотовствѣ. Весьма рано насъ дѣтей встрѣтила страшная нищета въ домѣ и вся горечь жизни. Мать—типъ восторженности, самоотверженія для дѣтей, гордая и упрямая, не могла ладить съ жизнью. Насъ было четверо. Братъ Нарцизъ, студентомъ университета, умеръ на моихъ рукахъ, 8 Октября 1859 года, въ Петербургѣ. Похороненъ на католическомъ кладбищѣ, что на Выборгской сторонѣ. Это былъ любимый и уважаемый всѣми молодой человѣкъ. Сестра Франциска, честная учительница и даровитая женщина, когда заболѣла въ домѣ одного свѣнціанскаго помѣщика, какого-то Свіонтецкаго, то осталась безъ лѣченія, что и свело ее, весной 1871 года, въ преждевременную могилу на Россѣ, въ Вильнѣ. Точь въ точь такая же самая нес-

частная участь встрѣтила и погубила четвертаго брата, Мартина-Клемепса, въ юности подававшаго самыя блестящія надежды, но послѣ невполнѣ оправдавшаю ихъ, вслѣдствіе вліянія одного шляхетско-іезуитско-шпіонскаго кружка, который группировался въ Вильнѣ около аптекаря, товарища брата по гимназіи, какого-то Ивана Нарушевича. Братъ Мартинъ, до смерти оставшійся, однако, честнымъ человѣкомъ, умеръ, какъ и сестра Франциска, вслѣдствіе отсутствія своевременнаго лѣченія въ домѣ, преданнаго руской власти, помѣщика Болеслава Ромера, котораго сына братъ мой училъ. Несчастный похороненъ въ имѣніи этого Ромера, въ Владыкишкахъ, въ трокскомъ уѣздѣ виленской губерніи. Я давно уже хотѣлъ и собирался эмигрировать; но на могилѣ бѣднаго брата, замучившагося при исполненіи своего священнаго долга учителя, я присягнулъ, что сейчасъ же оставлю родину и Россію. Я исполнилъ эту клятву.

Первымъ учителемъ моимъ былъ ксендзъ бенедиктинецъ съ Несвижа, по фамиліи Григаловскій, онъ жилъ въ нашемъ домѣ, въ качествѣ моего воспитателя; но я самъ, до Григаловскаго, выучился читать. Публичное образованіе я началъ въ 1848 года въ минской губернской гимназіи. Я помню, какъ въ лѣтніе каникулы 1848 года, пасъ гимназистовъ псожиданно и спѣшно собрали въ гимназіи, окружили войскомъ и заставили смотрѣть, какъ жандармы съ подлымъ инспекторомъ Иваномъ Головинскимъ, роднымъ братомъ тогдашняго католическаго митрополита въ Петербургѣ, сѣкли старшихъ учениковъ, замѣшанныхъ въ политическія дѣла. Такое же самое, въ то время, публичное сѣченіе происходило и въ виленской гимназіи по дѣлу Александра и Франциска Далевскихъ, Эдуарда Пожерскаго, нынѣ слуга Чарторискихъ въ Парижѣ, и другихъ. Съ 1850 года я воспитывался въ виленской гимназіи, и съ пятаго класса зарабатывалъ уже урокамп. Въ четырнадцать лѣтъ я прочелъ уже французскихъ энциклопедистовъ, въ пятомъ классѣ писалъ уже такъ, что одно мое сочиненіе „Березина" попечитель округа и генералъ-губернаторъ, Илья Бибиковъ

посылалъ министру Норову, и тотъ благодарилъ Бибикова и гимназію за меня. Иногда я цѣлыя ночи просиживалъ за книгой, недѣлями не отрывался отъ ученія, то опять страшно лѣнился, всегда первенствовалъ въ знаніи, но шалилъ ужасно, шалилъ до того, что писали нуль въ поведеніи, а главное за деньги ставили мнѣ соперника, какого-то маніака Константина Брохоцкаго который почти всегда оказывался офиціально первымъ, а я — вторымъ ученикомъ. Этотъ Брохоцкій былъ послѣ любимымъ полиціей ходатаемъ жидовъ въ Вильнѣ, теперь живетъ въ Петербургѣ и служитъ Спасовичу.

Осенью 1856 года, съ десятью копѣйками въ карманѣ, я пріѣхалъ въ Петербургъ. Хотѣлось жить, учиться; на Литвѣ тогда было невыносимо душно и темно, на берегахъ же Невы занималась въ то время заря. Въ медики не хотѣлось пойти, хотя я чувствую, что могъ бы быть недурнымъ хирургомъ; въ студенты университета тогда еще принимали по штату въ триста человѣкъ всего. Начальникъ гвардейской артиллеріи, генералъ Викентій Мерхилевичъ принялъ меня было въ третью бригаду гвардейской артиллеріи въ Стрѣльнѣ; но до начала службы и до присяги, которой я никогда въ жизни своей не давалъ на вѣрность русской власти, я вышелъ изъ гвардіи, единственно потому, что мнѣ, всегда гордому, показалось невыносимымъ служить бѣдному среди состоятельныхъ людей. Къ веснѣ 1857 года я бѣдствовалъ невыносимо: однажды восемъ дней я не имѣлъ ничего во рту, губы потрескались, подошвы у сапогъ отлетѣли, ноги были въ крови, костюмъ рвался весь. Негдѣ было переночевать, паспорту срокъ вышелъ, я всѣ ночи напролетъ блуждалъ по Петербургу, однажды, помню, за мной, на Обводномъ Каналѣ, гнался казачій патруль, принявъ, вѣроятно, за недобраго человѣка. Я спрятался, и меня не поймали. Наконецъ мнѣ удалось достать, по ходатайству добрѣйшей Малевской, къ которой у меня были рекомендательныя письма съ Литвы отъ ея друга, графини Паулины Тышкевичъ, мѣсто бухгалтера въ лейхтенбергскомъ заводѣ, у Нарвской заставы (нынѣ тамъ таможня). Директоромъ

этого завода, въ то время: былъ Генрихъ Лубенскій, братъ каноника, послѣ епископа, перваго руководителя русской крамолы. Затѣмъ, я поступилъ въ петербургскій университетъ и сталъ работать весьма много и въ ученіи, и въ жизни. Въ 1858 году, въ январьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія," редактируемой тогда Дружининымъ появился мой первый печатный трудъ—переводъ съ польскаго комедіи Іосифа Корженевскаго „Старая Щеголиха" (Stara Elegantka). Затѣмъ, я сталъ сотрудничать въ другихъ петербургскихъ изданіяхъ и въ „Современникѣ." Меня пригласили въ сотрудники своей обличительно-агитаціонной дѣятельности сначала князь Петръ Долгорукій, издававшій тогда въ Парижѣ „Будущность," а послѣ Герценъ, съ которымъ я работалъ нѣсколько лѣтъ. Въ парижскомъ „Siècle," стоявшемъ тогда во главѣ всей французской либеральной печати, появлялись мои корреспонденціи съ Литвы и Петербурга. Я писалъ тоже въ „Польской Газетѣ" въ Варшавѣ. Ея редакторомъ былъ тогда Крашевскій, съ которымъ, въ то время, я часто переписывался и имѣлъ разныя дѣла.

Лѣтомъ 1861 года я былъ арестованъ въ III Отдѣленіи, послѣ чего, видя, что въ Россіи мнѣ не сдобровать, хотѣлъ было ѣхать за-границу и получилъ для этого паспортъ отъ Игнатьева, отца нынѣшняго всесдержителя всероссійскаго. По дорогѣ, въ Вильнѣ я былъ схваченъ, просидѣлъ полгода въ знаменитомъ четырнадцатомъ номерѣ, и, по повелѣнію царя Александра II, сосланъ былъ въ Смоленскъ, и, для лучшаго за мной надзора, опредѣленъ на службу чиновникомъ при губернаторѣ Юліѣ Арсеньевѣ, человѣкѣ испорченномъ, но весьма недурной души. Служба, понятно, не могла отвлечь меня отъ общественной работы: я писалъ въ газеты, агитировалъ въ мѣстномъ обществѣ, которое меня любило. Въ духовной православной семинаріи трое учителей, два монаха и одинъ свѣтскій, засѣкли семинариста Голенкина. Я описалъ это въ „С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ," издававшихся тогда Андреемъ Краевскимъ. Это мнѣ дало много друзей, но чуть ли не больше еще враговъ. Затѣмъ мѣстные чинов-

ники поляки, весьма вліятельные тогда въ Смоленскѣ и которыхъ я открыто осуждалъ за отсутствіе въ нихъ патріотизма и за взяточничество, сильно ненавидѣли меня, особенно какой-то Ѳсодосій Пекарскій, служившій послѣ въ Варшавѣ у Гюббенета, нынѣшняго министра путей сообщенія, и бравшій для него и за него взятки.

По представленію, смѣнившаго Арсеньева, новаго губернатора, Николая Бороздны, изъ Черниговa и поляка, полковника жандармеріи Адольфа Грабя-Горскаго, меня перевезли, въ началѣ 1863 года, въ Вологду, гдѣ была цѣлая колонія польскихъ ссыльныхъ: Викентій Совинскій, Люціянъ и Іосифъ Лимановскіе, Карлъ Магранцинскій, Витольдъ Оскерка, Аполлонъ Корженевскій, Станиславъ Краковъ, ксендзы Іосифъ Буржинскій и Францискъ Сидоровичъ, Францискъ Барановскій. Вологодскій тогда губернаторъ, взяточникъ, проданный правительству поляк съ Литвы, Станиславъ Хоминскій разослалъ было всѣхъ насъ, въ началѣ зимы 1863 года, съ Вологды по уѣздамъ. Я съ барономъ Унгернъ-Штенбергомъ, котораго, разбитаго параличемъ, сослали по старанію роднаго брата, затѣмъ, чтобъ ему, брату одному осталось нераздѣльное имѣніе, попалъ въ Сольвычегодскъ гдѣ устроилъ изгнаннический коммуну съ общимъ столомъ библіотекой, занятіями. Былъ тамъ присланъ съ Тельшъ какой-то шляхтичъ, Иванъ Руйковичъ, убившій послѣ старика Квятковскаго, отца того молодца, который прежде служилъ въ отрядѣ ксендза Мацкевича и тамъ отличался, а послѣ грабилъ польскія имѣнія, и въ концѣ былъ пойманъ русскими и повѣшенъ. Старика Квятковскаго сослали съ награбленнымъ сыномъ имуществомъ затѣмъ, чтобъ на родинѣ его не преслѣдовали поляки. Этотъ Руйковичъ доносилъ на меня полиціи, съ которой у меня пошли столкновенія, и я былъ перевезенъ въ Устьсысольскъ, гдѣ ссыльная колонія была большая, и я ей служилъ, чѣмъ только могъ.

Племянникъ одного изъ нашихъ уважаемыхъ и любимыхъ товарищей, Викентія Совинскаго, который отбылъ всю кампанію съ Мѣрославскимъ въ Познани, нѣкій Максимиліанъ

Водзынскій съ плоцкой губерніи укралъ у лѣсничаго Пекраша деньги. Я настоялъ, чтобъ его передали полиціи, такъ какъ узналъ, что въ возстаніи онъ сначала истязалъ русскихъ плѣнныхъ, ощипалъ ихъ, а послѣ выдавалъ своихъ, выдалъ напримѣръ капуцина Конарскаго, ѣздилъ по деревнямъ съ казаками, указывая кого арестовать. Изъ тюрьмы Водзынскій далъ донось, что мы затѣваемъ вооруженное возстаніе, устроителемъ и начальникомъ котораго являюсь, будтобы, я. Налетѣли жандармы, ничего не открыли, но меня все-таки перевезли въ Яренскъ. Пересылкѣ этой помогло тоже очень много и дѣло ксендза Іосифа Буржинскаго. Сынъ какого-то деревенскаго сапожника, въ Польшѣ онъ былъ преслѣдуемъ ультрамонтанами за либеральныя стремленія, участвовалъ въ мацѣіовицкой демонстраціи, и, когда былъ сосланъ въ Вологду, то тамъ всѣ поляки его полюбили. По попъ-всегда попомъ. Буржинскій сталъ воровать складочныя деньги, мутить и важничать между ссыльными. Его мы судили, исключили изъ своего круга, и за это онъ всего болѣе золъ былъ на меня, какъ на старѣйшину обвинившаго его суда. Онъ доносилъ на меня. Впрочемъ доносилъ еще и другой ссыльный, нарочно присланный, въ послѣднее время, въ Устьсысольскъ. Его я послѣ назову, и опишу особо.

Въ Яренскѣ я встрѣтился, какъ товарищъ по изгнанію, съ Порфиріемъ Войнаральскимъ, котораго сенатъ присудилъ было послѣ къ смертной казни, какъ главу государственнаго заговора, извѣстнаго въ либеральной Россіи подъ именемъ дѣла ста девяноста трехъ. Въ этомъ дѣлѣ разные шпіоны не только выдали головой Войнаральскаго, но и ограбили все его значительное состояніе свыше ста тысячъ рублей серебромъ. Все это должно быть доскопально извѣстно нѣкоему Феликсу Волховскому, участнику этого дѣла, присланному недавно сюда въ Лондонъ изъ Россіи для редактированію „Free Russia." Побочный сынъ какого-то богатаго чиновника съ Пензы Всеволода Ларіонова и княжны Варвары Кугушевой, Войнаральскій въ то время, страшно было опустился: сильно пилъ, ничего не дѣлалъ, сблизился съ мѣстнымъ чиновничествомъ,

и, что важнѣе и хуже всего этого было, оказался честнымъ по душѣ, но крайне неразвитымъ политически, онъ напримѣръ, понятія не имѣлъ о польскомъ вопросѣ, о дѣлахъ Европы и т.д. Мы поселились на одной квартирѣ, открыли библіотеку, зажили какъ слѣдуетъ, какъ вдругъ меня увезли, 29 Іюня 1865, въ Пинегу архангельской губерніи. Какая была именно тому причина—не знаю, но въ Ярепскъ присланъ былъ въ то время съ Кіева, какъ говорилъ, какой-то Альфонсъ Коссовскій, весьма сомнительная политически и гадкая вообще личность. Могъ онъ тутъ помочь. До перевозки еще моей въ Пинегу, черезъ Ярепскъ провезли Водзынскаго въ вологодскую тюрьму. Въ церкви этой тюрьмы, онъ принялъ православіе, нарекли его, въ честь царя, Александромъ, и, прямо съ тюрьмы, послали этого вора и лжедоносчика куда то на югъ, съ чиномъ прапорщика корпуса жандармовъ.

Изъ всѣхъ этихъ трущобъ, изъ Сольвычегодска, Устьсысольска, Ярепска я писалъ въ столичныя изданія, писалъ и изъ Пинеги, гдѣ ссыльная колонія была очень дряпная, и потому устроительно-товарищеская тамъ работа была особенно тяжела и неблагодарна. Послѣ каракозовскаго дѣла закрыли „Современникъ" и „Русское Слово," воспрещено было мнѣ писать,такъ что пришлось жить на шесть рублей въ мѣсяцъ казеннаго пособія, и потому, одно долгое время, я оставался даже безъ чаю, однимъ скромнѣйшимъ обѣдомъ существовалъ. Въ Пинегѣ, въ которой, двѣсти лѣтъ тому назадъ, страдалъ въ изгнаніи, и, по увѣренію старовѣровъ, былъ тамъ убитъ, по приказанію Петра I, правитель Руси при царевнѣ Софіи, князь Василій Голицынъ, было сослано съ Тульчина въ Подоліи все семейство аптекаря Бачинскаго. Не знаю почему, но меня неожиданно, какъ и всегда, перевезли изъ Пинеги въ Шенкурскъ. Тамъ я женился, 24 Сентября, 1867 года, на единственной дочери Бачинскихъ, шестнадцатилѣтней Маріи-Отоліи, которой съ родителями дозволили, ради этого брака, переѣхать съ Пинеги въ Шенкурскъ. Бракосочетаніе наше совершилъ, въ сослуженіи люблинскаго капуцина Ювепалія, ставшаго послѣ въ Архангельскѣ открытымъ шпіономъ, какой-

то ксендзъ Антонъ Дочкевичъ, родомъ съ Жмуди, сосланный съ Каменца-Подольскаго. На обрядѣ не дозволили быть никому изъ товарищей ; антиминсъ для алтаря и священные сосуды съ облаченіемъ присланы были министерствомъ изъ Петербурга въ тюкѣ на имя шенкурской полиціи, въ которой тюкъ былъ вскрытъ солдатами и, осмотрѣнъ ими, что повторилось и послѣ обряда. Не задолго до свадьбы, подсылали на меня убійцъ. По ошибкѣ напали они, вмѣсто меня, на старца тестя, и стали его душить за горло. Слышали люди, какъ одинъ изъ злодѣевъ, сознавъ свою ошибку, сказалъ другому : это не онъ ! Разбойниковъ поймали, уличили, но судья Александръ Строгинъ, защитникъ послѣ въ печати самодержавія, освободилъ ихъ отъ суда. Это были рабочіе съ строющагося въ Шенкурскѣ женскаго монастыря.

Когда я былъ присланъ изъ Пинеги въ Шенкурскъ, неожиданно во всей архангельской губерніи, отъ заморозковъ въ августѣ, погубившихъ на корню весь урожай, явился страшный голодъ. Тогдашній архангельскій губернаторъ князь Гагаринъ, никакъ не ожидая этого, тайно продалъ въ Норвегію, при посредствѣ Павла Чубинскаго, Горяневскаго и Фелиціана Тустановскаго, весь хлѣбъ, какой-только былъ въ запасныхъ магазинахъ всей губерніи. Въ Норвегіи, въ то время, былъ тоже неурожай, и потому архангельскій хлѣбъ купили туда по высокой цѣнѣ. Гагаринъ, расчитывая на урожай, вѣроятно, думалъ, что будущей осенью купитъ хлѣбъ дешево, и сложитъ его въ магазины. А можетъ быть полагался и на то, что отсутствія хлѣба въ магазинахъ цѣлые годы не замѣтятъ, а тамъ можно будетъ бѣду на что-либо, или на кого-либо свалить, можетъ быть, когда откроютъ, его уже не будетъ въ Архангельскѣ, такъ что „après nous — le deluge !" Я всему этому помѣшалъ. Я послалъ въ аксаковскую „Москву" статью о голодѣ. Статья была Гагариномъ задержана. Еслибъ онъ этимъ удовлетворился и оставилъ меня въ покоѣ, и мнѣ, и ему самому лучше было бы. Но Гагаринъ увлекся местью, послалъ статью мою въ министерство, и, удостовѣряя, что никакого голода нѣтъ, что я выдумалъ все это для агитаціи въ

губерніи, просилъ наказать меня, какъ можно строже. Министерство, однако, послало въ архангельскую губернію, для удостовѣренія на мѣстѣ, царскаго флигель-адьютанта, который не могъ не засвидѣтельствовать того, что я писалъ правду, потому что, въ то время, народъ массами бѣжалъ уже на югъ, всѣ дороги покрыты были трупами погибшихъ отъ голодной смерти.

Для помощи голодающимъ устроенъ былъ въ Петербургѣ для всей Руси комитетъ Зиновьева, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ нынѣшняго царя. Но меня все-таки погубили, потому что отецъ губернатора Гагарина, предсѣдатель государственнаго совѣта, лично просилъ царя наказать меня, оклеветавшаго, будтобы, его сына. По приказу царя, меня съ женой назначили на жительство въ енисейскую губернію, на шестой недѣлѣ послѣ нашей свадобы, велѣли пасъ 5,000 верстъ вести двоихъ на одной лошади по этапу, который есть безспорное и жестокое наказаніе. Гагаринъ мало того что остался на мѣстѣ, но, опираясь на своего отца, онъ устроилъ еще такъ, что сослали, кромѣ меня, пертоминскаго архимандрита Кирилла и уволили отъ должностей — англійскаго консула въ Архангельскѣ Ренни и мироваго посредника въ Пинегѣ Вельяшева, разослали въ разныя мѣста Войнаральскаго и Христофорова. Подобно моей, вся вина этихъ лицъ состояла въ томъ, что архимандритъ Кириллъ призывалъ всѣхъ къ кормленію голодающихъ, Ренни собиралъ для нихъ складчину въ Англіи, а жена Вельяшева принимала, болѣе видимое, впрочемъ, участіе въ томъ, какъ Порфирій Войнаральскій съ Александромъ Христофоровымъ кормили голодныхъ въ Пинегѣ. По поводу удаленія Ренни съ поста англійскаго консула въ Архангельскѣ, великобританскому парламенту была представлена, по запросу одного изъ коммонеровъ, вся дипломатическая объ этомъ переписка, и въ ней говорится, между прочимъ, и обо мнѣ.

Подъ разными предлогами и причинами, задерживаясь вездѣ, гдѣ только можно было—въ Вологдѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и въ Перми, четыре года ѣхали мы съ Шенкурска въ Енисейскъ, и въ это, тяжелое для насъ время, я

не мало работалъ и весьма много выстрадали мы съ женой. Изъ Костромы я напечаталъ было въ „С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (NNo. 272 и 274 за 1868 годъ), проектъ постройки ярославско-архангельской желѣзной дороги, чтобъ дать заработокъ голодающему тогда населенію, и на будущее время, вслучаѣ голодовки, удобнѣе продовольствовать сѣверъ. Коммисія Зиновьева и нынѣшняго царя одобрила этотъ проектъ. Имъ воспользовался сообщникъ Аксакова, Федоръ Чижовъ, и построилъ, по моему проекту, не сказавъ мнѣ даже за него простаго спасибо, ярославско-вологодскій участокъ. А мнѣ въ награду дали, вмѣсто этапа, почтовыхъ лошадей съ жандармами. Этимъ, конечно, избавили насъ отъ этапныхъ страданій, но не заслуженную кару не отмѣнили. Въ Костромѣ мы похоронили двое первыхъ дѣтей—дочери: Марію и Ядвигу. Лежатъ онѣ несчастныя между польскими ссыльными въ углу православнаго кладбища! Въ Нижнемъ-Новгородѣ я работалъ въ ярмарочномъ листкѣ Мельгунова, и написалъ обширную монографію о сѣверѣ, часть лишь которой издана была послѣ подъ заглавіемъ: „Богатства Сѣвера," и принята министерствомъ народнаго просвѣщенія во всѣ гимназіи. Въ Перми родился намъ, 7 Декабря, 1870 года, первенецъ сынъ Казиміръ-Амброзій. Это было именно въ тѣ дни, когда доблестный Домбровскій съ комунарами атаковалъ Версаль. Воспріемникомъ при крещеніи сына Казиміра былъ волынскій, послѣ плоцкій епископъ Гаспаръ Боровскій, съ которымъ мы дѣлили горечь пермскаго изгнанія.

Три года съ чѣмъ-то пришлось прожить въ Енисейскѣ, какъ и всегда и вездѣ, страдать тамъ и работать. Я сталъ описывать въ газетахъ, особенно въ „Судебномъ Вѣстникѣ" Арнольда Думашевскаго разныя, самыя вопіющія сибирскія преступленія. Эти письма читала вся Россія, онѣ волновали всю Сибирь, сдѣлали мое имя популярнымъ, любимымъ въ ней, но, въ тоже время, чуть не свели меня въ могилу. Тогдашніе—генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Николай Синельниковъ, побитый ссыльнымъ полякомъ Эйхмиллеромъ и убившій его, и енисейскій губернаторъ Лохвицкій, оба

сильнѣйшіе взяточники и угнетатели, вдругъ назначили меня было на жительство въ дикую кежемскую волость, съ которой сообщаются не грунтовыми дорогами, а зимой и лѣтомъ по водѣ, по Ангарѣ-рѣкѣ, гдѣ такія бываютъ уже стужи, что ихъ не выдерживаютъ стекла, вмѣсто которыхъ, поэтому, вставляютъ тамъ въ окна, на всю зиму, куски льда! Когда пришли меня брать, я былъ при смерти отъ кроваваго поноса, который эпидемически свирѣпствовалъ тогда въ Енисейскѣ.

Благодаря врачамъ, особенно доброму Діомиду Романовскому-Романенко (былъ назначенъ изъ люблинской губерніи въ Сибирь на службу потому, что хоть и православный, изъ уніатовъ, но не вредилъ полякамъ) и Алексѣю Вицыну, высылка въ Кежму была пріостановлена, тѣмъ болѣе, что мѣстный жандармъ капитанъ Викторъ Яшинъ и окружный исправникъ Владиміръ Калининъ, кандидатъ филологіи казанскаго университета, были не изъ дикихъ людей. Они были бы еще лучше, но ихъ науськивали на меня и на нѣкоторыхъ другихъ — Лонгинъ Пантелеевъ, бывшій фиктивный глава, устроеннаго въ Петербургѣ крамолой, русскаго, въ пользу, якобы, польскаго возстанія 1863 года, комитета, сосланный съ мѣстечка Друи, около Динабурга, врачъ Константинъ Антоневичъ и помощникъ мѣстнаго исправника, нѣкій Феофилъ Боторевичъ, полякъ съ Волыни, для повышенія на службѣ принявшій православіе. Пользуясь отсрочкой высылки, мы телеграфировали въ Петербургъ, въ которомъ нашли, что не слѣдуетъ такъ уже жестоко со мной поступать, и потому Сипельниковъ съ Лохвицкимъ вынуждены были оставить меня въ покоѣ, взяли только подписку, что болѣе писать въ газеты ничего не буду.

Открывалась сѣрая, гадкая, ничтожная жизнь: видѣть и не видѣть, жить и не жить. По Богъ спасъ! Въ концѣ зимы 1874 года, получаю вдругъ телеграмму отъ брата Мартина съ Вильна, что мы свободны. Полгода послѣ этого не выдавали еще намъ паспорта. До сихъ поръ не знаю достовѣрно, кому мы обязаны освобожденіемъ

изъ Сибири. Я просилъ многихъ, писалъ, между прочимъ, и великому князю Алексѣю, возвращавшемуся тогда, черезъ Сибирь, изъ кругосвѣтнаго плаванія. И если это его заступничество спасло насъ, то пусть приметъ онъ теперь отъ меня на чужбинѣ, „съ того берега," нашу публичную, горячую за то благодарность! Возвращаясь съ Сибири, я нарочно останавливался въ разныхъ городахъ по пути.—въ Красноярскѣ, Томскѣ, Тюмени, чтобъ лично изучить эти мѣста, завязать тамъ живыя сношенія. Благодаря этому и прежней моей дѣятельной жизни въ Сибири, я изучилъ эту страну отлично, знаю ее, знаетъ и она меня, и я увѣренъ, что это знакомство пойдетъ въ прокъ. . . .

Въ столицахъ намъ не позволили жить, дали паспортъ до Вильна. Я засталъ тамъ, правда, въ живыхъ, мать и брата Мартина—сестра Франциска и отецъ уже умерли было, но все Вильно, вся Литва оказались почти чужими мнѣ: отъ прежняго, добраго, ничего почти не осталось. Бродилъ я по, чудной по мѣстности, столицѣ Литвы, какъ по кладбищу, убѣдился, что заработать ничего на родинѣ нельзя, а можно всякаго зла еще ждать, поплакалъ, и съ женой и съ трехлѣтнимъ сынкомъ уѣхалъ въ Тулу на адвокатуру. Предсѣдателемъ тамъ суда былъ, въ то время, крещеный жидъ, Николай Ягнъ, нынѣ сенаторъ, воротила гражданскаго департамента сената, одинъ изъ столбовъ игнатьевщины и жидовства. Предсѣдателемъ мироваго съѣзда былъ Хомяковъ, сынъ извѣстнаго казеннаго славянофила, богачъ, молодой еще человѣкъ, близкій къ Аксакову. Ужасъ, что творили тогда въ Тулѣ эти Ягнъ и Хомяковъ! Ягнъ, подобравшій себѣ адвокатовъ изъ уличенныхъ преступниковъ, какъ Павелъ Зуровъ, Александръ Грушецкій, Александръ Краевскій, торговалъ, попросту, черезъ пихъ и безъ пихъ, правосудіемъ; черезъ казначея суда и старшаго при судѣ сторожа, пускалъ въ лихву казенныя деньги, которыхъ всегда въ судѣ накоплялось много, иногда сотни тысячъ. Замѣчательно, что когда послѣ Ягна это было открыто, то, за эти воровскіе обороты казенными деньгами, судили и осудили не Ягна, а его замѣстителя, Колоколова.

У Хомякова былъ судья—Сергѣй Грековъ, а у Грецова—какой-то неграмотный старовѣръ Салищевъ. Онъ тутъ же, въ камерѣ судьи Грецова, передъ самымъ началомъ дѣла, бралъ деньги со стороны, которая могла больше заплатить, заявлялъ себя адвокатомъ, и выигрывалъ всегда дѣло. Разумѣется, Салищевъ дѣлился съ Грековымъ и Хомяковымъ.

Неудивительно, поэтому, что въ Тулѣ встрѣтили меня въ судѣ враждебно и всячески тѣснили: не давали практики, постоянно судили за мнимыя оскорбленія чиновниковъ и судей. Я работалъ сильно, умѣло, честно, многія дѣла велъ для бѣдныхъ даромъ, и бѣдствовалъ почти. Гласность и тутъ спасла, какъ не разъ и прежде спасала она меня. Какія-то польскія отребья, Гловацкіе и Ставинскіе, друзья суда и жандармовъ, par excellence уголовные люди, застраховали свое имущество и сами сожгли его.—Полиція и судъ стали ихъ обѣлять. Тогда я напечаталъ объ этомъ поджогѣ съ полной подписью своей и съ именемъ поджигателей. Ягнъ, Хомяковъ и прокуроры Шепелевъ и Зряховъ увидѣли, что могу имъ быть опаснымъ. И такъ какъ политически погубить меня нельзя было, потому что вся Тула, вся губернія видѣли, что политикой не занимаюсь, нельзя было тоже и признать съумасшедшимъ, какъ это сдѣлалъ Ягнъ съ адвокатомъ Любавскимъ, извѣстнымъ авторомъ Сборника уголовныхъ процессовъ, то постарались незамѣтно и благовидно удалить меня изъ Тулы, и для этого подсунули мнѣ большое дѣло, по которому надо было ѣхать въ Каменецъ-Подольскій. Это было дѣло богородскаго богача, семеновца, Николая Крюкова съ княземъ Александромъ Оболенскимъ. Въ четыре мѣсяца, я въ Каменцѣ и въ Кіевѣ успѣлъ въ этомъ дѣлѣ настолько, что уничтожилъ на двѣсти тысячъ рублей серебромъ незаконныхъ взысканій съ Оболенскаго, и такимъ образомъ, очистилъ, спасъ его имущество, изъ котораго мнѣ слѣдовало взыскать и получить для Крюкова немалую сумму. Лишь только было это мной сдѣлано, какъ мой довѣритель Крюковъ низко уничтожилъ довѣренность мнѣ. Мои труды и вознагражденіе за нихъ пропали, но всетаки я кое что

зароботалъ въ этомъ дѣлѣ, узналъ благодатный югъ, и переѣхалъ съ Тулы въ Кіевъ, потому что намъ опротивѣло уже жить на сѣверѣ и среди песвоихъ.

Въ Кіевѣ практика мнѣ пошла, родился третій сынъ Нарцизъ (второй Станиславъ родился въ Тулѣ), но преслѣдованія и невзгоды не прекращались. Сначала засадили меня въ крѣпость по тульскому приговору за оскорбленіе, якобы, суда. Затѣмъ, когда явилась диктатура Черткова, меня, въ апрѣлѣ проклятаго 1879 года, схватили и увезли въ Вильно. Изъ всѣхъ правительственныхъ преслѣдованій въ моей жизни, а ихъ столько было, это оказалось самымъ вопіющимъ и жестокимъ. Послѣдовало оно изъ личной, самой черной мести. Мой тесть, Леопольдъ Бачинскій, весьма недобрый и психически нездоровый человѣкъ, когда его, въ 1865 году, увозили съ Тульчина въ Пинегу, далъ неограниченную довѣренность родственнику своему по женѣ, нѣкоему мѣщанину съ Песвижа, провизору Александру Чикирскому. Этотъ Чикирскій заграбилъ все имущество тестино, стоющее не менѣе, шестидесяти тысячъ рублей серебромъ, въ Ананьевѣ херсонской губерніи зажилъ богачемъ, сталъ тамъ заниматься лихвой и всякими нечистыми дѣлами.

Когда мы съ Кіева потребовали, сначала частнымъ образомъ, а послѣ и судомъ, возвращенія заграбленнаго имущества, то Чикирскій рѣшился отдѣлаться отъ насъ,ославъ насъ опять, но уже такъ, чтобъ мы больше не возвращались. Чикирскій узналъ какъ-то о пропагандѣ около Ананьева геніальнаго и великаго Андрея Желябова, ставшаго послѣ главнымъ лицомъ въ процессѣ по поводу убійства Александра II и казненнаго за то въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ своей невѣстой, Софіей Перовской, Кибальчичемъ и Михайловымъ. Чикирскій указалъ на Желябова мѣстному товарищу прокурора, поляку Антону Добржинскому, у котораго съ Чикирскимъ были постоянныя и близкія дѣла: Добржинскій занималъ постоянно у Чикирскихъ деньги, всегда оставался не мало имъ долженъ, бралъ черезъ Чикирскихъ взятки, вмѣстѣ обрабатывали разныя грязныя судебныя и административныя дѣла. За открытіе и поимку,

благодаря Чикирскимъ, Андрея Желябова, Антонъ Добржинскій получилъ громадную награду: ему, провинціальному небольшому чиновнику наразъ дали имперскій уже постъ вице-директора департамента государственной полиціи.

До сихъ поръ весь Петербургъ не можетъ еще забыть того, какъ неистовствовалъ на этомъ посту Антонъ Добржинскій, какъ онъ вымогалъ истязаніями взятки! И теперь онъ у дѣлъ: вицедиректоромъ министерства юстиціи. Добржинскій отблагодарилъ Чикирскихъ за указаніе Желябова ссылкой насъ сначала изъ Кіева въ Вильно, на мѣсто родины, а послѣ съ Вильна въ Вологду. Съ Вильна я писалъ вездѣ даже въ сенатъ, требуя слѣдствія и суда, если виноватъ, и свободы, если невиненъ. Но никто не отвѣчалъ, ничто не помогало. Въ августѣ 1879 года пріѣхалъ въ Вильно на маневры царь. На все время его пребыванія въ Вильнѣ, меня съ покойнымъ братомъ Мартиномъ заперли въ политической тюрьмѣ, въ монастырѣ доминиканцевъ, чтобъ лишить возможности пожаловаться лично царю.

Когда насъ, по дорогѣ изъ Вильна въ Вологду, привезли въ Петербургъ, напрасно я требовалъ въ немъ представленія меня шефу жандармовъ, чтобъ объяснить ему свою невиновность. Тамъ, въ Петербургѣ, въ пересыльной тюрьмѣ, въ Демидовомъ переулкѣ, меня раздѣлили съ женой и дѣтьми. Смотрительница женскаго отдѣленія тюрьмы, въ квартирѣ которой, осужденная уже въ Сибирь, за разныя крупнѣйшія воровства, любовница, сводница и посредница въ разныхъ темныхъ дѣлахъ разныхъ сановниковъ и богачей, громкая, въ свое время, въ невской столицѣ, Гулакъ-Артемовская, давала вечеринки для высшей полиціи и дѣльцовъ столицы, эта смотрительница обокрала насъ въ тюрьмѣ. Петербургская прокуратура замяла это. Въ пересыльной тюрьмѣ дѣти достали кори; начинались холода; но насъ повезли все таки дальше. Въ Москвѣ, въ спаскомъ частномъ домѣ, заперли насъ на ночь въ холодныхъ и до того тѣсныхъ каморкахъ, что не только лечь, но сѣсть негдѣ было и поутру повезли дальше въ Вологду, въ которую мы привезли дѣтей уже въ горячкѣ и въ безпамятствѣ.

Оправились дѣти, мы наняли квартиру, я началъ было уже искать заработка, что оказалось нелегко, такъ какъ мнѣ въ этомъ противодѣйствовалъ, товарищъ по университету, которому мы съ братомъ не разъ оказывали возможныя услуги, предсѣдатель вологодскаго окружнаго суда, нынѣ предсѣдатель петербургской судебной палаты, Мальчевскій, принявшій православіе для повышенія по службѣ и перемѣнившій свое имя съ Франца на Корнилія. Вдругъ перевезли насъ изъ Вологды опять дальше въ Кадниковъ, гдѣ, подъ видомъ ссыльныхъ, жила цѣлая куча шпіоновъ, во главѣ которой стоялъ небезъизвѣстный литераторъ, розыгрывающій роль соціалиста, буржуа, нѣкій Щербина. Не успѣли мы оглянуться порядкомъ въ Кадниковѣ, какъ пришло предписаніе отправить меня одного, безъ семьи, еще дальше на пятьсотъ верстъ, въ Яренскъ. Этотъ новый ужасный ударъ вызванъ былъ тѣмъ, что, въ то время, появилась уже бездушная, безчеловѣчная диктатура Лорисъ-Меликова, руководитель и надзиратель котораго Скальковскій дружилъ въ Одессѣ съ Антономъ Добржинскимъ, рѣшившимъ убить насъ для Чикирскихъ, которые непремѣнно этого хотѣли.

Я не зналъ тогда положительно причины этого новаго преслѣдованія, но понималъ ясно, что намъ грозитъ окончательная погибель. Я не выдержалъ: сильно заболѣлъ, лѣчилъ меня казенный городовой врачъ. Въ это время пришли въ мой домъ — полиція, жандармы, солдаты съ ружьями, и, объявивъ письменное предписаніе исправника Григорія Иванова, о томъ, чтобы дѣйствовать-оружіемъ, если буду сопротивляться, подняли меня съ постели, и стали одѣвать. Спѣша, а можетъ быть и нарочно, не надѣли ни галстуха, ни жилетки, но, къ счастью, накинули за то на плечи песцовую шубу, и, въ такомъ видѣ, увезли въ полицейское управленіе. Тамъ сдѣлался со мной сильнѣйшій припадокъ сердца. Городовой врачъ Илья Смоленскій, вполнѣ преданный полиціи, обливая мнѣ грудь холодной водой, замочилъ ею все бѣлье на мнѣ, и такъ мокраго вынесли меня съ полиціи, уложили въ сани, и умчали въ Яренскъ. На

дворѣ бушевала тогда сѣверная вьюга; было 28 °/₀ мороза. Жену, кинувшуюся проститься со мной, солдаты, на моихъ глазахъ, оттолкнули, потащили! ... Она была въ то время больна, въ домѣ было менѣе рубля денегъ.

Везли меня въ Яренскъ безъ отдыха, ночевать даже не давали, въ Тотьмѣ исправникъ какой-то Лавровъ испугался, просто, увидя въ какомъ положеніи меня везутъ. Когда я ему разсказалъ, какъ меня съ Кадникова увезли, онъ, не повѣрилъ сначала мнѣ, но конвоиръ мой подтвердилъ мои слова. Истиннымъ чудомъ я всегда буду признавать, что не погибъ тогда. Но безслѣдно все это, однако, не прошло: въ Яренскъ я пріѣхалъ невидящимъ почти; меня болѣе двухъ недѣль водили подъ руку, и нѣсколько мѣсяцевъ болѣли сильно мнѣ глаза. Жена съ дѣтьми, между тѣмъ, доставая вездѣ, гдѣ только можно было, денегъ, добралась, съ величайшимъ трудомъ, до Петербурга. По наущенію Скальковскаго, который сначала не хотѣлъ даже говорить съ женой, Лорисъ-Меликовъ принялъ ее грубо, кричалъ, грозилъ, топалъ ногами; оба они сдѣлались нѣсколько мягче лишь тогда, когда Побѣдоносцевъ, на просьбы и сѣтованія моей жены, вмѣшался въ это дѣло. Лорисъ-Меликовъ говорилъ женѣ, что выслали меня за то, что всю жизнь свою пахожусь въ опалѣ, а теперь такое смутное врѣмя. Побѣдоносцевъ же съ жаромъ твердилъ: „вотъ все это за эту правду, зачѣмъ эта правда, не нужно ея!"

Лѣтомъ 1880 года, новый вологодскій губернаторъ Леонидъ Черкасовъ увезъ меня съ собою на пароходѣ изъ Яренска въ Вологду. Оттуда послали въ Грязовецъ, находящійся уже на желѣзной дорогѣ. Ко мнѣ пріѣхала съ Петербурга жена съ дѣтьми съ обѣщаніемъ Лорисъ-Меликова, что черезъ полгода непремѣнно буду свободенъ. Но освободили лишь черезъ годъ послѣ убійства Александра III. Въ Грязовцѣ мы бѣдствовали. Казенное пособіе, ничтожное и такъ, уменьшили намъ наполовину затѣмъ, чтобъ, по словамъ губернаторскаго предписанія, я не имѣлъ средствъ много писать по почтѣ, по которой я посылалъ все просьбы объ освобожденіи. Надзиратель города рапилъ меня саблей въ голову

въ моемъ же домѣ, когда я хотѣлъ снять съ его головы шапку, въ которой онъ позволилъ себѣ стоять. Чтобъ очернить передъ мѣстнымъ обществомъ, сдѣлали разъ обыскъ у меня, ища фальшивыхъ бумажекъ, и одну двадцатипятирублевку забрали и послали въ Петербургъ. Оказалась, разумѣется, настоящей.

Послѣ трехъ лѣтъ безвинной, кровавой неволи, получили мы, въ началѣ 1882 года, свободу, но были вполнѣ разорены, безъ денегъ, платья, обуви, бѣлья, а въ Грязовцѣ родилась намъ еще дочь Франциска. Страшась уже больше провинціи, я поселился въ Петербургѣ, искалъ тамъ работы, трудился, бѣдствовалъ, и наконецъ, въ концѣ 1882 года, сталъ во главѣ „С. Петербургскихъ Вѣдомостей." Арендаторъ ихъ Виссаріонъ Комаровъ, извѣстный сотрудникъ Муравьева въ Вильнѣ и по каракозовскому дѣлу, вице-шефъ русскихъ добровольцевъ въ Сербіи, взялъ меня, какъ послѣ оказалось, для того, чтобъ его газету, которую рѣшительно никто уже не хотѣлъ читать, поддержали, благодаря моему сотрудничеству, честные люди. Газета при мнѣ стала интересовать всѣхъ не только въ Россіи, но и заграницей, велъ я ее, на сколько только могъ, прогресивно, даже радикально; но, возвратившись съ коронаціи Александра III. Комаровъ такъ подло поставилъ себя ко мнѣ и къ моей программѣ, что я долженъ былъ уйти.

По полугодичное мое руководительство „С. Петербургскими Вѣдомостями" и всѣмъ, и мнѣ безъ пользы не осталось: я, напримѣръ, тогда изучилъ съ натуры, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, многія дѣла и пружины крамолы, программу и доблести тайной полиціи и бюрократіи. Разошедшись съ Комаровымъ, я сталъ писать для насущнаго хлѣба, но всегда честно, вездѣ гдѣ только могъ, велъ немного дѣла, какъ адвокатъ; было тяжело, но тянулъ лямку. У насъ родилась тогда вторая дочь Марія. Я предложилъ правительству и обществу („Свѣтъ," N°. 274, 1883 года) проектъ новаго народнаго займа, преобразованіе сибирской золотопромышленности („Биржевыя Вѣдомости," NN° 109, 110 за 1883 годъ), упраздненіе, уѣздовъ и образованіе всесословной волости („Эхо," NN° 127, 128 и 129 за 1882 годъ), и уничтоженіе ежегоднаго поч-

товаго воровства въ восемь милліоновъ рублей („Эхо," № 126, 1882 г.).

Царь и его правительство отвергли всѣ эти проекты. Защищая ихъ въ петербургскомъ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, предсѣдателемъ котораго состоитъ нынѣшній тайный императоръ Россіи, Николай Игнатьевъ, я познакомился хорошо съ этимъ человѣкомъ, отлично изучилъ какъ его, такъ и его дѣятельность, его пособниковъ .... Прибавлю въ заключеніе, что на устроенную Добржинскимъ и Скальковскимъ, для сокрытія ограбленія моего тестя Чикирскимъ, ссылку намъ, я вездѣ, даже и царю и все напрасно жаловался. Предъявляли мы тоже гражданскій искъ къ Чикирскому, но и тотъ проиграли, въ Одессѣ, причемъ адвокатъ города Одессы, нѣкій Доминикъ Богацкій являлся одновременно повѣреннымъ нашимъ и Чикирскаго, и послѣ его смерти, отъ его имени, вытребовалъ съ насъ еще судебныя издержки. Одинъ изъ сыновей Чикирскаго, Казиміръ, студентъ медицины въ Москвѣ, состоитъ въ тоже время, и въ тайной полиціи. Другой лѣкарь, Витольдъ, барствуетъ въ Ананьевѣ.

4 Октября 1884 года, мы вырвали, наконецъ, часть ограбленнаго у тестя Чикирскими имущества — одну изъ аптекъ въ Тульчинѣ. Удалось это случайно: Чикирская умирала, и, страшась собственной совѣсти передъ полуоткрытой уже для себя могилой, или боясь новаго суда и позора съ нашей стороны, но аптеку эту отдали намъ, будтобы, продали за девять тысячъ рублей серебромъ, какихъ у насъ не было. Пріѣхавъ, въ концѣ 1886 года, изъ Петербурга въ Тульчинъ на время только, какъ мы думали, чтобъ устроить эту аптеку и повыгоднѣе ее продать, мы поневолѣ засѣли въ проклятомъ Тульчинѣ болѣе чѣмъ на цѣлые три года. Чего съ нами не дѣлали только, въ это время, изверги, желая, какимъ бы то ни было образомъ, забрать нашу аптеку, и замучить насъ самихъ, не давая при этомъ даже виду политическаго преслѣдованія? Два раза закрывали аптеку, все время судили за небывалыя оскорбленія чиновниковъ, держали въ тюрьмахъ, въ которыхъ буквально истязали, особенно меня въ каменецкой тюрьмѣ.

А тюрьма это была вполнѣ инквизиторская! Руководилъ ею прокуроръ Русиновъ, установившій таксу на всѣ уголовныя преступленія, устраивающій даже ихъ для собственной наживы. Въ тюрьмѣ этой убили попа Тестовскаго; смотритель Бредихинъ заморозилъ въ карцерѣ какого-то юношу—въ одной рубашкѣ и босаго засадили его и на полъ налили воды, которая превратилась въ ледъ. Врачъ Нейманъ отравилъ кукарку Тестовскаго. Въ тюрьмѣ этой организовались, съ вѣдома прокурора Русинова, разбойничьи банды для всего юга, даже для сосѣдней Галиціи. Меня въ этой тюрьмѣ мучили холодомъ, голодомъ, оскорбленіями. Видя, что все это не приводитъ къ цѣли, признали меня съумасшедшимъ. Дважды хотѣли признать съумасшедшей мою жену. Еслибъ послѣднее удалось, то явилась бы надъ дѣтьми и аптекой опека, аптеку расхитили бы, дѣтей погубили. Наконецъ, за неправильный долгъ какой-то Прухницкой, въ 432 рубля передали жиду Морткѣ Фуксу, тульчинскому дрогисту, продали, будто бы, за десять тысячъ рублей серебромъ, аптеку нашу, стоившую не менѣе пятнадцати тысячъ.

Мнимая продажа совершилась безъ описи, оцѣнки, торговъ; но сенатъ не захотѣлъ разсматривать жалобу нашу на все это. Главными руководителями, разумѣется тайными, всего этого явились два врача-шпіона: Исидоръ Матушкевичъ, варшавскій уроженецъ, съ Тульчина и Ролле съ Каменца. Имъ помогали три ксендза: Засоскій и Кулеша въ Тульчинѣ и Улановичъ съ Брацлава. Улановичъ диктаторствуетъ во всей брацлавщинѣ, обнимающей собою нѣсколько уѣздовъ, въ которыхъ все слушается его: полиція, помѣщики, жиды, попы ксендзы, крестьянство. Ролле въ 1863 году былъ кассиромъ революціоннымъ всей Подоліи. Укралъ тридцать тысячъ польскихъ денегъ и продался русской полиціи. Теперь онъ паразъ шпіонъ на два государства: шпіонитъ русскихъ для австріицевъ и Галицію для русской полиціи. Говорятъ, что онъ принялъ православіе. Ролле уговаривалъ мою жену, чтобъ та письменно заявила суду, что я съумасшедшій. Онъ все значитъ въ подольской губерніи,

которая боится его подлостей, его силы и, платитъ ему за все.

Поселившись, послѣ продажи аптеки, съ 3 Мая 1890 года опять въ Петербургѣ, я убѣдился окончательно, что роль моя въ Россіи кончена, что не дадутъ ни работать, ни спокой не уснуть и встать, что надо спасаться бѣгствомъ изъ, зачумленной подлостью, многострадальной страны. Желая не бездѣйствовать и испробовать себя въ реальной экономической работѣ, я ходатайствовалъ о разрѣшеніи мнѣ постройки желѣзной дороги отъ станціи Ваппярки, на Тульчинъ, Брацлавъ, Немировъ и Вороновицу, до города Винницы. Дорога эта выпрямила бы на сто почти верстъ одесско-кіевскій путь. Я не требовалъ отъ правительства ни гарантіи, ни пособій, все бралъ на себя, ибо мнѣ предлагали на то деньги. Но ни министерство путей сообщенія, ни самъ царь, вѣрнѣе Рихтеръ не разрѣшили потому, что чины министерства, особенно вице-директоръ Станиславъ Ястржембскій, и директоръ александровскаго Чугуннаго завода, Болеславъ Яловецкій и инженеръ Горчаковъ устроили монопольно-мошенническую компанію, которая одна только должна вести всѣ небольшія новыя рельсовыя дороги въ Россіи.

Несчастная смерть брата Мартина ускорила мой выѣздъ за-границу; но полгода пришлось ходатайствовать о выдачѣ паспорта. Пробывъ три недѣли въ Парижѣ, я видѣлъ, что Франція нынѣ—таже дикая Россія, и поселился въ Лондонѣ. Шпіоны и здѣсь не даютъ покоя, даже, хваленая на весь міръ, лондонская почта задерживаетъ мою корреспонденцію, отдаетъ ее для пересмотра другимъ, не отвѣчаетъ на мои жалобы на все это. Но при всемъ томъ я могу еще пока здѣсь работать и жить, хотя оказывается, что на эмиграціи также нелегокъ, какъ и въ Россіи, честный трудъ. Напримѣръ, эту книгу не безъ трудностей пришлось напечатать. Въ Женевѣ есть какая-то русская типографія нѣкоего Плеханова (Route de Lancy, 505). При посредничествѣ товарища по Пипегѣ А. Х. Христофорова съ Веве, я отдалъ эту книгу въ рукописи туда для напечатанія. Администраторъ типографіи, жидъ

Шлема (Савелій, якобы) Рольникъ письменно взялся скоро напечатать. Но сначала началъ медлить, вѣроятно посылалъ куда-то рукопись, затѣмъ потребовалъ передѣлки книги, исключенія изъ нея о жидахъ, шпіонахъ и Спасовичѣ, безъ чего отказался печатать. Двѣсти франковъ, взятыхъ впередъ, не возвратилъ.

Поручивъ себя со всей семьей, жена и шестеро дѣтей— гостепріимству Великобританіи, я, страдалецъ всю жизнь свою за идею, думаю, что, подъ защитой британскаго льва, подъ защитой, давшей возможность свободно жить и трудиться Гарибальди, Мадзини, Кошуту, Герцену, Огареву, Бакунину и многимъ другимъ, мнѣ удастся свободно поработать еще на благо Польши, Россіи и человѣчества.

ВИКЕНТІЙ ЖУРАВСКІЙ.

Лондонъ, понедѣльникъ,
10 Ноября, 1891 года.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У АВТОРА:

VINCENT JURAVSKY

29, BOLTON GARDENS, HIGH ROAD,

CHISWICK, LONDON.